

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ASIA & AFRICA today

2023 № 5

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2023 № 5

Ежемесячный научный журнал
Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»)
Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцев (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 5

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title “Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Васильев А.М.** Саудовская Аравия: укрепление вертикали власти в условиях ломки старой мир-системы 5
- Степанько Н.Г.** (Владивосток). Сбалансированная эколого-экономическая ситуация на трансграничных территориях России и Китая как основа долгосрочного сотрудничества 17
- Виноградов И.С.** Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина 26
- Захарова Л.В.** Американско-китайское технологическое противостояние как вызов внешнеэкономической стратегии Республики Корея 36

К ДНЮ АФРИКИ – 25 МАЯ

- Панцеров К.А., Старостенко В.А.** (Санкт-Петербург). Международная парламентская конференция «Россия – Африка» 44
- Denisova T.S., Kostelyanets S.V.** Russia's Planned Naval Logistics Base on the Red Sea: Regional Security Implications 48
- Ткаченко А.А., Ткаченко К.А.** Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 2 56
- Филиппов В.Р.** Африканская политика Франции в 2017–2023 годах 65

РЕЦЕНЗИИ

- Хохолькова Н.Е.** Феномен нации и его трансформация в постколониальном мире 74
- Ткаченко А.А.** История российско-эфиопских отношений до 1917 года 77
-

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: +7 495-697-95-66
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

- Alexey M. Vasiliev.** Saudi Arabia: Strengthening the Power Vertical in the Context of the Collapse of the Old World-System **5**
- Natalia G. Stepanko** (Vladivostok). Balanced Environmental and Economic Situation in Transboundary Territories of Russia and China as a Basis for Long-Term Cooperation **17**
- Iliia S. Vinogradov.** Myanmar – China. Beijing’s Strategic Interests and Instruments of Influence **26**
- Liudmila V. Zakharova.** Technological Confrontation between the USA and China as a Challenge to the Foreign Economic Strategy of the Republic of Korea **36**

AFRICA DAY – MAY 25

- Konstantin A. Pantserov, Vladimir A. Starostenko.** (St. Petersburg). The International Parliament Conference “Russia – Africa” **44**
- Tatyana S. Denisova, Sergey V. Kostelyanets.** Russia’s Planned Naval Logistics Base on the Red Sea: Regional Security Implications **48**
- Alexander A. Tkachenko, Konstantin A. Tkachenko.** North African Countries in XXI Century: The Processes of Formation of a New Social Appearance. Part 2 **56**
- Vasily R. Filippov.** African Policy of France in 2017–2023 **65**

BOOK REVIEW

- Nadezhda E. Khokholkova.** The Phenomenon of the Nation and Its Transformation in the Post-Colonial World **74**
- Alexander A. Tkachenko.** The History of Russian-Ethiopian Relations before 1917 **77**
-

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position of the Editorial.

Included in Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750025680-0

Саудовская Аравия: укрепление вертикали власти в условиях ломки старой мир-системы¹

© Васильев А.М.^a, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва Россия
ORCID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Резюме. Осуществление реформ в Саудовской Аравии встретило и поддержку, и сопротивление. За реформы была значительная часть молодежи и проправительственные «либералы», часть элиты, отвергавшей прежнюю систему пирамидально-группового феодализма. Против выступали слои общества, заинтересованные в сохранении старых порядков. Среди противников были экстремисты-джихадисты; часть членов «господствующего племени» Саудидов, которые теряли свою власть и доходы, связанные с прежней системой коррупции; часть корпорации ваххабитов; религиозная полиция; богословы, опасавшиеся потерять влияние интерпретаторов шариата; часть бизнеса, процветавшая за счет субсидий государства и отсутствия контроля над расходами и доходами. Среди противников были и консерваторы из средних и низших слоев, недовольные предоставлением больших прав женщинам.

Однако твердый курс руководства королевства на защиту, прежде всего, национальных интересов страны и отказ подчиняться диктату США в вопросах цен на нефть был подчеркнут демонстративным сближением с Китаем и нейтралитетом в конфронтации России с коллективным Западом. Саудовская Аравия искала и находила свое место в меняющейся мир-системе.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, король Сальман, кронпринц Ибн Сальман, правящая элита королевства, аресты, саудовско-американские отношения, Хашогджи, отношения КСА и КНР

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Васильев А.М. Саудовская Аравия: укрепление вертикали власти в условиях ломки старой мир-системы. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 5–16. DOI: 10.31857/S032150750025680-0

Saudi Arabia: Strengthening the Power Vertical in the Context of the Collapse of the Old World-System

© Alexey M. Vasiliev^a, 2023

^a Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Abstract. The implementation of reforms in Saudi Arabia met with both support and resistance. A significant part of the youth, pro-government “liberals”, and those elites that rejected the former feudal pyramid system stood in favor of the reforms. Among the opponents were jihadist extremists, some of the members of the “dominant tribe” of the House of Saud, who were losing their power and income associated with the previous system of corruption, some part of the Wahhabi corporation, religious police, theologians, some part of the business that flourished due to state subsidies and the absence of taxes and control over expenditures and incomes. Among the opponents were also conservatives from the middle and lower strata, dissatisfied with the granting of greater rights to women.

The regime’s international image was spoiled by the assassination of opposition leader Jamal Khashoggi in the Saudi consulate in Istanbul.

¹ Окончание. Начало см.: Васильев А.М. Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 9. С. 53–69. DOI: 10.31857/S032150750021786-6; *его же* – Саудовская Аравия. Годы смуты: и репрессии, и «либерализация». *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 10. С. 15–26. DOI: 10.31857/S032150750022717-0; *его же* – Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9.

However, the firm course of the kingdom aimed at protecting, above all, the national interests of the country and the refusal to obey the dictates of the United States in matters of oil prices was highlighted by a demonstrative rapprochement with China and neutrality in the confrontation between Russia and the collective West. Saudi Arabia looked for and found its place in the changing world-system.

Keywords: Saudi Arabia, King Salman, Crown Prince Mohammed bin Salman, ruling elite of Saudi Arabia, arrests, Saudi-American relations, Khashoggi, Saudi-Chinese relations

For citation: Vasiliev A.M. Saudi Arabia: Strengthening the Power Vertical in the Context of the Collapse of the Old World-System. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 5–16. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025680-0

ВВЕДЕНИЕ

Месяц за месяцем король Сальман и кронпринц Мухаммед ибн Сальман сознательно и систематически разрушали базу власти, высших принцев и их наследников, обеспечивающих себя патронатно-клиентельной системой и личными финансовыми доходами. Их позиции в государственной бюрократии передавались технократам или младшим принцам, не имевшим политической базы. Контроль над ними осуществляли специальные антикоррупционные организации.

ЗАДАЧА – НЕЙТРАЛИЗОВАТЬ ОППОЗИЦИЮ

Чтобы получить общественную поддержку, нужно было бороться с коррупцией и уменьшать расходы племени Аль Саудов. С 2015 г. саудовские принцы потеряли чувство неприкосновенности, хотя и не убежденность в своей принадлежности к элите. Один из них был приговорен к смерти за совершенное убийство, другой попал в тюрьму за то, что грубо обращался со слугами, третьи проиграли судебные процессы. В банках были заморожены некоторые их счета, а многие «подарки» в виде земли были возвращены государству. Большинство принцев должны были проходить в аэропортах через таможню, некоторых ограничили в путешествиях, третьи навсегда покинули страну. Королевский диван больше не оплачивал их счета за электричество или за телефоны. Многие принцы не получали ни выгодных государственных контрактов по завышенным ценам, ни бесплатных авиабилетов, ни больших пачек рабочих виз, которые они раньше прибыльно перепродавали. Доступ к королю был ограничен [1, p. 135].

Политика реформ встречала сопротивление внутри части племени Аль Саудов. Особое недовольство вызывал Мухаммед ибн Сальман как символ перемен. Король Сальман как умный и дальновидный политик принял меры для его поддержки в Комитете преданности. Из 34 его членов 29 получили для своих родственников привилегированные позиции: их сыновья или братья стали провинциальными губернаторами, заместителями губернаторов или послами в важных странах [1, p. 69].

Но оппозицию нужно было нейтрализовать решительными методами. Возможно, король Сальман и его сын спешили, чтобы ухудшение здоровья короля не закрыло путь к власти Ибн Сальману.

1 июня 2017 г. Мухаммед ибн Наиф был снят с поста кронпринца и министра внутренних дел. Его вызвали к королю на обычную встречу, вооруженная охрана осталась за дверями. Он сдал свой мобильный телефон, что было обычной мерой перед встречей с монархом. Однако король Сальман долго не появлялся. Он сам и его ближайшие советники вели переговоры с членами Комитета преданности (лично или по телефону), чтобы получить поддержку назначению Ибн Сальмана кронпринцем. 31 из 34 высказались «за». Об их согласии сообщили Ибн Наифу и предложили подписать заявление об отставке. Он тянул время. Так продолжалось несколько часов. Решило дело якобы вмешательство губернатора Мекки Халида аль-Фейсала в пользу Ибн Сальмана. Ибн Наиф понял, что ситуация безвыходная, и подписал заявление об отставке. Никакой новый заместитель наследника не был назначен. Министерство внутренних дел с урезанными полномочиями было передано преданному Сальману и его сыну человеку. Ибн Наиф был смещен и с поста главы Совета по делам политической безопасности. Этот пост занял Ибн Сальман. Казалось, что Ибн Наиф выпал из политического поля в Саудовской Аравии [1, p. 70].

Король и его сын хорошо подготовились к следующему этапу внутренней борьбы.

21 июля 2017 г. был создан новый орган – Управление государственной безопасности, которое напрямую подчинялось монарху через Королевский диван и, соответственно, через Мухаммеда ибн Сальмана. Оно приняло на себя почти все функции полиции (в т.ч. борьбы с терроризмом) и внутренней разведки, оставив Министерству внутренних дел ответственность за нарушение правил движения, за

паспорта, за пожарную безопасность. Новое агентство возглавил генерал Абдель Азиз аль-Хоувайрни (он в свое время тесно работал с Наифом), который быстро понял, кому принадлежала реальная власть в стране. Именно он руководил намеченными арестами. Сальман резко усилил королевскую гвардию (подробнее см.: [2]).

В сентябре 2017 г. арестовали несколько десятков активистов – от крайне консервативных улемов, противников социальных перемен, до либеральных интеллектуалов, которые требовали больше перемен. Они не были реальными оппозиционерами, но были возможными критиками короля и кронпринца. Может быть, их арестовали, чтобы они не мешали более важным и решительным мерам. Среди арестованных оказались Сальман аль-Ауда и Сафар аль-Хавали, другие деятели движения «Возрождение»², которые согласились сотрудничать с режимом после своего диссидентства 1990-х гг., но продолжали отстаивать некоторые свои взгляды. Послание обществу состояло в том, что скорость и методы перемен будут определять король и наследный принц, а какая-либо критика справа или слева недопустима [1, р. 207].

Установив контроль над всеми уровнями государственной власти, кроме Национальной гвардии, король и кронпринц решились на беспрецедентный шаг – арест за коррупцию нескольких сот представителей высшей элиты страны.

4 НОЯБРЯ 2017 ГОДА – ВЕХА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КОРОЛЕВСТВА

4 ноября 2017 г. в стране создали новый орган с чрезвычайными полномочиями – Национальный антикоррупционный комитет во главе с Мухаммедом ибн Сальманом, куда вошел и генеральный прокурор Саудовской Аравии шейх Сауд аль-Муджаб³.

Рано утром 4 ноября король Сальман издал декрет, отправлявший в отставку Мутиба, сына короля Абдаллаха, командующего Национальной гвардией. Через несколько часов он был арестован и препровожден в роскошный отель «Риц-Карлтон», который очистили от всех прежних постояльцев. Никто не успел выступить в его защиту. Вместе с ним были арестованы три его брата, т.е. фракция детей короля Абдаллаха оказалась вне политики.

В ходе предварительного расследования обнаружилось, что король Абдаллах в 2010 г. создал специальный благотворительный фонд, куда были переданы очень крупные средства государства, в т.ч. и земельные участки. Этот фонд наследовали его дети, которые немедленно стали использовать его в своих интересах. Мутиба обвиняли в том, что он передал землю, принадлежащую Национальной гвардии, в этот же частный фонд. Он якобы стал первым, кто согласился вернуть государству колоссальную ответственность и больше не занимать никаких постов. «Возьмите мои деньги и оставьте меня», – якобы сказал он Мухаммеду ибн Сальману. Чтобы успокоить других, Мутибу приказали улыбаться, позируя для фотографии с наследным принцем после этих событий. Даже дочери короля Абдаллаха многое потеряли, хотя их не арестовывали. Доверенные короля Абдаллаха – глава его королевского дивана Халид аль-Тувайджри и бывший глава протокола Мухаммед аль-Тубайши – расстались со значительной частью своих мультимиллионных состояний [3, р. 252]. Среди арестованных были 381 представитель саудовской элиты – принцы королевской крови, 4 действующих и несколько десятков бывших министров, богатейшие бизнесмены, военные⁴. Кто-то был приглашен на встречу к королю, но встреча «не состоялась», кто-то – к наследному принцу, кого-то вызвали из Дубая, кого-то брали дома. Аресты осуществляли вооруженные люди, забирали мобильные телефоны и препровождали в отель «Риц-Карлтон». Всех обвинили в коррупции. Генеральный прокурор позднее заявил: «Доказательства совершения противоправных действий – неопровержимы, и подтверждают подозрения, заставившие власти Саудовской Аравии начать расследование». Далее он добавил: «Потенциальный масштаб коррупционных практик, которые были вскрыты, просто огромен. Основываясь на результатах нашего расследования, которое велось последние три года, мы считаем, что за несколько десятилетий как минимум 100 миллиардов долларов были похищены вследствие системной коррупции и мошенничества...» (см.: [4; 5]).

Начали замораживаться счета лиц, предположительно связанных с арестованными.

² <https://spzh.news/ru/news/46451-vlasti-saudovskoy-aravii-arestovyvayut-neugodnykh-bogoslovov->

³ См.: https://ria.ru/20171109/1508493170.html?chat_room_id=1508493170 (accessed 10.02.2023)

⁴ См.: <https://vedomosti.ru/economics/articles/2018/02/12/750723-tyurma-printsev-saudovskih-milliardero> (accessed 14.02.2023)

Саудовский Центральный банк заморозил счета не только задержанных, но и некоторых умерших сыновей короля Абдаллаха и сыновей – Султана, Мишалья и Абдурахмана [1, p. 244], а также примерно 1700 счетов сотрудников арестованных и членов их семей. Были запрещены вылеты частных самолетов из королевства.

Официальная позиция состояла в том, что аресты являются частью усилий «по уборке в доме», чтобы поддержать стремление короля и кронпринца провести капитальный ремонт экономики страны и избавиться от коррупции. Ибн Сальман заявил: «Уверю вас, что любой, кто погряз в коррупции, не останется в покое, является ли он принцем или министром, или кем-либо другим». Совет высших улемов поддержал аресты, заявив, что исламское право «требует от нас бороться с коррупцией, и этого требуют также наши национальные интересы» [3, p. 253].

Материалы на обвиняемых готовились с помощью консалтинговых фирм из Европы, США и с Ближнего Востока. На допросах обвиняемым показывали документы, свидетельствующие об их коррупции. Свободу обещали в случае сделки со следствием и выплаты требуемой суммы. Большинство согласилось, поняв, что сопротивляться бесполезно. Видимо, спорили лишь о сумме и форме выкупа. Некоторые задержанные пытались опровергнуть обвинения, но шли на уступки, когда в отель привозили их бизнес-партнеров, которые стали давать против них показания. По неподтвержденным данным международных СМИ, связанных с катарскими источниками, задержанных якобы пытали, подвергали многочасовым допросам, лишали сна. Считалось, что один из руководителей офиса принца Турки ибн Абдаллаха – генерал-майор Али аль-Кахтани – не вернулся из заключения живым: то ли был сердечный приступ, то ли он пытался сопротивляться и вступил в драку и даже ранил кого-то из нападавших. Пока проверенных фактов такого рода нет. Но сам арест бывших «хозяев жизни», считавших себя неприкосновенными, определял успех операции. Задержанные расплачивались или наличными в банках, или акциями и другими формами участия в крупных компаниях, или недвижимостью, прежде всего, собственностью на землю.

Стоит заметить, что таким образом было произведено как бы подобие земельной реформы. Из-за высоких цен на землю строительство в крупных городах было приостановлено. Большие участки, пригодные для строительства, принадлежали нескольким принцам и крупным спекулянтам. Они не платили налогов на землю и держали её просто как вложение, ожидая повышения цен. Из-за этого многие саудовцы не могли построить дома.

После «арабской весны» король Абдаллах приказал построить 500 тыс. новых домов. Задача оказалась практически невыполнимой – не нашли необходимых земельных участков. Правда, на неиспользуемую землю были введены налоги, но владельцы создавали видимость строительства, чтобы их не платить, или разбивали свою недвижимость на мелкие участки. Большая часть откупных, которые выплачивали государству заключенные «Риц-Карлтона», были не наличные и не акции, а неиспользуемая земля. Таким путем более половины неиспользуемых земель в Эр-Рияде и Джидде были возвращены в собственность государства [1, pp. 244–245].

Кое-кто избежал ареста. За месяц до 4 ноября 2017 г. король Сальман лично встречался с многочисленными принцами и бизнесменами и открыто говорил: «Страна находится в состоянии войны, у нас огромный бюджетный дефицит, в королевстве осуществляется экономическая трансформация. В течение многих лет вы хорошо зарабатывали на правительственных контрактах, субсидиях и концессиях. Иногда слишком хорошо. Никто из вас не платил налогов. Нужно помочь государству в данный момент». Некоторые собеседники согласились поделиться частью своего состояния с государством. Им было позволено сохранить примерно треть того, чем они владели в тот момент [1, p. 245].

Естественно, что во всей этой истории есть много неясностей. Никто не сообщил имена всех из 381 задержанного, а также тех нескольких десятков, которые подвергались преследованиям или арестам, но находились вне «Риц-Карлтона». Кто был освобожден, на каких условиях, кто остался в заключении? Ответа на вопрос нет. Из имен стали известны около 30, в т.ч. уже перечисленные, которые говорили о многом.

В числе арестованных оказался один из самых богатых людей в мире, входивший в число 30–40 мультимиллиардеров планеты, племянник короля принц Альвалид ибн Талаяль. От него якобы требовали \$6 млрд выкупа, утверждала «Уолл-стрит джорнал». Его выпустили в январе 2018 г., когда он о чем-то договорился с властями, но ни размер выкупа, ни условия договоренности неизвестны. В заключении остался его брат Халид.

В числе узников оказались владелец гигантского телевизионного концерна *MBC* Альвалид аль-Ибрахим, бывший глава Генерального инвестиционного ведомства Омар Таббах, брат известного (хотя уже якобы покойного) террориста – Бакр бен Ладен, глава гигантской строительной компании *Saudi Binladin Group*, и несколько членов большой семьи Ладенов. Всем задержанным были предъявлены обвинения в отмывании денег, взяточничестве, вымогательстве у должностных лиц, использовании государственных должностей для личных выгод. Их компании были или национализированы, или поставлены под контроль государства [3, p. 254].

Был арестован руководитель консалтинговой саудовской компании *Elixir*. Наследный принц знал, что американские и другие консалтинговые компании чрезмерно завышали цены, и надеялся, что, если нанять саудовцев, ситуация улучшится. Но оказалось, что *Elixir* был куплен за \$100 млн компанией «МакКинси», что помогло ей заработать дополнительно сотни миллионов долларов [3, p. 256].

Бывший многолетний министр нефти Али аль-Наими и его сын Рами были отпущены после того, как договорились об условиях выплаты части их состояния. Саудовско-эфиопский миллиардер Мухаммед Хусейн аль-Амуди находился в заключении почти год, отказываясь сотрудничать, но затем договорился о выплате государству неизвестных сумм и был освобожден.

Бывший министр финансов Ибрахим аль-Асаф был в основном свидетелем. Он доказал, что выполнял лишь требования Королевского дивана, подписывая чеки, которые шли в карманы другим. Его не обвинили в личной коррупции, и позднее на некоторое время он даже стал министром иностранных дел КСА [3, p. 255]. Всего отказались от сделки и каких-либо выплат и остались под арестом 65 человек, которых из «Риц-Карлтона» перевели в обычные тюрьмы. Места их заключения не разглашались. Несколько десятков из первых арестованных оказались просто свидетелями, и их отпустили на свободу. На каких условиях люди остались на свободе, неизвестно. Некоторые из них должны были жить в Саудовской Аравии, но под охраной с браслетом на руке или под коленом.

Заметим, что как раз в день решения об аресте коррупционеров в Эр-Рияде был задержан премьер-министр Ливана миллиардер Саад аль-Харири, который выступил по саудовскому ТВ с резкой антииранской речью и заявил, что слагает с себя полномочия главы правительства Ливана. После этого он исчез из информационного поля и якобы был задержан саудовскими властями.

Свои миллиарды в Саудовской Аравии сделал его отец – Рафик аль-Харири, купивший компанию *Oger*, которая стала *Saudi Oger*, и получал выгоднейшие заказы, установив «взаимовыгодное» сотрудничество с главой дивана короля Абдаллаха аль-Тувайджри и шефа его протокола аль-Тубайши [3, p. 262].

Рафик аль-Харири стал премьер-министром Ливана в 1992 г., но в 2005 г. погиб в результате взрыва под его машиной. Обвиняли и «Хезболлу», и Израиль, и сирийское правительство. Через некоторое время его сын Саад аль-Харири возглавил политическую и финансовую машину, созданную отцом, и несколько раз занимал пост ливанского премьер-министра (2009–2011 и 2016–2019 гг.).

Король и наследный принц считали, что раз королевство вкладывало большие деньги в семейство аль-Харири, оно должно получать результаты – и финансовые, и политические. Когда король Сальман был вынужден сокращать дефицит бюджета, компания *Saudi Oger* лишилась не только заказов, но и выплат по прежним контрактам. Десятки тысяч рабочих остались без зарплаты и без средств к существованию. Но помогать решению финансовых проблем королевства семейство аль-Харири не хотело. В 2016 г. началось расследование деятельности их компании [3, pp. 271, 273].

Саада аль-Харири вызвали в Эр-Рияд 3 ноября 2017 г. после визита в Ливан делегации Ирана во главе с Али Акбаром Велаяти. Обе стороны тогда высоко оценили «конструктивный характер» ливано-иранских отношений, что вызвало гнев короля Сальмана и его сына. Но в Ливане Саад аль-Харири действовал, учитывая реальную расстановку сил в стране, и был вынужден сотрудничать с растущей силой – проиранской «Хезболлой» [3, p. 275].

Когда премьер-министр Ливана был задержан в Эр-Рияде, последовало вмешательство в его защиту президентов Франции и Египта, самого президента Ливана и даже ливанских противников премьер-министра, которые осудили такие действия Саудовской Аравии. Через несколько дней его отпустили в Ливан. Там Саад аль-Харири отозвал свое заявление об отставке⁵.

⁵ См.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Харири,_Саад#Премьер-министр_\(2016–2019\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Харири,_Саад#Премьер-министр_(2016–2019)) (accessed 22.04.2023)

Возможно, вся операция с ним была приурочена к дню и ночи, когда нужно было отвлечь внимание и международных, и саудовских СМИ, и самой саудовской элиты от гораздо более серьезных действий, намеченных на ночь 4 ноября. Через год на очередной международной встрече бизнесменов в «Риц-Карлтоне» Саад аль-Харири появился вместе с улыбающимся наследным принцем. Оба как бы посмеивались над происшествием годичной давности. Закулисный компромисс был достигнут [3, p. 275].

Буквально за несколько дней до 4 ноября в Эр-Рияде побывал зять президента Трампа Дж.Кушнер, который «дружил» с Ибн Сальманом. Можно предположить, что эта операция была с ним согласована, или он был о ней проинформирован. Во всяком случае, через некоторое время после неё Трамп писал в своем твиттере: «Я полностью уверен в короле Сальмане и наследном принце Саудовской Аравии, они точно знают, что делают. Некоторые из тех, с кем власти королевства жестко обошлись, “доили” свою страну годами!»⁶.

Король Сальман и наследный принц выиграли очень важный раунд борьбы за укрепление своей власти и возможности продолжать задуманную политику. Серьезные политические соперники, особенно дети короля Абдаллаха, были выведены из политического поля. Антикоррупционный бренд кампании получил популярность среди саудовской молодежи и проправительственно настроенных «либералов», которые в Интернете окрестили события «Революцией 4 ноября»⁷.

Власть элиты «племени» Аль-Сауд, основанная на консенсусе главных принцев, ушла в прошлое. В правительстве стало меньше принцев и тех, кто мог оказывать влияние благодаря своему богатству и власти.

Во главе МВД, а спустя примерно год – Национальной гвардии, стали друзья детства Ибн Сальмана, оба чуть старше 30 лет. Власть наследного принца была полной. Кроме экономического блока он контролировал все три вида вооруженных сил, убрав почти всех потенциальных соперников, будь они миллиардеры или двоюродные братья [3, p. 254]. Мухаммед ибн Сальман стал, возможно, самым могущественным человеком в Саудовской Аравии со времен короля-основателя Ибн Сауда.

Король Сальман и его сын кардинально изменили политическую структуру Саудовской Аравии. Старая система пирамидально-группового феодализма, в которой высшие принцы управляли независимыми друг от друга министерствами, имели «свои» вооруженные силы, а высшие технократы находились под протекцией того или иного главного принца, ушла в прошлое.

Отныне все высшие технократы были обязаны карьерой не какому-нибудь одному патрону из числа принцев, а лично королю Сальману или его сыну. Экономическая независимость некоторых министерств была ликвидирована. Почти все провинциальные губернаторы, заместители губернаторов или важные фигуры в королевском диване были «переданы» внукам и правнукам Ибн Сауда – тем, кому доверяли король и наследный принц [1, p. 73]. Коллективное правление единокровных братьев, которое было унаследовано от короля Фейсала и обеспечивало в течение 65 лет относительную стабильность, оказалось негодным для ответа на новые вызовы и рухнуло, видимо, навсегда.

ПРОБЛЕМЫ ВНУТРИ И ВНЕ СТРАНЫ. БОРЬБА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Мухаммед ибн Сальман стал олицетворением той части саудовской элиты и массы населения, особенно молодежи, которые выступали за «изменение традиционного жизненного уклада» (подробнее см.: [6]). Но тысячи принцев считали, что они достойны привилегированного социального статуса, правовой неприкосновенности и гарантированных доходов. Многие из племени Саудидов в личном плане были недовольны переменами.

Некоторые крупные бизнесмены выехали из страны, вывезли свои семьи и купили вторые паспорта. Другие сохраняли свои счета, но приостановили новые вложения. Практически невозможно оценить, кто свернул свою деятельность после 4 ноября. Отток капитала был такой, что пришлось ввести некоторый контроль над крупными переводами за границу. Изучались переводы членов королевской семьи, иногда им отказывали в операциях. Поэтому, несмотря на необходимость обеспечить активное участие

⁶ Подробнее см.: <https://islam-today.ru/novosti/2017/11/07/tramp-podderzal-massovyj-arest-saudovskih-princev/> (accessed 20.02.2023)

⁷ См.: <https://islamnews.ru/k-chemu-privedet-borba-za-prestol-v-sau?ysclid=lh26morelb169707954> (accessed 09.05.2023)

бизнесменов в планах государства, значительная их часть выжидали. Вряд ли они могли выйти на улицы, однако выводили за границу часть своих средств [1, p. 116].

Сама численность пострадавших с их многочисленными семейными, клановыми, племенными связями говорила о наличии оппозиции королю и наследному принцу. Последовали новые аресты.

Кронпринц настраивал против себя не только многих улемов, часть саудовской элиты и бюрократии. Нужно было урезать расходы. На это желающих было меньше всего. Мировой опыт показывает, что реформы всегда вызывают сопротивление тех, кто что-то теряет, или тех, кто недостаточно выигрывает. Как заявил сам кронпринц, за несколько месяцев после 4 ноября 2017 г. было арестовано 1500 политических активистов – от консервативных проповедников до борцов за права женщин [1, p. 247]. Чувство страха распространялось в обществе.

В ходе усиления централизованного контроля и вертикали власти были маргинализованы Консультативный совет, выборные муниципалитеты и Совет по принесению клятвы в составе королевской семьи. С членами Совета по принесению клятвы консультировались индивидуально, но никогда не собирали всех вместе для назначения последовательно двух наследных принцев.

Если король Абдаллах иногда позволял определенную «либерализацию» СМИ, король Сальман и его сын резко ограничили свободу слова. Те, кто отмечал успехи рок-концертов на свежем воздухе, разрешение женщинам водить машины и открытие новых кинотеатров, старались как бы не замечать этого факта. Направление, скорость и средства осуществления реформ не были открыты для публичной дискуссии. Обязанность всех СМИ заключалась в том, чтобы поддерживать «Видение: 2030» (подробнее см.: [7]).

Чтобы не дать оппозиции какой-либо трибуны, кронпринц создал Центр по делам СМИ. Он координировал не только саудовскую пропаганду – антикатарскую или антииранскую, но и все внутренние новости. Руководителем Центра был Сауд аль-Кахтани. Он призывал доносить на тех, кто выступал против политики короля или наследного принца, и они попадали в черный список.

Мнение недовольных прорывалось через передачи зарубежного телевидения и радио или через Интернет, куда в какой-то мере переместилась политическая борьба.

В Саудовской Аравии любые разговоры по поводу суннитской, шиитской или племенной идентичности считались опасными или угрожающими единству страны. Поэтому эти темы никто не хотел обсуждать публично. Однако Интернет всё же позволял оставаться анонимными людям, которых интересовало именно это. То, что раньше считалось экстремизмом, стало темой дискуссий. Конечно, главное, что заботило власти, которые хотели бы контролировать Интернет, – это обсуждение политики правящей семьи Саудилов.

В Интернете в конце 2017 г. распространилось письмо группы внуков основателя королевства, которые утверждали, что в свое время король Сауд в борьбе с наследным принцем Фейсалом был отстранен от власти за то, что совершил лишь небольшую часть тех ошибок, которые якобы делал и король Сальман. Кроме того, они утверждали, что монарх якобы из-за своего плохого здоровья уже не способен управлять государством. Поэтому он передал все полномочия сыну, который якобы вообще «развалил» управление королевством. Письмо молодых принцев практически было призывом к дворцовому перевороту. Его текст прочитали 2 млн пользователей Интернета. Но вскоре несколько принцев, подозреваемых в его авторстве, исчезли из публичной жизни [8, p. 61].

В Интернете появились новые «разоблачители», которые скрывались под псевдонимами. Одного из них (человека или группу лиц) – «Муджтахид» – называли «саудовским Джулианом Ассанжем». У него набралось 1,5 млн подписчиков, а всего он получал около 10 млн посланий-твитов. Он заставил отвечать на свои послания даже главного муфтия страны. Международные СМИ, такие как *The Financial Times*, *BBC*, *CNN*, *Arabian Business* и многие другие стали комментировать эти послания и даже вести переписку с их автором (подробнее см.: [9, с. 18]).

Возможно, это был один из членов семейства Саудилов. Возможно, под псевдонимом «Муджтахид» скрывалась какая-то группа принцев-диссидентов. «Муджтахид» сам объяснял свою популярность тем, что, во-первых, саудовское общество всегда интересовалось секретами семейства Саудилов, а он их-то и раскрывал; во-вторых, точностью его сведений, которые подтверждались потом конкретными событиями. Он утверждал, что действует в строгом соответствии с моральными и религиозными нормами.

Вместе с тем он заявлял о желании подорвать легитимность режима. Но одновременно он был критически настроен по отношению и к саудовским либералам, и к саудовским исламистам. Он также критиковал официальных улемов. Он, в частности, писал: «Подлинный ислам требует от человека отвер-

гать несправедливость, репрессии и коррупцию. Я распространяю информацию, которая разоблачает этих лицемеров среди интеллектуалов, улемов и даже исламистов» [3, р. 64].

Был ли этот блогер (или эта группа) представителем реальной оппозиции или более интеллектуально изощренной формой поддержки реформаторов во власти?

С точки зрения «Муджтахиды», «силы, которые вызывают перемены, всё еще лояльны режиму, например религиозная элита, племенные группировки, бизнесмены и представители аристократии. Кроме того, репрессии проводятся силами безопасности, которые хорошо оплачиваются и остаются преданными режиму... Саудовцы – это не тот тип людей, которые будут проводить мирные протесты, захлестнувшие другие страны арабского мира» [9, р. 65].

Если таков был главный вывод рассуждений «Муджтахиды», не означало ли это своеобразную, утонченную поддержку курса короля Сальмана и кронпринца?

Сочетание спутникового ТВ и распространение Интернета, возможно, еще не изменили систему правления в КСА, но они уже меняли политическую культуру и надежды людей.

Отметим, что до недавнего времени особого радикализма в саудовском контексте, который был бы антиисламским и республиканским, просто не было. В любом случае как молодые люди, так и пожилые в своем большинстве воспринимали события через собственную культуру, традиции и идентичность. Они, в частности, считали монархию нормальным видом правления, как для американцев нормальным считается убеждение, что они живут в «самой демократичной стране мира».

В апреле 2018 г. Ибн Сальман совершил новый визит в США, где встретился с четырьмя американскими президентами, лидерами бизнеса, руководителями СМИ и известными бизнесменами, специализирующимися на организации развлечений. Его призыв к сотрудничеству был вновь услышан. Он произвел хорошее впечатление, но одновременно понял, что западные бизнесмены предпочитают продавать почти всё, что нужно Саудовской Аравии, но не инвестировать в королевство. Эту же мысль ему в лоб высказал во время встречи президент Трамп.

Проблемы и внутри и вне страны у кронпринца и короля появились после убийства оппозиционного журналиста Джамала Хашогджи 2 октября 2018 г. Он исчез в саудовском консульстве в Стамбуле, куда пришел получить необходимые документы для нового брака. В консульстве уже находилась специальная группа, прибывшая из Саудовской Аравии в Турцию [1, р. 220].

Сначала Королевский диван Саудовской Аравии отрицал даже сам факт убийства. Но оказалось, что в стамбульском консульстве Саудовской Аравии были установлены «жучки» турецкой разведки, и она прослушала и записала события, связанные с визитом Хашогджи и его убийством. Часть этих сведений была слита Турцией в международные СМИ. Этот факт превратил Турцию и Саудовскую Аравию в открытых антагонистов, что было не нужно ни Ибн Сальману, ни президенту Турции Эрдогану. Отношения между двумя странами уже были испорчены после того, как в 2013 г. египетские военные свергли президента, а затем еще более обострились после бойкота Катара со стороны Саудовской Аравии и её союзников.

Через несколько дней саудовский прокурор заявил, что убийство действительно было совершено, оно было задумано заранее, и приказал арестовать 15 сотрудников органов безопасности, из которых 5 были приговорены к смертной казни [3, р. 314].

Король Сальман и кронпринц посетили Салаха, сына Хашогджи, и выразили ему соболезнования. Он и другие дети Хашогджи якобы простили обвиняемых, которым первоначально были вынесены смертные приговоры. По официальным данным, пятерых из той группы приговорили к 20 годам тюрьмы, одного – к 10 и двоих – к 7 годам⁸.

ЦРУ объявило, что Ибн Сальман, «возможно», распорядился совершить это убийство. Трамп положил это мнение ЦРУ в дальнюю папку и не стал комментировать. Король Сальман 19 ноября 2018 г. заявил, что поддерживает сына и отвергает все обвинения в его адрес. Бывший глава саудовской разведки и бывший посол в США Турки аль-Фейсал выразил сомнение в способности ЦРУ правильно анализировать большие и малые события [3, р. 326].

Однако в западных СМИ поднялась сильная антисаудовская кампания, сливавшаяся с пропагандистской войной сторонников демократической партии США против президента Трампа, который установил близкие отношения с КСА. В результате многие крупные бизнесмены и известные политики временно

⁸ <https://saudianews.ru/?p=28219>; <https://saudi-arabia-ru.livejournal.com/3690359.html> (accessed 23.04.2023)

отказались от публичного сотрудничества с Саудовской Аравией, хотя деловые связи продолжались [3, р. 324]. От таких денег и от таких прибылей отказаться было для многих трудно или почти невозможно.

Отметим, что Байден папку ЦРУ извлек и на её основе отказался от личных разговоров с наследным принцем, что ему аукнется в разгар нефтяного кризиса. Но стратегия сотрудничества США и королевства сохранилась.

Внутри страны Ибн Сальман железной рукой расправлялся с реальными или потенциальными противниками. Антикоррупционная компания продолжалась арестами в 2018, 2019, 2020, 2021 гг. Были открыты судебные расследования в отношении бизнесменов и членов королевской семьи, хотя менее высоких рангов, чем те, которые были в отеле «Риц». Масштабы арестов показывали, что борьба была серьезной. Пока что Ибн Сальман наносил упреждающие удары.

6 марта 2020 г. были арестованы Мухаммед ибн Саад ибн Абдель Азиз – член Комитета преданности, бывший кронпринц Ибн Наиф и его родной брат Сауд ибн Наиф, который был отцом действовавшего министра внутренних дел, назначенного королем Сальманом, а также брат короля Ахмед ибн Абдель Азиз и его сын Ахмед. По сообщению агентства Рейтер, внутри «племени» Саудилов якобы обсуждались планы замены Сальмана на его брата – 76-летнего Ахмеда ибн Абдель Азиза, который в течение 40 лет был заместителем министра внутренних дел, т.е. был тесно связан с Ибн Наифом. Их обвинили в государственной измене и заговоре с целью свергнуть монарха и наследного принца. В домах задержанных произвели обыски. Им грозило пожизненное заключение или даже смертная казнь [1, 246].

По версии Хоупа и Шека, после отставки личная безопасность Ибн Наифа еще обеспечивалась его людьми, а в конце 2019 г. они были заменены на охранников из Нацгвардии, командующим которой был Абдаллах ибн Бандар, друг Ибн Сальмана. По данным *The Wall Street Journal*, Ахмеда и Ибн Наифа подозревали в «измене». Был арестован еще один сын короля Абдаллаха – Фейсал [3, р. 345].

15 марта 2020 г. власти Саудовской Аравии объявили о задержании 298 правительственных чиновников, включая офицеров и сотрудников МВД, по обвинению во взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями. Нанесенный государству ущерб оценивался более чем в \$100 млн. Среди задержанных было 8 служащих Министерства обороны, подозреваемых во взяточничестве и отмыывании денег в связи с правительственными контрактами в 2005–2015 гг., и 29 сотрудников МВД, включая служащих в Восточной провинции – генерала, бригадного генерала и трех полковников, а также десятки чиновников из Министерств здравоохранения и образования⁹.

В 2021 и 2022 гг. аресты продолжились.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ В НОВОЙ МИР-СИСТЕМЕ

Саудовско-российское сотрудничество, казалось, рухнуло весной 2020 г. Из-за пандемии *COVID-19* началось падение экономик и Европы, и Северной Америки, спрос на нефть резко уменьшился, понеслись вниз и цены. В феврале 2020 г. попытка членов ОПЕК+ договориться о снижении квот была сорвана: ссылаясь на нежелание США договариваться с ОПЕК+, Россия не уменьшала добычу.

Саудовская Аравия решила наращивать её добычу. Нефть дешевела день ото дня, Эр-Рияд продавал свою продукцию с огромными скидками, видимо, рассчитывая закрепить свои позиции в качестве ведущего экспортера нефти в мире. Это был удар по России, одновременно он убивал производство американской сланцевой нефти.

Нефтяной поток из Саудовской Аравии снизил цены до \$20 за баррель – самая низкая цена за два десятилетия. Глава Белого дома угрожал королевству закрыть её импорт в США. Россия теряла весомую долю поступлений в бюджет. Экономическая стабильность Саудовской Аравии могла быть подорвана. Компромисс был необходим. 12 апреля 2020 г. 23 государства, члены ОПЕК+ (включая Россию), подписали новое соглашение о квотах. Саудовская Аравия в июне дополнительно резко сократила добычу нефти. США, ничего не подписав, тоже уменьшали её добычу. Началось восстановление цен, а 2021 год увидел просто их взлет.

Оценивая российско-саудовские отношения, заместитель министра иностранных дел М.Л.Богданов говорил в интервью (17 ноября 2022 г.) с автором: «По сути, за прошедшие три года Саудовская Ара-

⁹ <https://eadaily.com/ru/news/2020/03/16/v-saudovskoy-aravii-proshli-massovye-aresty-sotrudnikov-minoborony-i-mvd> (accessed 20.03.2023)

вия превратилась в стратегического партнера России в ближневосточном регионе. Саудовское руководство последовательно занимает сбалансированную позицию по ситуации на Украине, неоднократно предлагало свою помощь в организации переговоров с Киевом. Нарастает наш диалог по многим другим острым мировым политическим и экономическим проблемам. Значимым фактором является участие наших стран как главных производителей углеводородов в мире в т.н. сделке ОПЕК+, которая вот уже 6 лет дает возможность успешно стабилизировать мировую экономику. У нас хорошие перспективы в сфере промышленности, энергетики, сельского хозяйства, других отраслях. Самое главное – наши отношения строятся на прочном фундаменте невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и намерении строить совместно с другими дружественными странами новый тип международных отношений, свободный от диктата и навязывания чуждых социально-экономических моделей».

Отношения Эр-Рияда с администрацией Дж.Байдена сложились не блестяще. Президент США достал из дальнего шкафа оценку ЦРУ убийства Хашогджи и воздерживался от личных контактов с наследным принцем. (Ибн Сальман «припомнил» это Байдену в ходе украинского кризиса, отказавшись даже говорить с ним по телефону.) Из-за войны в Йемене были ограничены поставки некоторых видов вооружений из США. Перенос стратегических интересов США в бассейн Тихого океана и позорное бегство американцев из Афганистана после 20 лет оккупации и затрат в триллионы долларов на поддержку прозападного правительства в Кабуле вызвали логичные вопросы в Эр-Рияде: а можно ли полагаться на Вашингтон в деле обеспечения безопасности королевства?

В «отместку» в Вашингтоне назвали улицу, где находится посольство КСА, улицей Хашогджи.

В июле 2022 г. президент США Байден в условиях обострившихся экономических проблем решил нанести визит в Саудовскую Аравию, хотя незадолго до этого называл королевство «государством-парией». Без рукопожатия они стукнулись кулаками и начали переговоры, которые прошли в обстановке холодной официальности.

Как передавал 17.07.2022 канал *Al Arabiya* со ссылкой на собственный источник: «Байден на встрече сказал кронпринцу, что страны должны придерживаться “общих ценностей”. В ответ Ибн Сальман ответил, что государства могут по-разному подходить к решению внутривосточных проблем, даже если такие ценности существуют». «Все страны мира, особенно США и Саудовская Аравия, имеют много общих ценностей, однако существуют такие ценности, в понимании которых они расходятся. Попытки навязать эти ценности силой, как это происходило в Ираке и Афганистане, являются непродуктивными, и США в них не преуспели», – цитирует канал заявление кронпринца.

Он заявил Байдену, что «если США будут взаимодействовать только с такими странами, которые разделяют их ценности и взгляды на сто процентов, им придется ограничиться союзниками по НАТО. Поэтому мы должны сосуществовать друг с другом, несмотря на имеющиеся различия». Он упомянул в частности, что «США тоже совершили ряд ошибок», среди которых ситуация с тюрьмой в Абу Грейб, где американские военные пытали и унижали иракских узников.

Так молодой саудовский лидер прочитал краткую заранее подготовленную лекцию умудренному опыту президенту сверхдержавы.

Тем не менее саудовско-американские разногласия не стоит преувеличивать, ибо взаимные интересы пока перевешивали, но вопросы оставались. Визит президента Байдена в Саудовскую Аравию в июле 2022 г. с целью навести мосты оказался неудачным и прошел в обстановке холодной официальности.

Что же до отношений Саудовской Аравии с Китаем, то визит Си Цзиньпина в Эр-Рияд в декабре 2022 г. завершился не просто важными соглашениями, но стал принципиально новой вехой в связях королевства с восточным колоссом.

Немыслимые еще недавно слова наследного принца и премьер-министра Ибн Сальмана были обращены к президенту Китая: «Позвольте выразить Вам мои искренние поздравления с успешным завершением XX съезда Коммунистической партии Китая и с Вашим избранием на пост Генерального секретаря ЦК КПК... Я уверен, что наша нынешняя дружба будет способствовать углубленному развитию двустороннего всеобъемлющего стратегического партнерства, а также защите и реализации общих интересов двух народов»¹⁰.

¹⁰ См.: <https://bigasia.ru/content/news/politics/strategicheskoe-partnyerstvo-kitay-saudovskaya-araviya-skhozhe-sudby-krupneyshee-proizvodstvo-vodor/> (accessed 26.04.2023)

По словам Ибн Сальмана, его страна поддерживает Китай в защите его суверенитета, безопасности и территориальной целостности, а также меры и усилия Китая по дерадикализации, выступает против любых внешних сил, вмешивающихся во внутренние дела Китая во имя защиты прав человека». Саудовская сторона подтвердила свою приверженность принципу «одного Китая»¹¹.

Всё это означало понимание Эр-Риядом новых реалий в мировом масштабе.

Си Цзиньпин заявил, что КНР стремится укрепить всеобъемлющее стратегическое партнерство с Саудовской Аравией и ставит развитие отношений с ней на приоритетное место в своей внешней политике в целом и в особенности – на Ближнем Востоке¹².

Дело было не только в декларациях и максимально торжественном приеме. Китай и Саудовская Аравия подписали 34 инвестиционных соглашения в различных секторах примерно на \$30 млрд¹³. Они охватывали энергетику, информационные технологии, транспорт и логистику, медицину, строительство и недвижимость. В числе китайских вложений намечен проект по производству водородного топлива в городе Неом и солнечная энергетика¹⁴.

Среди саудовско-китайских соглашений был меморандум о взаимопонимании с *Huawei* о развитии технологий облачных вычислений, строительстве комплекса высокоскоростного Интернета в Саудовской Аравии, т.е. то, что Саудовская Аравия рассчитывала получить в США, но неудачно. Китай заявил об инвестициях также в строительство алюминиевого завода в королевстве. Саудовские инвестиции намечено направить в новые нефтеперерабатывающие и нефтехимические гиганты в Китае¹⁵.

Обе стороны согласовали совместные действия по китайской инициативе «Один пояс – один путь» и саудовской «Видение: 2030».

Си Цзиньпин в ходе этого визита участвовал в двух саммитах, специально организованных Мухаммедом ибн Сальманом: «Китай – арабский мир», где присутствовало большинство глав правительств и государств арабского мира, и «Китай – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива». Он провел двусторонние переговоры с двумя десятками арабских лидеров¹⁶.

Что касается ситуации на Украине, обе стороны подчеркнули, что разногласия должны разрешаться мирным путем, и следует приложить все возможные усилия, чтобы избежать эскалации, способствовать восстановлению безопасности и стабильности и свести к минимуму негативные последствия кризиса.

Этот визит был ярким, но частным проявлением серьезнейших перемен в мировой геополитической ситуации. В Вашингтоне главным противником США стали считать выросшего азиатского гиганта – Китай, что привело к растущей напряженности отношений двух держав в экономической, политической, информационной сферах с постепенным нарастанием военного противостояния.

Многолетнее давление США на Россию, продвижение НАТО к её границам, что угрожало её безопасности, вызвало ответную реакцию. После мюнхенской речи В.В. Путина в 2007 г., отвергнувшего однополярный мир с гегемонией США, последовала растущая напряженность между РФ и коллективным Западом. Антироссийский националистический переворот на Украине в 2014 г. усилил противоречия. Специальная военная операция РФ на Украине расколола мир. По оценкам Москвы, коллективный Запад фактически вступил в войну против РФ, вооружая киевский режим и пытаясь с помощью санкций разрушить российскую экономику. В этой обстановке большинство арабских стран, включая Саудовскую Аравию, заняли позицию неприсоединения или просто нейтральную.

США, используя свои старые глубокие связи с Саудовской Аравией, попытались привлечь её на свою сторону. Но Эр-Рияд проводил политику, руководствуясь национальными интересами страны. Саудовская Аравия как ключевой игрок на рынке нефти в условиях стабильно высоких цен увеличила свои доходы и добилась рекордного роста ВВП. Её сотрудничество с США оставалось важным для осуществления планов развития, но не было ответа на вопрос: как будут вести себя США в отношениях с прежним подчиненным союзником, который реально стал проводить независимую политику.

¹¹ См.: <https://russian.news.cn/20221210/ee1b9c9fa81b468ca1251b17ca93fa54/c.html> (accessed 12.01.2023)

¹² См.: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202212/t20221211_10988854.html (accessed 12.01.2023)

¹³ При том что товарооборот Китая с КСА в 2021 г. превысил \$82 млрд. <https://www.kommersant.ru/doc/5719138> (accessed 12.02.2023)

¹⁴ См.: <https://www.interfax.ru/world/876038> (accessed 17.01.2023)

¹⁵ См.: <https://neftegaz.ru/news/partnership/762119-kitay-i-saudovskaya-araviya-podpisali-34-investsoglasheniya-v-razlichnykh-sektorakh/> (accessed 15.01.2023)

¹⁶ См.: <https://inosmi.ru/20221209/kitay-258711346.html> (accessed 15.01.2023)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые месяцы 2023 г. Эр-Рияд доказал это, восстановив дипломатические отношения с Ираном и Сирией, игнорируя явное недовольство Вашингтона. Государственная мудрость «плохой мир лучше доброй ссоры» определила политику королевства по отношению к соседям. Складывались условия для прекращения войны в Йемене.

В формирующейся мир-системе Саудовская Аравия искала и находила свое особое место.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Rundell D.H. 2021. Vision or Mirage. Saudi Arabia at the Crossroads. I.B. Tauris. L.: Bloomsbury Publishing Plc. ISBN: 978-1-8386-0593-3.
2. Косач Г. Саудовская Аравия: силовые структуры в эпоху перемен. *PCMД*, 02.02.2018. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/saudovskaya-araviya-silovye-struktury-v-epokhu-peremen/> (accessed 19.03.2023)
Kosach G. Saudi Arabia: Power Structures in an Era of Change. *Russian International Affairs Council (RIAC)*. 02.02.2018. (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/saudovskaya-araviya-silovye-struktury-v-epokhu-peremen/> (accessed 19.03.2023)
3. Hope B., Scheck J. 2020. Blood and Oil. Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. N.Y.: Hachette Book Group. ISBN 978-0-306-84666-3 (hardcover), ISBN 978-0-306-92381-4 (paperback).
4. Alaoudh Abdullah. Saudi Arabia's Convenient Attorney General. 27.02.2018. <https://carnegieendowment.org/sada/75658> (accessed 10.04.2023)
5. Shahine Alaa, Martin Matthew, Liebert Larry. Trump Backs Saudi Crackdown after Arrests of Princes, Executives. 06.11.2017. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-11-06/saudi-arabia-said-to-freeze-bank-accounts-of-corruption-suspects> (accessed 12.04.2023)
6. Дударев К.П. Ветры перемен над Саудовской Аравией. *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 11. С. 39–44.
Dudarev K.P. 2017. Wind of change over Saudi Arabia. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 39–44. (In Russ.)
7. Васильев А.М. Саудовская Аравия. Сальман ибн Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Сальман. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 3. С. 5–20. DOI: 10.31857/S032150750024989-9
Vasiliev A.M. 2023. Saudi Arabia. Salman bin Abdulaziz and Mohammed bin Salman. *Asia and Africa today*. № 3. Pp. 5–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024989-9
8. Al-Rasheed Madawi (editor). 2018. Salman's Legacy. The Dilemmas of a New Era in Saudi Arabia. NY: Oxford University Press. 320 p. ISBN: 978-0190901745.
9. Васильев А.М. Саудовцы в лабиринте киберпространства и электронных СМИ. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 12. С. 15–18. DOI: 10.31857/S032150750012793-4
Vasiliev A.M. 2020. Saudi society in Labyrinth of Cyberspace and Electronic Media. *Asia and Africa today*. № 12. Pp.15–18. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750012793-4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой африканистики и арабистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Alexey M. Vasiliev, member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor; Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Chair, Department of African and Arab Studies, RUDN University; Editor-in-Chief, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 15.04.2023

DOI: 10.31857/S032150750025687-7

Сбалансированная эколого-экономическая ситуация на трансграничных территориях России и Китая как основа долгосрочного сотрудничества

© Степанько Н.Г.^a, 2023

^a Тихоокеанский институт географии
ДВО РАН, Владивосток, Россия
ORCID: 0000-0002-9549-8555; sngreg25@mail.ru

Резюме. Изучение территориальной структуры производства, производственно-природных отношений, их динамики является важным и актуальным, особенно на трансграничных территориях, т.к. эти территории испытывают воздействие как собственных производств, так и хозяйственной деятельности сопредельных территорий.

В работе рассмотрены приграничные уезды провинции Хэйлунцзян и районы южных регионов России на Дальнем Востоке. Собирается и проанализирован материал по природно-ресурсному потенциалу исследуемых территорий, их хозяйственной деятельности. Кроме того, приводится характеристика экологической ситуации территорий, а также некоторые расчетные показатели (по имеющейся статистической информации), характеризующие экологическое состояние и экономическую достаточность природоохранной деятельности. Выявлена неравномерность экономического развития приграничных территорий регионов Дальнего Востока и провинции Хэйлунцзян и, как следствие, неравнозначное воздействие хозяйственной деятельности рассмотренных территорий на окружающую природную среду.

Вполне очевидно, что существует множество факторов, обуславливающих дальнейшее эффективное сотрудничество. Подчеркнута необходимость совместных проектов, направленных на методические разработки по единому толкованию правил природопользования и санитарных норм. Крайне необходимо для трансграничных территорий, помимо экономических совместных проектов, формировать и реализовывать совместные проекты по охране окружающей среды и рациональному природопользованию.

Ключевые слова: Россия, Китай, приграничные территории, регионы Дальнего Востока, производственно-природные отношения, экономическая достаточность природоохранной деятельности

Для цитирования: Степанько Н.Г. (Владивосток). Сбалансированная эколого-экономическая ситуация на трансграничных территориях России и Китая как основа долгосрочного сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 17–25. DOI: 10.31857/S032150750025687-7

Balanced Environmental and Economic Situation in Transboundary Territories of Russia and China as a Basis for Long-Term Cooperation

© Natalia G. Stepanko^a, 2023

^a Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch,
Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
ORCID: 0000-0002-9549-8555; sngreg25@mail.ru

Abstract. We consider the border counties of the Russian southern regions of the Far East and Heilongjiang Province in China. The material on the natural-resource potential of the studied territories, their economic activities was collected and analyzed. In addition, the characteristic of the ecological situation of the territories, as well as some calculated indicators (according to the statistical information available) characterizing the ecological status and economic sufficiency of nature protection activity is given. The uneven economic development of the border territories of the regions of the Far East and Heilongjiang Province and, consequently, the unequal impact of the economic activities of the considered territories on the environment are revealed.

It is obvious that there are many factors that determine the further effective cooperation. The need for joint projects aimed at methodological development on the basis of a uniform reading of the rules of nature management and sanitary

standards is pointed out. It is also extremely important for cross-border territories, in addition to economic joint projects, to formulate and implement joint projects for the protection of the environment and sustainable use of natural resources.

Keywords: Russia, China, frontier territories, regions of the Far East, production-natural relations, economic sufficiency of nature protection activity

For citation: Stepanko N.G. (Vladivostok). Balanced Environmental and Economic Situation in Transboundary Territories of Russia and China as a Basis for Long-Term Cooperation. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 17–25. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025687-7

ВВЕДЕНИЕ

Спецификой трансграничных территорий является неразрывность географической среды и единство звеньев хозяйственной инфраструктуры [1]. Поскольку природопользование, обусловленное функционированием имеющихся территориально-хозяйственных структур, формирует экологическую ситуацию на данных территориях, она также неразрывна и взаимосвязана. Поэтому исследования приграничных территорий интересны, актуальны и необходимы, т.к. они концентрируют в себе результаты взаимодействия и взаимовлияния в различных сферах. Территориальными единицами могут выступать отдельные административные подразделения: муниципальные районы, отдельные регионы, а также более крупные территориальные сочетания, приграничной территорией которых является юг Российского Дальнего Востока (РДВ).

Положение Дальнего Востока в системе российских регионов характеризуется, во-первых, отдаленностью от основных развитых районов страны. Во-вторых, РДВ обладает богатым и разнообразным ресурсным потенциалом и, в-третьих, экономико-географическое положение по отношению к странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) определяет благоприятные перспективы для расширения экономических связей с этими странами, многие из которых нуждаются в разнообразном сырье.

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РДВ И ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

В зону исследования входят:

– Россия – юго-западные и западные районы Приморского края, а также южные территории Хабаровского края, Амурской области и Еврейской автономной области (ЕАО). Это не самая развитая в экономическом отношении часть Дальнего Востока, численность населения которой составляет около 4,2 млн человек¹. Морепромышленные комплексы, а также сельское хозяйство являются основой хозяйственной структуры этих территорий.

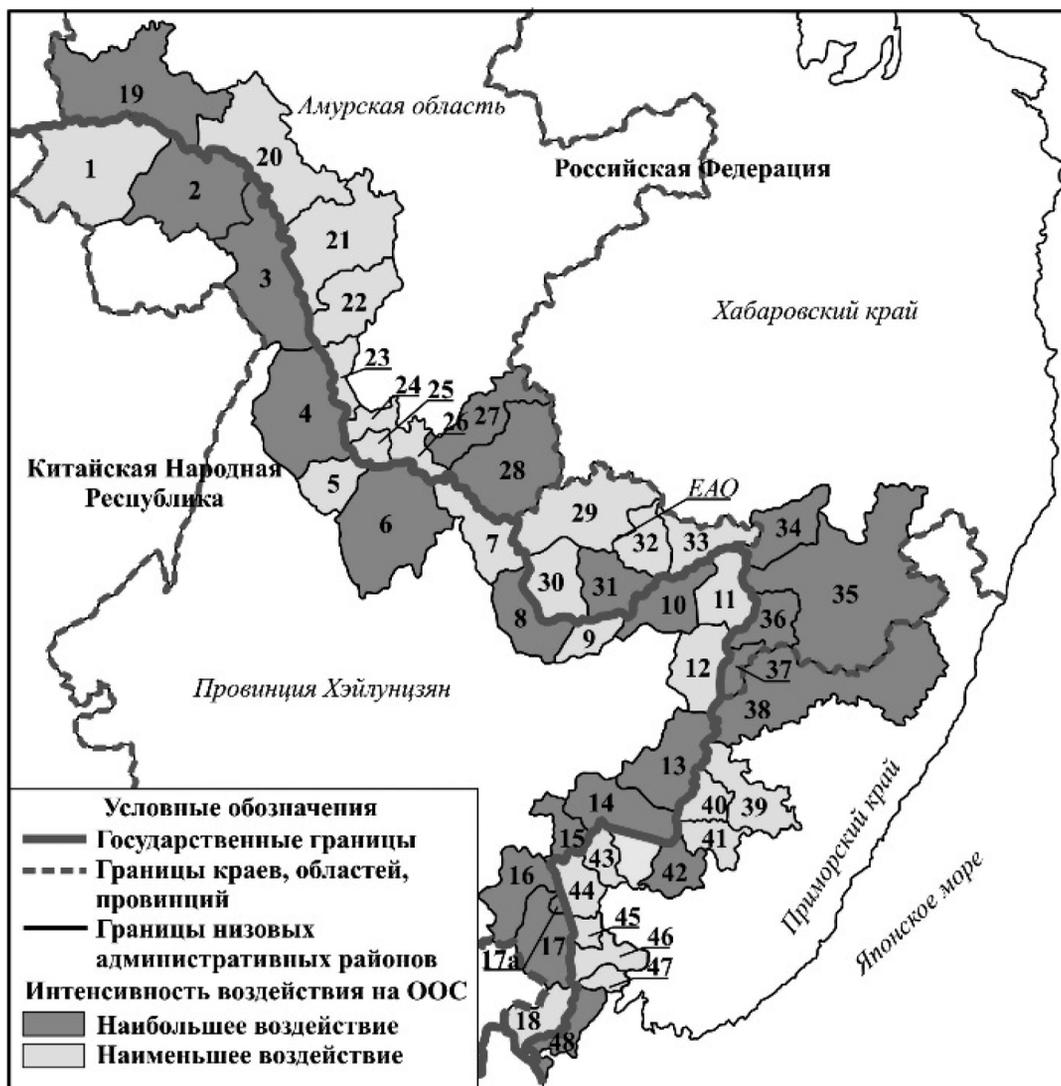
– Китайская Народная Республика – северо-восточные территории провинции Хэйлуцзян. Протяженность границы провинции Хэйлуцзян с Россией составляет более 3500 км, численность населения – 38,2 млн человек². На её территории сосредоточены значительные запасы самых разнообразных ресурсов (нефть, мрамор, базальт, графит, уголь, лес, золото, серебро, медь, свинец и др.). Производственную структуру составляют: машиностроение, нефтехимия, энергетика, металлообработка, авто- и авиастроение, металлургия, фармацевтика, пищевая промышленность; значительны животноводство, рыбная промышленность, овощеводство, производство сои [2; 3; 4]. Торговля с Россией составляет 69,8% всего внешнеторгового оборота провинции.

По данным Главного таможенного управления КНР, объем торговли Китая и России за 2021 г. вырос на 35,8%, а за первые семь месяцев 2022 г. – на 29% [5]. Тем не менее, несмотря на сложившуюся сложную ситуацию (эпидемиологическую, связанную с пандемией *COVID-19*, СВО на Украине), сотрудничество между Россией и КНР в целом и провинцией Хэйлуцзян в частности имеет позитивное развитие [6]. Для рассматриваемой территории активной и перспективной является трансграничная торговля. Наиболее активные экономические зоны: Дацинская зона развития новой и высокотехнологи-

¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / *Росстат*. М., 2022. 1122 с.

² China Statistics Press. 2021. <http://tjj.hlj.gov.cn/tjjnianjian/2021/zk/indexeh.htm> (accessed 21.04.2023)

ческой промышленности; Зона приграничной экономической кооперации в Хэйхэ; Харбинская экономическая и техническая зона развития; Харбинская зона развития новой и высокотехнологической промышленности; Китайско-российская торговая зона в Дунине; Зона приграничной экономической кооперации в Суйфэньхэ [7].

Районы и уезды:

- 1 – Mohexian, 2 – Tahexian, 3 – Humaxian, 4 – Aihuixian, 5 – Sunwuxian, 6 – Xunkexian, 7 – Jiayinxian, 8 – Luobeixian, 9 – Suibinxian, 10 – Tongjiangshi, 11 – Fuyuanxian, 12 – Raohexian, 13 – Hulinxian, 14 – Mishanshi, 15 – Jidongxian, 16 – Mulingshi, 17 – Dongningxian, 17a – Suifenheshi, 18 – Hunchun xian, 19 – Сковородинский, 20 – Магдагачинский, 21 – Шимановский, 22 – Свободненский, 23 – Благовещенский, 24 – Тамбовский, 25 – Константиновский, 26 – Михайловский, 27 – Бурейский, 28 – Архаринский, 29 – Облученский, 30 – Октябрьский, 31 – им. Лазо, 32 – Биробиджанский, 33 – Сидовичинский, 34 – Хабаровский, 35 – им. Лазо, 36 – Вяземский, 37 – Бикинский, 38 – Пожарский, 39 – Дальнереченский, 40 – Лесозаводский, 41 – Кировский, 42 – Спасский, 43 – Ханкайский, 44 – Пограничный, 45 – Октябрьский, 46 – Уссурийский, 47 – Надеждинский, 48 – Хасанский.

Карта 1. Воздействие хозяйственной деятельности на приграничных территориях юга РДВ и КНР на окружающую природную среду.

Составлено автором.

Map 1. The environmental impact of economic activities within the border areas of the Russian Far East southern zone and China.

Таблица. Природно-ресурсный потенциал и хозяйственная структура приграничных территорий южной зоны Дальнего Востока России и КНР (фрагмент)
Table. Natural resource potential and economic structure of the border territories of the Russian Far East southern zone and PRC (fragment)

Регионы, районы (Россия)	Природно-ресурсный потенциал	Виды хозяйственной деятельности	Виды хозяйственной деятельности	Природно-ресурсный потенциал	Округа, уезды провинции Хэйлунцзян (КНР)
<i>Приморский край</i>			<i>Округа Цзиси, Муданьцзян, Шуаньшань, Уезд Яньбянь</i>		
Хасанский	Горнорудное сырье, драгоценные металлы, строительное сырье, мрамор, камень, известняки, пески, торф, уголь, лечебные грязи (все ресурсы слабо освоены); два заповедника	Рекреационно-туристическая деятельность, добыча и переработка морских биоресурсов, судоремонт; п/п* Краскино – Хунь Чунь (КНР); Хасан – Туманган (КНДР)	Транспортно-логистический центр: Хунчуньская зона переработки экспорта, Хунчуньская торговая российско-китайская зона	Уголь, золото, цветные металлы: медь, вольфрам, свинец, цинк, олово; неметаллические руды: кремнеземистая, гончарная, диатомовая, мраморная, базальтовая, гранитная; лесные ресурсы; три заповедника	Городской уезд Хунчунь
ЕАО			Округа Хэган, Цзямусы		
Ленинский	Земельные ресурсы с/х назначения, лесные, железо, марганец, золото, графит, агнезиты	С/х, производство строительных материалов, легкая, пищевая, деревообрабатывающая промышленность, машиностроение	Рыбодобыча и переработка, добывающая промышленность	Рассыпное золото, уголь, водные биоресурсы	Суйбиньсянь
<i>Амурская область</i>			<i>Округа Дасиньянлин, Хайхэ, Ичунь, Хэган</i>		
Сковородинский	Лесные ресурсы, золото, строительные материалы, лесные ресурсы, ООПТ (три заказника и др.)	Золотодобыча, лесодобыча, стройиндустрия; п/п Джалинда-Мохэ (реконстр.)	Лесодобыча, рыбодобыча и переработка	Рассыпное золото, графит, нефтегазовая область, лесные ресурсы, водные биоресурсы	Мохэсянь

*П/п – пограничный переход.

Составлено по: [1–3; 6; 7; 9; 10].

Российский экспорт, в т.ч. РДВ, в Китай имеет сырьевой характер: в 2019 г. – топливо, минеральное сырье, нефть и продукты их переработки – 70%, древесина и изделия из неё – 8%, котлы, механическое оборудование – 3%, удобрения – 3,34%, рыбная продукция – 3,33%, остальные товары – 13%. Товарная структура российского импорта из КНР: механическое оборудование – 37,7%, электрические машины и их оборудование – 20%, средства наземного транспорта, кроме железнодорожного, – 5,4%, продукция химической промышленности – 9,2%, органические химические соединения – 3%, изделия из черных металлов – 7,8%, сельское хозяйство (в т.ч. рыболовство, рыбоводство, растениеводство) – 2,2%, остальные товары (мебель, осветительные приборы, игрушки, спортивный инвентарь и пр.) – 14,7% [7].

Сотрудничество в топливно-энергетической сфере, строительство газо- и нефтепроводов для снабжения российским энергетическим сырьем северо-восточных провинций КНР (провинция Хэйлунцзян) также свидетельствует о сырьевой ориентации российского экспорта.

Прошедшие в России реформы повлекли за собой изменения территориально-хозяйственных структур и, как следствие, изменения в структуре природопользования, в направлениях и степени техноген-

ного воздействия, в динамике использования природно-ресурсного потенциала. Сокращение внутреннего рынка активизировало контакты со странами АТР и в большей степени КНР. Началось совместное использование ресурсов, активизировалась их продажа, и это привело к изменению качества, количества и направлений техногенного воздействия на приграничных территориях, т.к. после 1990-х гг. эти территории, помимо барьерной и фильтрующей функций, приобрели и контактную функцию [8]. Начала формироваться приграничная структура – пограничные пропускные пункты, зоны приграничной торговли; стали развиваться пассажирские и грузоперевозки. Это повлекло за собой изменения транспортных путей, инженерных сооружений, экономических отношений и, как следствие, изменились режим, формы и направления природопользования, характер производственно-природных отношений, произошла трансформация этих территорий от умеренно трансформированных до сильно трансформированных [1], получили свое развитие рекреация и туризм, которые перспективны для обоих государств.

В рамках выделенных территорий на уровне муниципальных районов (РДВ) и уездов провинции Хэйлуцзян нами рассматривались: природно-ресурсный потенциал и существующие на данный момент времени виды хозяйственной деятельности. На основании собранного и проанализированного материала становится очевидным:

1. Приграничные территории РДВ и провинции Хэйлуцзян имеют богатый и разнообразный природно-ресурсный потенциал.
2. Природные ресурсы провинции Хэйлуцзян используются в большей мере, чем в приграничных районах юга Дальнего Востока России.
3. Территориально-хозяйственная структура на территории провинции Хэйлуцзян более разнообразна и значительна.

Анализ собранной информации позволяет сделать вывод, что хозяйственная деятельность на приграничных территориях Китая более разнообразна и превосходит российские территории по производственным показателям основных видов деятельности. Необходимо отметить, что хозяйственная деятельность на приграничных территориях Китая сильнее воздействует на окружающую природную среду, чем на территориях России (см. *карту 1* и *табл.*), кроме следующих территориальных образований: в Приморском крае более разнообразна по сравнению с сопредельной территорией КНР хозяйственная деятельность в Хасанском районе; в ЕАО – в Ленинском районе; в Амурской области из 10 приграничных районов в трех (Сковородинский, Бурейский, Архаринский) хозяйственная деятельность разнообразнее, а воздействие на окружающую среду сильнее; в Хабаровском крае на приграничных территориях хозяйственная деятельность более значительна, чем на сопредельных территориях провинции Хэйлуцзян. По основным направлениям техногенного воздействия показатели неоднородны: по выбросам в атмосферу преобладает Китай, а по сбросу сточных вод – российские регионы.

ВЗАИМОВЫГОДНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА – ОСНОВА ДОЛГОСРОЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

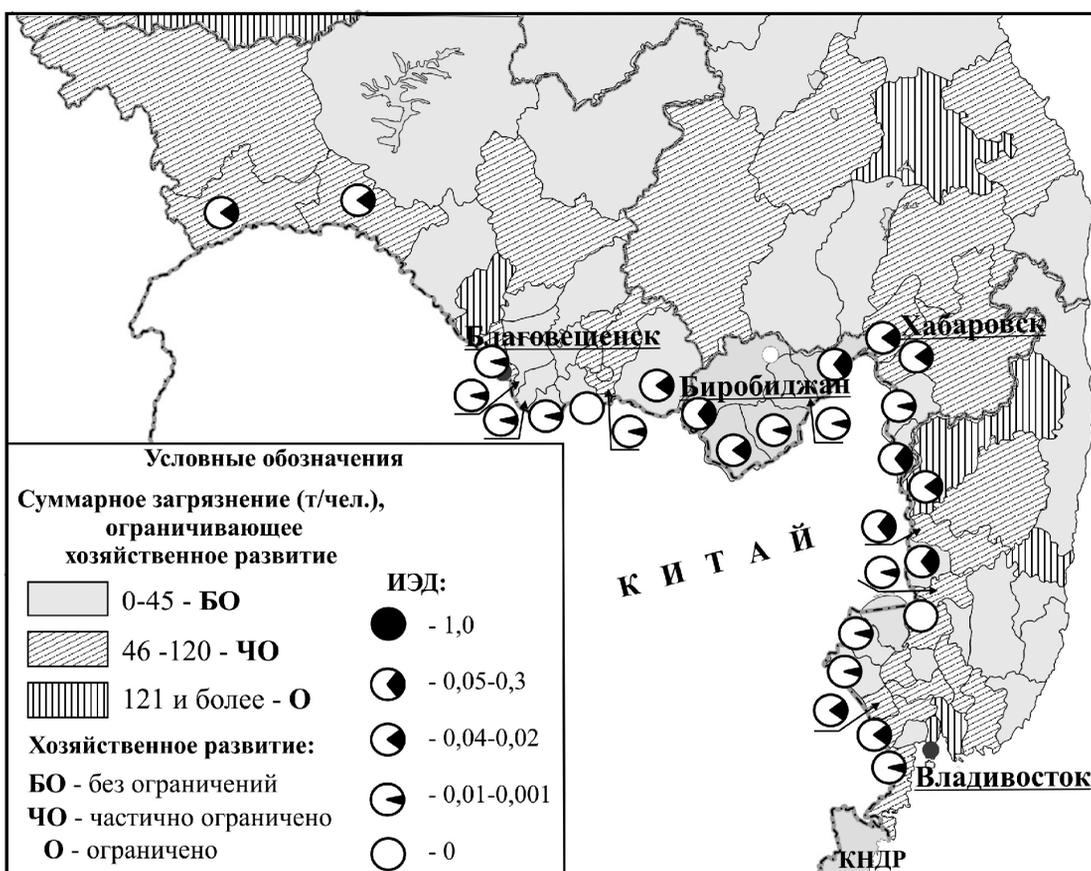
Говоря об экологическом состоянии приграничных территорий юга РДВ и провинции Хэйлуцзян, необходимо отметить, что его формируют в основном загрязнение воздушной и водной среды.

За последние годы на российских территориях произошло значительное сокращение, а в некоторых случаях и полная ликвидация отдельных промышленных и сельскохозяйственных предприятий. В связи с этим промышленные выбросы в атмосферу и сбросы загрязняющих веществ в водные объекты сократились, но экологическое состояние рассматриваемой территории значительно не улучшилось. Это связано в основном с ростом числа автомобилей, их неудовлетворительным техническим состоянием и низким качеством топлива. Несмотря на снижение объемов сточных вод, состояние водных ресурсов (в основном рек) относится к 4–5-му (от «загрязненных» до «экстремально грязных») классам качества воды. Эта стабильно-негативная ситуация на российских территориях объясняется накопленным за много лет отрицательным экологическим эффектом и низкой эффективностью природоохранной деятельности.

Оценка производственно-природных отношений [8] позволила нам разделить эти районы на три группы: 11 районов вошли в группу «частичного ограничения» (с преобладанием водоемких произ-

водств либо производств с большими объемами выбросов в атмосферу); 2 района (восточная часть Пожарского района Приморского края и Благовещенский МР и ГО в Амурской области) вошли в группу «полного ограничения» (см. карту 2); остальные районы вошли в группу «без ограничения» (районы сельскохозяйственного производства, а также имеющие на своей территории заказники).

Кроме того, ни текущие затраты на охрану окружающей среды (ООС) и рациональное природопользование, ни инвестиции в ООС, ни их структура не соответствуют необходимым показателям (см. карту 2). Предложенный индекс экономической достаточности (ИЭД) природоохранной деятельности, который вычисляется из соотношения суммы текущих затрат плюс инвестиций на ООС и экономического оптимума природоохранных затрат (8% от ВРП), колеблется от 0 до 0,3 при оптимальном значении – 1 [8].

Карта 2. Индекс экономической достаточности природоохранной деятельности в приграничных районах юга Дальнего Востока.

Map 2. Economic sufficiency index of environmental activities in the border areas of the south of the Far East.

Составлено по расчетам автора.

Для сопоставления экологического состояния сопредельных приграничных территорий Китая использовалась необходимая информация в разрезе провинции Хэйлуцзян, т.к. информация в разрезе сопредельных уездов отсутствует.

Общая оценка экологической обстановки по всей провинции была хорошая. В городах Дацин, Хэйхэ, Ичунь и Мунданьцзян – отлично, в городе Цицикар – удовлетворительно, в остальных 8 городах – хорошо. Провинция считается одной из лучших в стране и признана государством экологически образцовой³. В общем, загрязненность водных ресурсов провинции Хэйлуцзян небольшая, хотя все реки бассейна Сунгари в какой-то степени загрязнены в основном перманганатами.

³ Об экологической ситуации в провинции Хэйлуцзян. http://www.npec.or.jp/northeast_asia/russia2/inquiry/pdf/102.pdf (accessed 15.08.2021)

На территории Хэйлунцзян находятся 21 государственный и 11 провинциальных «образцовых участков». Что касается твердых промышленных отходов: 33,23% – это угольные отходы, 24,9% – зола сжигаемого угля, из которых 70,06% идет на вторичное использование. В городах провинции качество атмосферного воздуха категории «хороший» и «удовлетворительный» повысилось на 2,1% по сравнению с предыдущим годом. Состояние бассейна реки Сунгари немного улучшилось, в основном стабилизировалось, и сейчас степень загрязненности небольшая. Что касается особо опасных отходов, то они были благополучно перевезены за пределы провинции в специально установленные комплексы⁴⁴. С 2006 г. активно выполняется «Программа по предотвращению загрязнения вод бассейна реки Сунгари». 24 проекта этой Программы уже реализуются. 53 проекта еще находятся на стадии планирования. В 34 населенных пунктах введен надзор за сточными водами, которые оказывают отрицательное влияние на источники питьевой воды.

В целом по КНР ведется активная политика в области ООС и рационального природопользования. Начиная с 2011 г. действует «Программа по охране экологической среды и осуществлению перехода к новому экономическому механизму в лесных районах Большой и Малый Хинган», способствующая разведению лесов и рассчитанная на 10 лет. Лесной покров этих районов должен увеличиться до 70% [9]. Администрация провинции создала 9 новых природных заповедников. Теперь их 186 общей площадью 5,9 млн га, что составляет 12,6% от всей площади провинции. Китай работает над внедрением альтернативных источников энергии. Например, планируется запустить более 10 ветряных электростанций, которые должны выдавать мощность около 100 МВт. Сейчас ведется строительство фотоэлектрических электростанций, а также гидроэлектростанций. На сегодняшний день первые дают мощность 16 ГВт, а вторые – 200 ГВт. Через несколько лет, по прогнозам, общая мощность будет составлять 500 ГВт [2]. Получены первые результаты «Плана зеленого развития»: созданы зоны «экологических функций», получили развитие пилотные проекты «низкоуглеродных территорий», происходит интенсификация мероприятий по ликвидации атмосферных загрязнений, реализуются программы «Десять-Сто-Тысяча» и др. [6; 7; 9].

Правительство в 2003 г. приняло «План по возрождению Северо-Восточного Китая», одной из целей которого является реконструкция старых промышленных предприятий, избыточно потребляющих сырьевые ресурсы, а также не имеющих современных очистных сооружений. В этом документе ставится задача создать новую производственную и ресурсосберегающую структуру, позволяющую сделать экономический рывок и реализовать интенсивное развитие китайской экономики и общества. КНР превратилась в одного из наиболее заметных и последовательных новых лидеров «зеленой» повестки. К 2060 г. КНР планирует достичь углеродной нейтральности, значительная доля «зеленых» технологий применяется в развитии экогородов: устанавливаются специальные системы мониторинга качества воздуха с помощью лазерных лучей, появляются собственные технологии конструкций для ветровой генерации, технологии в сферах мониторинга загрязнения и очистки почв, а также разумного водопользования, технологии очистки промышленных сточных вод, развиваются технологии морского хозяйства, которые позволяют поддерживать здоровую морскую экосистему, а также играют ключевую роль в регулировании и восстановлении качества воды в прибрежных зонах⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование и анализ информации и полученных результатов позволяют сделать следующие выводы:

1. На приграничных территориях южных регионов РДВ и провинции Хэйлунцзян КНР сформировались две разномасштабные территориально-экономические системы. Наиболее развитой является провинция Хэйлунцзян, т.к. она имеет высокую плотность и численность населения, разнообразные и активно используемые природные ресурсы и, соответственно, разнообразную территориально-хозяйственную структуру.

2. Поскольку хозяйственная деятельность на приграничных территориях Китая более разнообразна по структуре по сравнению с приграничными территориями РДВ, она сильнее воздействует на окру-

⁴ Основные положения 11-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР. http://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_268766.htm (accessed 03.12.2022)

⁵ Ibidem.

жающую природную среду по формам, направлениям и интенсивности. Следовательно, играет главную роль в формировании экологической ситуации на трансграничных территориях.

3. В то же время экологическая политика, программы, масштаб проводимых на территории Хэйлунцзян мероприятий в области ООС и рационального природопользования, а также их экономическая обеспеченность более значимы, чем на сопредельных территориях южной зоны Дальнего Востока.

Тем не менее с ростом экономики Северо-Восточного Китая ожидается интенсификация загрязнения окружающей среды, что, в свою очередь, окажет негативное влияние на состояние региональной экологии⁶. Поэтому роль международного сотрудничества по вопросам охраны окружающей среды будет возрастать. Важный момент российско-китайского сотрудничества по «зеленой» повестке – это приграничное сотрудничество. Связи касаются разработки механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации экологического характера, мониторинга качества трансграничных вод, а также сохранения биоразнообразия, прежде всего, в формате сотрудничества между заповедниками. Дополнительной сферой взаимодействия может стать сотрудничество по контролю над обращением с отходами. В качестве перспективных направлений можно обозначить развитие «зеленых» технологий, финансов, инфраструктуры, работу над взаимным признанием, что общая граница – фактор, делающий российско-китайское экологическое сотрудничество неотъемлемой частью двусторонних отношений⁷.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток, Дальнаука, 2008. 216 с.
2. Экономика Китая в 2021–2022 гг. <https://visasam.ru/emigration/economy/ekonomika-kitaya.html> (accessed 03.12.2022)
3. Ларин В.Л. Российско-китайское трансграничье в контексте проектов евразийской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*. 2016, № 12. С. 69–81.
4. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2020, № 1 (90). С. 5–23.
5. Провинция КНР Хэйлунцзян будет укреплять статус лидера в торговле с Россией. 2022. <https://tass.ru/ekonomika/15627559> (accessed 03.12.2022)
6. Лю Сюнь. Состояние, проблемы и перспективы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества: взгляд из Китая. *Проблемы Дальнего Востока*. 2021, № 5, с.75–84.
7. Внешняя торговля: Россия, Китай, Дальний Восток. Москва. 2022. 44 с.
8. Степанько Н.Г. Роль производственно-природных отношений в бесконфликтном существовании системы «общество-природа». *Московский экономический журнал*. 2021, № 12.
9. Изотов Д.А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте целевых программ. *Регионалистика*. 2015. № 4, Т. 2, с. 31–50.
10. Российско-китайский диалог: модель 2022: доклад № 78. [А.В.Кортунов, К.В.Бабаев, Чжао Хуашэн, Лю Хуацзинь и др.; под ред. И.Н.Тимофеева, П.В.Бакулиной, Е.О.Карпинской и др.]. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2022, 82 с.

REFERENCES

1. Baklanov P.Ya., Ganzei S.S. 2008. Trans-Boundary Territories: the Problems of Sustainable Nature Use. Vladivostok. 216 p. (In Russ.)
2. Chinese economy in 2021–2022. <https://visasam.ru/emigration/economy/ekonomika-kitaya.html> (accessed 03.12.2022)
3. Larin V.L. 2016. Russian-Chinese cross-border area in the context of Eurasian integration projects. *World economy and international relations*. № 12, pp. 69–81. Moscow. (In Russ.)
4. Larin V.L., Larina L.L. 2020. Economic relations of Pacific Russia with China: between Attitudes, Desires and Reality. *Customs policy of Russia in the Far East*. № 1 (90), pp. 5–23. Moscow. (In Russ.)

⁶ Проблемы охраны окружающей среды Северо-Восточного Китая. 2021. <https://www.synologia.ru/> (accessed 03.12.2022)

⁷ Россия и Китай будут развивать сотрудничество в области обращения с отходами. Министерство природных ресурсов и экологии РФ. 2018. <http://www.mnr.gov.ru/press/news/> (accessed 03.12.2022)

5. China's Heilongjiang Province will strengthen its status as a leader in trade with Russians. 2022. <https://tass.ru/ekonomika/15627559> (accessed 03.12.2022)
6. Liu Sun. State, problems and prospects of Russian-Chinese trade and economic cooperation: a view from China. *Far Eastern Studies*. Moscow. 2021. № 5. Pp. 75–84.
7. Foreign trade: Russia, China, Far East. Moscow. 2022. 44 p. (In Russ.)
8. Stepanko N.G. 2021. The role of industrial and natural relations in the conflict-free existence of the “society-nature” system. *Moscow Economic Journal*. № 12. (In Russ.)
9. Izotov D.A. 2015. The economy of Heilongjiang Province: prospects for development in the context of targeted programs. *Regionalistics*. № 4, V. 2, pp. 31–50. (In Russ.)
10. Russian-Chinese Dialogue: Model 2022: Report № 78. [A.V.Kortunov, K.V.Babaev, Zhao Huasheng, Liu Huacin, etc.; edited by I.N.Timofeev, P.V.Bakulina, E.O.Karpinskaya, etc.]; Russian Council for International Affairs. Moscow. 82 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Степанько Наталия Григорьевна, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Nataliia G. Stepanko, PhD (Geography), Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Territorial and Economic Structures, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 20.04.2023

Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина

© Виноградов И.С.^а, 2023

^а Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5572-3471; vinbel19@mail.ru

Резюме. Военное руководство Мьянмы в конце XX в., находясь в условиях международных санкций и тяжелой экономической ситуации, пошло на стратегическое сближение с Китаем. Во внешней политике КНР Мьянма также стала приобретать важное значение. Получение прямого транспортного доступа к Индийскому океану через Мьянму стимулирует экспортно-ориентированное развитие юго-западных провинций КНР, а также формирует безопасный энергокоридор для импорта углеводородов в обход Малаккского пролива.

Китай реализует в Мьянме множество инфраструктурных проектов в рамках подключения Мьянмы к инициативе «Пояс и путь». Китай как мощный экономический актор является важным источником новых технологий, способствует модернизации экономики Мьянмы, создает рабочие места.

Вместе с тем неуклонный рост китайского капитала в экономике Мьянмы и политическое влияние Пекина на военных вызывают и негативные реакции на низовом уровне. Китай сохраняет за собой инструменты влияния на руководство Мьянмы в виде этнических вооруженных организаций (ЭВО), представляющих этнические повстанческие группы, которые требуют взаимного признания со стороны других этнических групп посредством союзов и коалиций. Такое влияние способно играть важную роль в процессе общенационального примирения в Мьянме. Вместе с тем деятельность различных криминальных структур в китайско-мьянманском приграничье оказывает негативное влияние на юго-западные регионы Китая, в частности, способствуя распространению наркомании.

Ключевые слова: Мьянма, Китай, экономический коридор, Юньнань, Шан, стратегическое партнерство, тамадо

Для цитирования: Виноградов И.С. Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 26–35. DOI: 10.31857/S032150750025705-7

Myanmar – China: Beijing's Strategic Interests and Instruments of Influence

© Iliia S. Vinogradov^а, 2023

^а Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5572-3471; vinbel19@mail.ru

Abstract. The military leadership of Myanmar being under conditions of international sanctions and having a difficult economic situation have to approach China. In the foreign policy of the PRC, Myanmar has also acquired a great geo-strategic importance. Getting direct transport access to the Indian Ocean through Myanmar stimulates the export-oriented development of the south-western provinces of the PRC and also forms a safe energy corridor for the import of hydrocarbons bypassing the Malacca Strait. China is implementing many infrastructure projects in Myanmar as part of connecting Myanmar to the Belt and Road Initiative. China as a powerful economic actor is an important source of energy for modern technologies, helping to modernize Myanmar's economy, creates jobs.

At the same time, the growth of Chinese capital in the economy of Myanmar and the political influence of Beijing on the military also cause negative reactions at the grass-roots level. China retains its historical leverage over the Myanmar leadership in the form of ethnic armed organizations (EAO) and plays an important role in the process of national reconciliation in Myanmar. At the same time, the activities of various criminal structures in the Sino-Myanmar border area have a negative impact on the southwestern regions of China.

Keywords: China, Myanmar, Economic Corridor, Yunnan, Shan, strategic partnership

For citation: Vinogradov I.S. Myanmar – China. Beijing's Strategic Interests and Instruments of Influence. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 26–35. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025705-7

ВВЕДЕНИЕ

В 1949 г. Бирма¹ стала первой несоциалистической страной, признавшей Китайскую Народную Республику². В 1950-х – середине 1960-х гг. отношения КНР и Бирмы были примером мирного сосуществования соседних государств и были определены термином «*Pauk-Phaw*» (на бирманском языке – «родные братья»). В 1960 г. стороны подписали Договор о дружбе и взаимном ненападении. В том же году совместными усилиями Народно-освободительной армии Китая и армии Бирмы с территории штата Шан были окончательно вытеснены последние остатки армии Гоминьдана.

Пережив период охлаждения во времена культурной революции в Китае и изоляционистской политики Бирмы при Не Вине, с конца 1980-х гг. отношения двух стран стали приобретать характер стратегического партнерства. Экономическая политика во время правления Не Вина (1962–1988 гг.) была направлена на построение «Бирманского пути к социализму», Бирма имела изолированную экономическую систему, страна остро нуждалась в экономической поддержке. Экономическая либерализация в Бирме, начавшаяся в 1987 г., открыла новые возможности для экономического сотрудничества. В августе 1988 г. Китай и Бирма подписали соглашение по формализации приграничной торговли.

СТАНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

После подавления в Мьянме в 1988 г. акций гражданского неповиновения представители вооруженных сил страны (тамадо), оказавшись в условиях жестких экономических санкций и отсутствия возможности привлечения западного капитала, стали налаживать более тесные связи с Пекином.

Сочетание политических и экономических факторов способствовало сближению двух стран. Мьянма благодаря своему географическому положению стала приобретать важное значение во внешнеэкономической стратегии Китая. Диспропорции в экономическом развитии прибрежных провинций КНР с их экспортной ориентацией, осуществивших экономический рывок на начальном этапе политики реформ и открытости в 1980-е гг, и внутренних провинций, не имеющих выхода к морю (прежде всего, Юньнань, Сычуань, Гуйчжоу), вынуждали руководство КНР искать возможности к стимулированию экспорта из внутренних провинций в другие страны.

Китай не мог целиком и полностью полагаться исключительно на собственные порты – они находятся на значительном расстоянии от Мьянмы, пути сообщения были не так хороши, а склады в прибрежных провинциях уже были заполнены товарами. Сама идея выхода к морю (по сути, создания экономического коридора) через Бирму была обоснована в китайской официальной печати еще в середине 1980-х гг. [1]. Важно было также и то, что Мьянма обладает значительными запасами энергетических ресурсов (по данным ВР, запасы природного газа в Мьянме составляют 1,2 трлн куб. м)³, существенным гидроэнергетическим потенциалом, залежами цветных и редкоземельных металлов, древесиной, драгоценными камнями.

Китай стал активно устанавливать контакты с новым руководящим органом Мьянмы – Государственным советом по восстановлению законности и правопорядка (ГСВЗП)⁴. В октябре 1989 г. тогдашний заместитель председателя ГСВЗП Тан Шве посетил Китай и добился предоставления Мьянме военной и экономической помощи. Пекин не только смог установить тесные контакты с мьянманскими военными, но и начал фактически заниматься перевооружением и обучением армии Мьянмы. С этого времени участились взаимные визиты высшего руководства двух стран.

Пекин укрепил свои позиции в качестве основного экономического партнера Мьянмы. В 1990-е гг. вновь начала расти численность китайской диаспоры в Мьянме. Мьянма стала целью для многих китайских мигрантов, особенно из провинции Юньнань. Города Мьянмы росли, китайские мигранты активно скупали недвижимость и усиливали свое влияние в бизнесе на всех уровнях. По экспертным

¹ До 1989 г. Бирма именовалась Социалистическая Республика Бирманский Союз; с 2010 г. – Республика Союз Мьянма (прим. авт.).

² Бирма обрела независимость от Великобритании 4 января 1948 г., КНР была образована 1 октября 1949 г. (прим. авт.).

³ <https://bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed 01.12.2022)

⁴ В 1997 г. ГСВЗП преобразовался в Государственный совет мира и развития (ГСМР) (прим. авт.).

оценкам в 1990-е – начале 2000-х гг. только в Мандалай, второй по величине город Мьянмы, мигрировали от 250 до 300 тыс. юньнаньских китайцев [2]. Если в 1990 г. население Мандалая составляло 648 тыс. человек, то в 2007 г. превысило миллион⁵.

Начало XXI в. по праву можно назвать «золотым десятилетием» в двусторонних отношениях Китая и Мьянмы. Тому подтверждение – весьма плодотворные взаимные визиты и расширение сотрудничества во всех областях. В декабре 2001 г. в ходе визита председателя КНР Цзян Цзэминя стороны договорились «продолжать свою дружбу из поколения в поколение». Результатом этого визита стали договоренности об экономическом и техническом сотрудничестве, стимулировании и защите инвестиций. В 2003 г. состоялись ответные государственные визиты председателя Государственного совета мира и развития Тана Шве и вице-председателя ГСМР Мауна Ае, в ходе которых стороны достигли договоренностей об экономическом, техническом, гуманитарном сотрудничестве. Также был подписан Меморандум о взаимопонимании по гидроэнергетическим проектам, который предусматривал кредит в размере \$200 млн [3].

Серии встреч и дискуссий между премьер-министром Мьянмы Со Вином и премьером Госсовета КНР Вэнем Цзябао в 2006 г. привели к подписанию соглашения о содействии всестороннему экономическому сотрудничеству, в т.ч. в энергетическом секторе, строительстве железной дороги между странами, а также об участии Китая в особых экономических зонах в Мьянме. В том же 2006 г. китайские компании инвестировали в гидроэнергетические проекты Мьянмы \$281,22 млн [3]. Кроме того, Эксим банк КНР предоставил Мьянме низкопроцентный кредит на сумму \$200 млн для реализации новых проектов с участием Китая⁶. После разрушительного циклона Нургис в 2008 г., в результате которого 1,5 млн человек лишились жилья, Пекин оказал помощь, направив в Мьянму своих специалистов [3].

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КИТАЙ-МЬЯНМА И ЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Помимо обеспечения экспортно-ориентированного развития собственных внутренних провинций, проект экономического коридора стал приобретать для Китая дополнительное стратегическое значение, поскольку решает т.н. «малаккскую дилемму»: его сильную зависимость от узких мест Малаккского пролива. В свою очередь, транспортировка энергоресурсов с Ближнего Востока и из Африки по энерготранспортному коридору через Мьянму в Китай формирует альтернативный и безопасный маршрут, исключающий риск из-за возможной блокировки Малаккского пролива со стороны ВМС США. Кроме того, поставка энергоресурсов по трубопроводам через Мьянму сокращает около 3000 км маршрута в Китай, ускоряя доставку на 5–6 дней⁷.

Еще в 2004 г. был разработан проект трубопроводов Мьянма-Китай, и правительство Китая начало готовить предварительные технико-экономические обоснования. В 2005 г. стороны достигли принципиальных договоренностей о строительстве газопровода вместе с нефтепроводом, и министерство энергетики Мьянмы подписало Меморандум о взаимопонимании с Китаем по укреплению энергетического сотрудничества между двумя странами.

В декабре 2008 г. *CNPC (China National Petroleum Corporation)* подписала соглашение с корейским консорциумом *Daewoo* о закупке природного газа с мьянманского газового месторождения Шве сроком на 30 лет. В том же году Китай объявил, что начнет строительство газопровода стоимостью \$1,04 млрд и нефтепровода стоимостью \$1,5 млрд из Мьянмы. Причем *CNPC* владеет 50,9% акций в проекте, а *MOGE (Myanmar Oil and Gas Enterprise)* – оставшейся долей⁸.

Трубопроводы проходят по параллельному маршруту от порта Кьяукпью в Мьянме до Куньмина в Юньнани, причем газопровод планируется провести дальше – до Гуанси, автономного района на юге Китая. Газопровод протяженностью 793 км с пропускной способностью 12 млрд куб. м газа в год был введен в эксплуатацию в июле 2013 г. Нефтепровод протяженностью 771 км с пропускной способностью 22 млн т в год запущен в июне 2017 г. Однако фактические поставки значительно ниже. Так, например, в 2019 г. Китай импортировал 10,8 млн т нефти по нефтепроводу Китай-Мьянма⁹, в том же го-

⁵ <https://worldpopulationreview.com/world-cities/mandalay-population> (accessed 13.05.2023)

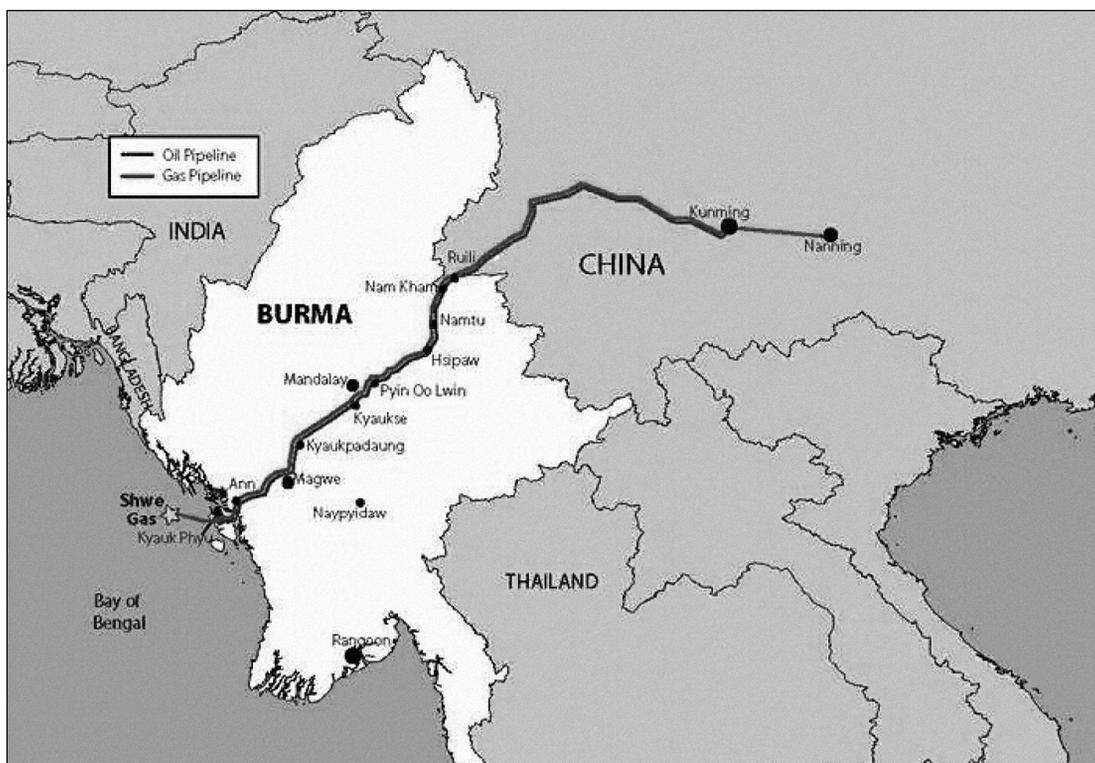
⁶ https://www.chinadaily.com.cn/china/2006-06/11/content_613786.htm (accessed 03.12.2022)

⁷ https://www.chinacenter.net/2020/china_currents/19-3/a-relationship-on-a-pipeline-china-and-myanmar/ (accessed 09.12.2022)

⁸ <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/mi/country-industry-forecasting.html?id=106596146> (accessed 10.12.2022)

⁹ http://www.china.org.cn/business/2020-01/15/content_75614062.htm (accessed 03.12.2022)

ду по газопроводу импорт газа составил 5 млн куб. м¹⁰. Отметим, что это на порядок меньше импорта нефти по нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан» или импорта газа по газотранспортной системе «Центральная Азия – Китай», однако вполне достаточно для снабжения юго-западных провинций Китая.

**Карта. Нефте- и газопровод Мьянма – Китай.
Map. Myanmar – China Oil and Gas Pipeline.**

Источник: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/china-backed-pipeline-facility-damaged-in-myanmar-resistance-attack.html> (accessed 10.12.2022)

Экономический коридор Китай – Мьянма (ЭККМ), помимо трубопроводов, включает в себя целый комплекс инициатив по транспортному связыванию провинции Юньнань с Мьянмой и строительству сопутствующей инфраструктуры. Значительный прогресс в реализации этого комплексного мегапроекта был достигнут, когда Мьянмой руководила государственный советник Аун Сан Су Чжи¹¹, лидер партии «Национальная лига за демократию» (НЛД), которая одержала победу на парламентских выборах 2015 г., уверенно опередив правившую до этого Партию солидарности и развития Союза, поддерживаемую военными. 1 декабря 2017 г. Си Цзиньпин и Аун Сан Су Чжи достигли соглашения о совместном создании ЭККМ в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Были созданы двусторонние механизмы сотрудничества, такие как китайско-мьянманский комитет по экономическому, торговому и техническому сотрудничеству и совместный комитет по китайско-мьянманскому экономическому коридору, а также некоторые двусторонние платформы сотрудничества, такие как китайско-мьянманский форум экономического коридора.

В 2020 г. в ходе визита Си Цзиньпина в Мьянму и двусторонних переговоров с Аун Сан Су Чжи были подписаны 33 меморандума о взаимопонимании и ряд соглашений, касающихся расширения сотрудничества в рамках ИПП, развития трансграничного экономического сотрудничества¹².

¹⁰ <http://yn.people.com.cn/n2/2020/0117/c372455-33726277.html> (In Chin.) (accessed 05.12.2022)

¹¹ Аун Сан Су Чжи – лауреат Нобелевской премии мира 1991 г. за ненасильственную борьбу за демократию и права человека (прим. авт.).

¹² <https://irrawaddy.com/news/burma/myanmar-china-sign-dozens-deals-bri-projects-cooperation-xis-visit.html> (accessed 09.12.2022)

Китайско-мьянманский экономический коридор начинается в китайской провинции Юньнань на севере, проходит через Мандалай в Мьянме, и далее одна ветка идет до природной гавани Янгон, а другая – до бирманского порта Кьяукпью на побережье Бенгальского залива. Коридор уже включает в себя такие крупные инфраструктурные проекты, как строительство высокоскоростной железнодорожной дороги, расширение автотранспортного сообщения, строительство глубоководного порта и свободной экономической зоны (СЭЗ) в Кьяукпью, зоны сотрудничества в штатах Качин и Шан на границе с Китаем.

Экономическое развитие провинции Юньнань в КНР сегодня неразрывно связано с реализацией ЭККМ. В национальном плане экономического и социального развития Юньнани на 2022 г. указывается на необходимость интегрироваться в строительство экономических коридоров, участвовать в качественном совместном строительстве «Пояса и пути» и активно способствовать нормальному функционированию комбинированных морских, автомобильных и железнодорожных перевозок в ЭККМ [4].

Большое экономическое значение имеет расширение возможностей трансграничного автомобильного сообщения через мьянманские пограничные пункты Жуйли-Мусе и Мэндин-Чиншвехау. Реализация ЭККМ способствует развитию инфраструктуры отдаленных и приграничных районов Юньнани. Благодаря запуску железнодорожного сообщения между городами Линьцан и Дали в Юньнани в декабре 2020 г. стал возможен новый мультимодальный маршрут (комбинация железнодорожной и автомобильной грузоперевозки), соединяющий китайский Чунцин с мьянманские Янгоном.

Стороны продолжают сотрудничество в реализации полноценного прямого железнодорожного сообщения. Несмотря на некоторые задержки в согласовании мегапроекта с мьянманской стороны, в январе 2021 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по технико-экономическому обоснованию проекта железной дороги от приграничного с Китаем г. Мусе в Мьянме через Мандалай до Кьяукпью.

Можно сказать, что Китай подключает Мьянму к своей инфраструктуре. Как отмечает посол КНР в Мьянме Чэнь Хай, Китай, согласно 14-му пятилетнему плану (2021–2025 гг.), находясь на новом историческом витке, ускорит построение новой модели «двойного циркуляции» и разделит дивиденды развития с другими странами мира, особенно с соседними. Такой проект, как новая высокоскоростная железная дорога, приблизит Мьянму к огромному китайскому рынку, будет способствовать экономическому развитию, мирному процессу в Мьянме, повышению уровня жизни [5].

Таблица. Торговля Китай – Мьянма в 1995–2021 гг.
Table. China-Myanmar trade 1995–2021

	1995	2010	2021
Экспорт Китай – Мьянма, \$ млрд	0,62	3,5	10,5
Импорт Мьянма – Китай, \$ млрд	0,15	1	8,1
Товарооборот, \$ млрд	0,77	4,4	18,6

Источники: <http://www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/yearlydata/YB1996e/P16-7e.htm>; <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2011/indexeh.htm>; <http://english.customs.gov.cn/Statics/4fa6c0f4-fe9e-4e23-be97-5ec6422f498a.html> (accessed 30.11.2022)

Хорошим дополнением к реализации ИПП служит и совместное участие в инициированном Китаем механизме субрегионального сотрудничества Линьцан-Меконг (ЛМС), в котором также участвуют Лаос, Камбоджа, Таиланд и Вьетнам. Данный механизм способствует укреплению сотрудничества Китая и континентальных стран АСЕАН и поддерживает проекты, направленные на устойчивое экономическое развитие, поддержку сельского хозяйства, сотрудничество в области здравоохранения, борьбу с бедностью. Только в Мьянме специальный фонд ЛМС профинансировал 93 проекта. Например, в рамках проекта по увеличению производства кофе более 11 тыс. фермеров, выращивающих кофе в Мьянме, прошли обучение, что помогло удвоить производство местных кофейных зерен. Кроме того, данный механизм служит хорошей площадкой для взаимодействия Китая и части стран АСЕАН по вопросам безопасности и решения текущих острых вопросов, в т.ч. по содействию процессу общенационального примирения в Мьянме¹³.

¹³ <https://www.globaltimes.cn/page/202207/1270900.shtml> (accessed 11.12.2022)

Очевидно, что китайские мегапроекты приносят Мьянме позитивный социально-экономический эффект, создают новые рабочие места, способствуют развитию и модернизации транспортной, энергетической инфраструктуры. Китайские компании активно инвестируют в городскую недвижимость, реализуют десятки проектов в гидроэнергетике, добыче полезных ископаемых.

Китай остается главным торговым партнером Мьянмы, причем в период 2010–2021 гг. товарооборот увеличился более чем в 4 раза (см. табл.).

Мьянма, обладая значительными ресурсами, остается самой бедной страной АСЕАН. ВВП ППС на душу населения в Мьянме, по данным Всемирного банка, в 2021 г. составил \$4,4 тыс. Для сравнения: в Лаосе и Камбодже (так же, как и Мьянма, относящихся к категории наименее развитых стран по классификации ООН среди стран АСЕАН) этот показатель составлял \$8,6 тыс. и \$4,8 тыс. соответственно¹⁴.

Мьянма остро нуждается в иностранных инвестициях, развитии своего индустриального потенциала. Китай, наряду с Сингапуром, является для Мьянмы основным инвестором. Относительно дешевая стоимость рабочей силы способствует встраиванию Мьянмы в производственные цепочки Китая. Основные отрасли промышленности, в которые поступает иностранный капитал, – текстильная промышленность и автомобилестроение.

В стране насчитывалось 606 текстильных фабрик (август 2020 г.), половина из которых контролировалась южнокорейским или китайским капиталом. Производство автомобилей в Мьянме в основном представляет собой сборку автомобилей с использованием полуфабрикатов. В 2018 г. китайский производитель автомобилей на новых источниках энергии *Yudea Group* вместе с мьянманским автопроизводителем *Khaing Khaing Sang Da Group* запустил сборку гибридных автомобилей. В 2019 г. китайский автопроизводитель *Gold AYA Motors International Group* построил в Мьянме завод годовой мощностью более 5000 автомобилей [6].

При всех позитивных моментах экономическая экспансия Китая периодически провоцирует и негативные реакции на низовом уровне мьянманского общества. Еще недавно серьезные протесты вызвали такие китайские проекты, как разработка медного рудника Летпадаун (административная область Сикайн) с сопутствующими экологическими издержками или строительство Мьитсонской ГЭС (штат Качин), где ради возведения дамбы планируется выселение жителей близлежащих деревень из зоны затопления, к тому же 90% вырабатываемой электроэнергии планировалось поставлять в Китай. Кроме того, периодически вспыхивающие антикитайские протесты в Мьянме на низовом уровне связаны и с политическим влиянием Китая на руководство Мьянмы.

Начавшийся в 2011 г. в Мьянме при президенте Тейн Сейне процесс демократизации, сопровождавшийся политическим сближением с США, вызвал определенное похолодание в отношениях с Китаем. Возможно, руководство Мьянмы из-за общественного давления или же стремясь несколько снизить зависимость от Китая заморозило ряд китайских мегапроектов – такие как плотина Мьитсоне и ввод в эксплуатацию нефтепровода. Было также временно отменено строительство железной дороги до Кьяукпью и даже условия оборудования порта и СЭЗ в Кьяукпью китайская *CITIC Group* была вынуждена пересмотреть из-за своей слишком высокой доли в проекте.

ИНСТРУМЕНТЫ ВЛИЯНИЯ КИТАЯ

1 февраля 2021 г. военные Мьянмы (тамадо) во главе с главнокомандующим ВС Мьянмы старшим генералом Мин Аун Хлайном совершили государственный переворот, отстранив от власти демократически избранное правительство и арестовав президента Вин Мьина и государственного советника и лидера НЛД Аун Сан Су Чжи. При этом сами тамадо считают, что выступили гарантами соблюдения Конституции в ответ на нежелание президента разбираться в массовых фальсификациях на парламентских выборах 2020 г. Стоит отметить, что Синьхуа, в отличие от западных СМИ, не назвала события 1 февраля 2021 г. государственным переворотом, охарактеризовав их как «крупные перестановки в кабинете министров», последовавшие за введением в стране чрезвычайного положения [7].

На фоне народных протестов после переворота имела место волна антикитайских настроений, спровоцированная слухами о тайной поддержке Китаем военного переворота и якобы доставке в Янгон (в то время, когда воздушное пространство было закрыто) несколькими самолетами оборудования и специа-

¹⁴ <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations=Z4> (accessed 14.05.2023)

листов для блокировки Интернета. В ответ китайская сторона заявила, что самолеты перевозили морепродукты в рамках обычных торговых операций, китайский посол отверг обвинения в адрес Пекина и заявил, что нынешнее развитие событий совсем не то, что Китай хотел бы видеть. В свою очередь, китайские эксперты указали на предвзятое отношение к Китаю, непонимание его политики нейтралитета и равноудаленности от главных политических сил в Мьянме (военных и демократических), а также на деструктивную роль международных неправительственных организаций, которые способствуют распространению дезинформации о Китае через подконтрольные им местные СМИ¹⁵.

У Китая были плодотворные контакты с НЛД в период её нахождения у власти (2016–2021 гг.). Лидер партии Аун Сан Су Чжи неоднократно встречалась с китайским руководством. Так, во время своей встречи с председателем Си в 2016 г. в Пекине Аун Сан Су Чжи дала понять, что Мьянма готова работать с Китаем для поддержания стабильности на границе между Мьянмой и Китаем и не допустит ничего, что повлияет на дружественные отношения между Мьянмой и её соседями, а также выразила надежду, что контакты между НЛД и КПК будут только укрепляться¹⁶.

Таким образом, Китай сложно как-то обвинять в прямой заинтересованности в приходе к власти военных, учитывая опыт плодотворной работы с демократическим руководством Мьянмы. Китай проводит в Мьянме тонкую и прагматичную политику, устанавливая особые отношения со всеми главными политическими силами внутри Мьянмы. Как заявил после событий февраля 2021 г. посол Китая в Мьянме: «И Национальная лига за демократию, и тамадо поддерживают дружественные отношения с Китаем»¹⁷.

Для Мьянмы очень важна политическая поддержка Китая на глобальном уровне. Китай поддержал руководство Мьянмы во время контртеррористической операции в 2017 г. в западном штате Ракхайн, граничащем с Бангладеш, в ответ на нападение на силы безопасности, которое, как полагают, было совершено боевиками рохинджа (мусульманское меньшинство численностью около 1,1 млн человек, подвергавшееся преследованиям в Мьянме, где большинство составляют буддисты) (подробнее см.: [8; 9]).

КНР заблокировала заявление Совета Безопасности ООН, осуждающее т.н. «военный переворот» в Мьянме, в связи с чем Совбез не смог согласовать совместное заявление. Мьянма, в свою очередь, занимает нейтральную позицию по вопросу территориальных споров в Южно-Китайском море, не поддерживая суверенитет Филиппин и Вьетнама над спорными островами, выступая за дипломатическое урегулирование, что выгодно Пекину.

На нынешнем этапе Китай поддерживает усилия АСЕАН по урегулированию начавшегося в феврале 2021 г. кризиса в Мьянме, в частности, инициативу АСЕАН «консенсус из пяти пунктов»¹⁸. Со стороны Китая была попытка пригласить на саммит Китай – АСЕАН в ноябре 2021 г. старшего генерала Мин Аун Хлайна, но по настоянию ряда членов АСЕАН Китай (как принимающая сторона) был вынужден отказаться от этого. В 2022 г. министр иностранных дел КНР Ван И дважды встречался со своим мьянманским визави Вунна Маунг Лвином. Ван И заверил, что Китай всегда будет поддерживать Мьянму в защите суверенитета, независимости и территориальной целостности и поиске пути развития в соответствии с её национальными условиями¹⁹.

При том, что на нынешнем этапе Китай старается содействовать внутривнутриполитическому примирению в Мьянме, Пекин сохраняет инструменты влияния на тамадо, используя фактор сепаратизма на окраинных территориях Мьянмы и свое влияние на местные вооруженные формирования.

Дело в том, что в Мьянме в силу ряда причин сформировались целые регионы с собственными достаточно крупными армиями, которые неподконтрольны власти в Нейпидо, ставшей с 2005 г. новой, вместо Янгона, столицей страны.

Мьянма – полиэтническое государство с населением 54,6 млн человек (по оценке 2023 г.²⁰). Коренной и государствообразующий народ *бама* составляет 68% населения Мьянмы, шаны – 9%, карены –

¹⁵ <https://iz.ru/1126503/nataliia-portiakova/kitaiskomu-preduprezhdenie-birmantcy-ugliadeli-v-perevorote-ruku-pekina> (accessed 13.05.2023)

¹⁶ http://www.xinhuanet.com/politics/2016-08/20/c_1119425102.htm (In Chin.) (accessed 05.12.2022)

¹⁷ <https://www.chinadaily.com.cn/a/202102/17/WS602d1b83a31024ad0baa92e8.html> (accessed 05.12.2022)

¹⁸ Данная инициатива предполагает незамедлительное прекращение насилия сторонами конфликта, начало конструктивного диалога, назначение посланника от страны-председателя АСЕАН с функцией посредника в переговорах, принятие гуманитарной помощи от АСЕАН и визит посланника для встречи со всеми сторонами конфликта (*прим. авт.*).

¹⁹ https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202204/t20220402_10663718.html (accessed 10.12.2022)

²⁰ <https://www.unfpa.org/data/world-population/MM> (accessed 14.05.2023)

7%, араканцы – 4%, китайцы – 3%, индийцы – 2%, моны – 2%, другие – 5%²¹. Этнические меньшинства с момента обретения Бирмой независимости предъявляли требования по децентрализации страны.

Сепаратизм в Мьянме имеет свои достаточно глубокие корни и обусловлен нежеланием военного руководства федерализировать страну, экономической подпиткой вооруженных группировок извне, вовлеченностью неподконтрольных Нейпидо территорий в международную наркоторговлю.

Китай еще с 1960-х гг. оказывал поддержку коммунистам Бирмы, многие из которых были представителями этнических меньшинств и вели партизанскую войну с центральным правительством, располагая базами в приграничных с Китаем гористых районах. После развала Коммунистической партии Бирмы (КПБ) в 1989 г. Китай сохранил влияние на местные этнические группировки, костяк которых сформировали бывшие члены КПБ, особенно это касается неподконтрольных территорий штата Качин, самоуправляемой области Ва, самоуправляемых зон Кокан (где большинство населения – этнические китайцы), Палаунг в штате Шан.

На Китай часто сыплются обвинения в экономической и военной поддержке этнических вооруженных организаций (ЭВО) в китайско-мьянманском приграничье, однако Пекин это официально отрицает. Так, на встрече с Мин Аун Хлайном во время своего визита в Нейпидо в 2020 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай всегда выступает за невмешательство во внутренние дела других стран и будет продолжать отстаивать интересы Мьянмы на международной арене²². По сообщению канцелярии главного командующего силами обороны Мьянмы, на той же встрече председатель Си заявил, что не приемлет наличие какой-либо организации, использующей территорию Китая для нанесения вреда Мьянме, а обвинения в том, что Китай поставляет оружие и боеприпасы вооруженным организациям в Мьянме, являются ложными. Однако, как сообщается, Си Цзиньпин сказал, что эти организации могут получить оружие другими способами, и пообещал тщательно изучить и решить проблему [10].

Тем не менее вооруженные силы Мьянмы периодически обнаруживают в захваченных у повстанцев тайниках оружие китайского производства. Кроме того, расположенные на территории Качин и Ва месторождения редкоземельных металлов (как и других полезных ископаемых) фактически контролируются Китаем, и, соответственно, доходы от экспорта теоретически могут идти на вооружение местных армий²³. Китай обеспечивает приграничную торговлю с территориями Ва, Кокан, Качин, телекоммуникации, тем самым экономически поддерживая эти территории и обеспечивая определенную стабильность и, соответственно, безопасность своих экономических активов (в т.ч. трубопроводов).

Кроме того, Китай в последние годы заметно увеличил возможности прямого влияния на политический процесс национального примирения внутри Мьянмы.

В 2015 г. правящая Партия солидарности и развития Союза, поддерживаемая тамадо, перед всеобщими парламентскими выборами 2015 г. (на которых впоследствии одержала победу Национальная лига за демократию) пыталась организовать миротворческий процесс при участии международных посредников. Успех этой инициативы мог бы способствовать победе на выборах правящей партии. Однако Китай, в отличие от США и Японии, не был включен в миротворческий процесс в качестве материального спонсора и гаранта его выполнения (см.: [11]). Произошло это на фоне заморозки ряда упоминавшихся выше китайских мегапроектов. И, предположительно, именно под влиянием Китая Качинская армия независимости (KIA) и Армия Объединенного Государства Ва (UWSA) отказались подписывать документ о национальном примирении.

В итоге без участия ключевых участников данная инициатива потерпела фиаско [11]. А в феврале 2015 г. вспыхнули новые вооруженные столкновения в Кокане. Более 20 тыс. человек бежали на территорию КНР. И только при активном посредничестве Китая боевые действия прекратились. Китай же после этих событий завоевал себе роль ключевого посредника в переговорах по мирному процессу в Мьянме. А уже с приходом к власти Национальной лиги за демократию в 2016 г. получила новый импульс реализация сотрудничества в рамках «Пояса и пути».

И тем не менее Мьянма пока так и не достигла национального мира, по-прежнему сохраняются повстанческие армии, контролирующие окраинные горные территории. После прихода к власти военных в

²¹ <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/burma/#people-and-society> (accessed 14.05.2023)

²² https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676788/xgxw_676794/202001/t20200118_9300506.shtml (In Chin.) (accessed 12.12.2022)

²³ <https://www.irrawaddy.com/in-person/interview/chinas-complicated-game-in-myanmar.html> (accessed 10.12.2022)

2021 г. гражданское противостояние в Мьянме перешло в новую фазу, ряды вооруженных группировок стали пополнять молодые люди уже из числа этнических бама, коренного населения Мьянмы.

Хотя в западном экспертном сообществе существует мнение, что Китай вполне устраивает нынешний статус-кво – «стабильное» военное правительство, но не слишком сильное, чтобы ликвидировать все очаги сепаратизма²⁴, однако по мере углубления стратегических отношений Китая и Мьянмы перед Китаем всё острее встает вопрос безопасности своих экономических активов в Мьянме. И даже условное влияние Китая на этнические вооруженные организации в том же штате Шан не гарантирует ему безопасность трубопроводов. А инциденты, подобные атаке сил народной самообороны в феврале 2022 г. на военных в районе Мандалая, охраняющих трубопроводы, приведшей к повреждению отводящей станции, вполне могут повториться. Можно предположить, что при дальнейшем плодотворном сотрудничестве между странами в рамках ИПП Китай будет закрывать глаза на решительные действия военного руководства Мьянмы по установлению конституционного порядка в стране, прежде всего, в отношении сепаратистов.

Проблемная специфика Мьянмы также заключается в том, что на неподконтрольных Нейпидо территориях традиционно осуществляют деятельность различные криминальные структуры, занимающиеся контрабандой, торговлей людьми, наркоторговлей.

Мьянма, наряду с Афганистаном, является ключевым производителем опиатов, а в последнее десятилетие и производителем синтетических наркотиков. Причем в настоящее время в связи с действенными мерами китайского правительства по урегулированию производства наркотических веществ наблюдается тенденция по перемещению производства синтетических наркотиков из Китая в Мьянму. Прослеживается связь между китайскими криминальными синдикатами и нарколабораториями по производству синтетических наркотиков в Мьянме. Контрабанда наркотиков оказывает неблагоприятное влияние на наркоситуацию в юго-западных регионах Китая, где фиксируется наибольшее количество наркопотребителей [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные мьянманско-китайские отношения носят непростой, но конструктивный характер. Поступательно растут экономические связи.

Действующая власть в Нейпидо сильно зависит от политической поддержки Пекина как на глобальном уровне, так и в двусторонних контактах, что придает тамадо легитимность. Китай в отношении Мьянмы проводит прагматичную политику, реализуя свои долгосрочные стратегические интересы, связанные с реализацией Экономического коридора, функционированием альтернативного энергетического маршрута Индийский океан – Мьянма – Китай, добычей полезных ископаемых и в целом обеспечением дружелюбного окружения. При декларировании на официальном уровне дружественных отношений *Phauk-Phaw* Пекин сохраняет за собой важный инструмент воздействия на генералов Мьянмы через свое влияние на этнические вооруженные организации (ЭВО).

Общей проблемой для двух стран являются нетрадиционные угрозы безопасности, исходящие из приграничных с Китаем зон, неподконтрольных центральному правительству Мьянмы. И Мьянма, и Китай заинтересованы в развитии приграничных территорий, особенно это касается штата Шан, где у местного населения мало перспектив, кроме как заниматься производством наркотиков или пополнять ряды ЭВО. Очень важно переориентировать местное крестьянство с выращивания опийного мака на другие сельскохозяйственные культуры. Возможно, такие китайские инициативы, как создание приграничных СЭЗ или сотрудничество Ланьцан-Меконг, постепенно дадут свои позитивные плоды и внесут свой вклад в улучшение социально-экономического положения в проблемных регионах Мьянмы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Pan Qi. Opening the Southwest: an expert opinion. *Beijing Review*. 1985. Vol. 28. № 35. September 2. Pp. 22–23.
2. Poon Kim Shee. 2022. The Political Economy of China-Myanmar Relations: Strategic and Economic Dimensions. *Ritsumeikan Annual Review of International Studies*. Vol. 1, pp. 33–53.

²⁴ Ibidem.

3. Wai Yan Phyo Naing. The Specificity of Myanmar's Relations with China in the Beginning of the XXI Century (2001–2010). *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2020. Vol. 3, № 4(49). Pp. 145–153.
4. 2022年国民经济和社会发展计划草案的报告（摘要）(Report on the Draft National Economic and Social Development Plan 2022 (Summary)). 云南省人民政府 (Yunnan provincial government website), 30.01.2022. (In Chin.). http://yn.gov.cn/zwggk/zfxxgkpt/fdzdgknr/ghxx/gmjshshfzgh/202201/t20220130_235517.html (accessed 02.12.2022)
5. 中緬合作緬甸曼德勒一皎漂鐵路項目可行性研究諒解備忘錄簽署儀式舉行. (The signing ceremony of the Memorandum of Understanding on the feasibility study of the Myanmar Mandalay-Kyaukpuyu railway project was held). 中華人民共和國商務部 (Chinese Ministry of Commerce website), 10.01.2021. (In Chin.). <http://mm.mofcom.gov.cn/article/ztdy/202101/20210103029796.shtml> (accessed 05.12.2022)
6. Ma Xin, Li Jiayi, Yu Jian. Chinese Industrial Chains' New Home Is Southeast Asia. *Yicai Global*, 23.11.2022. <https://www.yicai.com/news/chinese-industrial-chains-new-home-is-southeast-asia> (accessed 07.12.2022)
7. Ефремова К. Поствыборный кризис в Мьянме. *Пути к миру и безопасности*. 2021. № 1(60), с. 89–98. Efremova K. 2021. Post-election crisis in Myanmar. *Pathways to Peace and Security*. Issue 1(60). Moscow. Pp. 89–98. (In Russ.)
8. Симония А.А. Мьянма: радикализация проблемы рохинджа. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 1, с.26–33. Simoniya A.A. 2018. Myanmar: the radicalization of the rohingya problem. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 26–33. (In Russ.)
9. Симония А.А. «Плавучий остров» – новый дом для рохинджа? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 9, с. 33–38. DOI:10.31857/S032150750006271-0 Simoniya A.A. 2019. “Floating island” – a new home for rohingya? *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 33–38. (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750006271-0
10. Htet Naing Zaw. Chinese President's Claim That Beijing Not Arming EAOs Met With Skepticism in Myanmar. *The Irrawaddy*, 20.01.2020. <https://www.irrawaddy.com/news/burma/chinese-presidents-claim-beijing-not-arming-eaos-met-skepticism-myanmar.html> (accessed 09.12.2022)
11. Симония А.А. Роль Китая в общенациональном мирном процессе Мьянмы. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2017. № 34, с. 171–187. Simoniya A.A. 2017. China's role in Myanmar's nationwide peace process. *South East Asia: Actual Problems of Development*. Issue 34. Moscow. Pp. 171–187. (In Russ.)
12. World drug report 2021. Cocaine, amphetamine-type stimulants. Booklet 4/Unites Nations office on drugs and crime. Vienna June 2021. https://www.unodc.org/res/wdr2021/field/WDR21_Booklet_4.pdf (accessed 10.12.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, с.н.с., Центр «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Ilya S. Vinogradov, PhD (History), Senior Researcher, Centre “Russia, China, the world”, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 13.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 19.04.2023

Американо-китайское технологическое противостояние как вызов внешнеэкономической стратегии Республики Корея

© Захарова Л.В.^а, 2023

^а Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6164-3518; ludmila_hph@rambler.ru

Резюме. В 2022 г. обострилось глобальное технологическое противостояние между США и Китаем, главным образом в области производства полупроводников. Попытки Вашингтона ослабить экономический потенциал КНР негативно сказываются на государствах, имеющих тесные торговые и инвестиционные связи с Поднебесной. С новыми серьезными вызовами сталкивается внешнеэкономическая стратегия Республики Корея: страна вынуждена лавировать между интересами военно-политического союзника и поставщика технологий (США), с одной стороны, и главного торгового партнера (КНР) – с другой.

В период холодной войны южнокорейская экономика ориентировалась на США и Японию как своих главных торговых партнеров. После установления дипломатических отношений с Китаем в 1992 г. РК стала быстро наращивать двусторонний товарооборот с Пекином. В результате Поднебесная заняла место основного торгового партнера Южной Кореи, экономическая интеграция с которым стала одним из факторов роста ВВП страны, факторов, влияющих на принятие решений в Сеуле. В перспективе Южная Корея должна делать выбор в пользу углубления экономической интеграции с Соединенными Штатами и ослабления зависимости от КНР.

Ключевые слова: американо-китайское противостояние, торговая война, санкции, экономика Республики Корея, полупроводники, глобальные цепочки добавленной стоимости, внешнеэкономическая стратегия

Для цитирования: Захарова Л.В. Американо-китайское технологическое противостояние как вызов внешнеэкономической стратегии Республики Корея. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 36–43. DOI: 10.31857/S032150750023318-1

Technological Confrontation between the USA and China as a Challenge to the Foreign Economic Strategy of the Republic of Korea

© Liudmila V. Zakharova^a, 2023

^a Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6164-3518; ludmila_hph@rambler.ru

Abstract. In 2022, the global technological competition between the US and China escalated and its focus moved into the field of semiconductor production. Washington's attempts to weaken the economic potential of the People's Republic of China (PRC) have a negative impact on the interests of states that have close trade and investment ties with China. New serious challenges appear for the foreign economic strategy of the Republic of Korea, forcing the country to maneuver between the interests of the military-political ally and technology supplier (USA) on the one hand and the main trading partner (PRC) on the other.

In the context of the onset of the “new Cold War” and the growing US-Chinese confrontation, Seoul is faced with the need to choose a new effective strategy. There are signs that geopolitics will increasingly influence economic calculations, and countries will deepen integration with friends and weaken dependence on enemies. Given the combination of factors influencing decision-making in Seoul, in the future, South Korea has to make a choice of possible deepening economic integration with the United States and weakening dependence on the PRC.

Keywords: US-China confrontation, trade war, sanctions, economy of the Republic of Korea, semiconductors, global value chains

For citation: Zakharova L.V. Technological Confrontation between the USA and China as a Challenge to the Foreign Economic Strategy of the Republic of Korea. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 36–43. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750023318-1

ВВЕДЕНИЕ

В начале 2020-х гг. на фоне осложнения международной военно-политической обстановки в мире обостряется глобальное технологическое противостояние между США и Китаем. В 2022 г. его главным направлением стало производство полупроводников (или «чипов», как часто называют некоторые виды полупроводников, включая микросхемы памяти). Полупроводники – необходимый компонент электроники всех видов. Стив Бланк, известный американский специалист в сфере высоких технологий, считает, что в XXI в. контроль над производством передовых чипов может оказаться равноценным контролю над поставками нефти в XX столетии. Страна, которая контролирует производство полупроводников, якобы сможет подавлять военную и экономическую мощь других государств [1].

США, которые стремятся ограничить возможности развития Китая, могут лишить его доступа к передовым чипам, используя многократно применявшийся ранее механизм экспортного контроля¹. При этом их партнеры и союзники, которым Вашингтон будет диктовать, какие товары они не смогут поставлять в КНР, будут обречены на экономические потери, а также перестройку торговых и инвестиционных потоков. От торговой войны США и Китая страдают глобальные цепочки поставок, а заградительные меры Вашингтона в отношении КНР уже давно рикошетом сказываются на третьих странах². Показательным примером здесь может стать Республика Корея.

ЮЖНАЯ КОРЕЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ ПОЛУПРОВОДНИКОВ

Мировое производство полупроводников функционирует на основе глобальной цепочки поставок, ключевые звенья которой контролируют США и некоторые из их союзников. В Америке сконцентрирована разработка чипов, а их производство невозможно без специального оборудования из Европы. При этом базы изготовления самых передовых полупроводников расположены в Восточной Азии, где крупнейшим игроком является Тайвань, а следом за ним – Республика Корея.

В корейском языке есть пословица: «В битве китов у креветок спины трескаются». И в разворачивающемся американско-китайском конфликте в борьбе за будущее полупроводниковой промышленности Республика Корея оказывается в своеобразной «вилке» между интересами своего военно-политического союзника и поставщика технологий (США), с одной стороны, и главного торгового партнера (КНР) – с другой.

Полупроводники – это одна из основных категорий международной специализации Южной Кореи. В 1970-е гг. в РК открывались заводы, которые в рамках субподряда производили чипы для лидеров рынка из США и Японии. Сейчас Южная Корея сама входит в число мировых лидеров полупроводниковой промышленности. Компании *Samsung Electronics* и *SK Hynix* являются одними из ведущих производителей чипов в мире (на них приходится около 50% мирового рынка карт памяти *NAND* и *DRAM*). В 2021 г. экспорт южнокорейских полупроводников составил \$128 млрд (доля на мировом рынке – 18,4%)³.

Пользуясь преимуществами свободной торговли, южнокорейские ТНК создали глобальные цепочки поставок полупроводников, привязанные к Китаю и США. Однако низкий уровень локализации производства оборудования, материалов и компонентов сделал эту отрасль экономики РК крайне уязвимой перед лицом внешних потрясений. Главным партнером по экспорту и импорту корейских полупроводников является Китай. На КНР и Гонконг вместе приходится около 60% всего экспорта чипов из РК, значительная часть которого представлена полуфабрикатами, предназначенными для сборки на производственных мощностях в Китае. При этом основные поставки оборудования и деталей для производства полупроводников идут из США, Японии, Нидерландов и Сингапура [2]. Южнокорейские компании оказываются в зависимости от нескольких американских, японских и европейских разработчиков чипов и поставщиков оборудования.

¹ Кириченко Э.В. КОКОМ: из прошлого в настоящее. <https://www.imemo.ru/news/events/text/kokom-iz-proshlogo-v-nastoyashee> (accessed 27.10.2022)

² Портяков В. Битва двух китов. *Известия*. 05.09.2018. <https://iz.ru/784765/vladimir-portiakov/bitva-dvukh-kitov> (accessed 27.10.2022)

³ Export volume of semiconductor manufacturers in South Korea from 2006 to 2021. *Statista*. <https://www.statista.com/statistics/648452/south-korea-semiconductor-export/> (accessed 27.10.2022)

Выстраивая конкурентоспособные цепочки поставок, южнокорейские полупроводниковые гиганты серьезно вложились в создание производственных баз в Китае. По данным Министерства торговли, промышленности и энергетики РК, *Samsung Electronics* инвестировал \$17,1 млрд в Китай за 1997–2020 гг. (для сравнения: за этот же период вложения компании в производство полупроводников в США составили лишь \$3,8 млрд). У *SK Hynix* вообще нет заводов в Америке, а Китай – единственное зарубежное направление с накопленными инвестициями в производство в объеме \$24,9 млрд⁴.

ПОЛУПРОВОДНИКОВЫЙ АЛЬЯНС И САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

В 2021 г. Вашингтон выдвинул идею формирования полупроводникового альянса *Chip 4* во главе с США с целью обеспечения безопасности глобальных цепочек поставок полупроводниковой продукции. Правительства стран-участниц должны будут контролировать субсидирование отрасли, а также координировать проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. РК было предложено присоединиться к этому блоку наряду с Японией и Тайванем. Однако Китай – крупнейший потребитель южнокорейских полупроводников – расценивает альянс как нарушение правил международной торговли и выступает против него.

Южная Корея с самого начала не испытывала восторга от новой американской идеи, поскольку её крупнейшие производители отнюдь не горели желанием делиться своими коммерческими секретами с конкурентами из других стран в процессе ведения совместных исследований. Опасаясь негативной реакции Китая, Сеул пытался донести до Пекина свою позицию, что полупроводниковый альянс не будет направлен против КНР. Однако введение односторонних американских рестрикций в отношении поставок некоторых категорий чипов в Китай осенью 2022 г. показало, какую в действительности цель преследуют организаторы альянса.

7 октября 2022 г. администрация Байдена опубликовала пакет мер экспортного контроля, запрещающих продажу китайским компаниям передовых полупроводников и оборудования для их производства⁵, если они были созданы с использованием американских технологий, без получения экспортной лицензии США⁶. По оценкам экспертов, рестрикции могут существенно замедлить развитие полупроводниковой промышленности Китая, тормозя тем самым прогресс КНР в области искусственного интеллекта, беспилотных автомобилей, кибербезопасности, медицины и фармацевтики, климатического моделирования и многих других сфер [3].

Американские санкции (хотя официально они и не были так названы) создали новые риски для южнокорейских компаний, имеющих производство в КНР. В частности, *Samsung Electronics* изготавливает около 40% своих карт памяти *NAND* на заводе в Сиане (провинция Шэньси), а его конкурент *SK Hynix* производит до 50% своих чипов *DRAM* в Уси (провинция Цзянсу)⁷. И хотя обе южнокорейские компании получили годовую отсрочку от новых американских мер для своих заводов в Китае, это лишь дает им время на поиск вариантов минимизации ущерба. А в перспективе корейцы не смогут модернизировать и развивать свои китайские мощности.

ЧЕМ ЭТО ГРОЗИТ ЭКОНОМИКЕ РК

На фоне роста мировых цен на сырье и кризиса глобальных цепочек поставок экспортно ориентированная экономика РК уже оказалась в сложном положении. После кризиса 2008–2009 гг. у Южной Кореи был стабильный профицит внешнеторгового баланса, что позитивно влияло и на курс национальной валюты. Однако в 2022 г. (по состоянию на октябрь) накопленный дефицит внешней торговли РК

⁴ Kim Yon-se. Chip firms invested 10 times more in China than US: lawmaker. *The Korea Herald*. 24.10.2022. <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221024000595> (accessed 29.10.2022)

⁵ включая технологии для производства микросхем *DRAM* с техпроцессом лучше 18 нанометров и чипов флэш-памяти *NAND*, состоящих из 128 и более слоев (*прим. авт.*).

⁶ Stephen Nellis, Karen Freifeld and Alexandra Alper. U.S. aims to hobble China's chip industry with sweeping new export rules. *Reuters*. 07.10.2022. <https://www.reuters.com/technology/us-aims-hobble-chinas-chip-industry-with-sweeping-new-export-rules-2022-10-07/> (accessed 04.11.2022)

⁷ Herh M. U.S. Government Gives Samsung and SK Hynix Plants in China One Year's Grace. *Business Korea*. 13.10.2022. <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=102092> (accessed 04.11.2022)

превысил \$30 млрд. Это крупнейший в истории страны показатель. Дефицит накапливался несколько месяцев, ослабляя курс южнокорейской национальной валюты (с января по октябрь 2022 г. она потеряла около 17% по отношению к доллару США)⁸. Если курс воны продолжит снижаться, а иностранные инвесторы потеряют уверенность в южнокорейской экономике, страна может оказаться на пороге кризиса. При этом значительный объем накопленных валютных резервов (более \$400 млрд) дает РК необходимую подушку безопасности, не имея которой в 1997 г., страна быстро погрузилась в пучину Азиатского финансового кризиса [4].

Для Южной Кореи потеря такой подушки будет достаточно болезненной, т.к. на Китай приходится около четверти всего внешнеторгового оборота РК. При этом США не готовы предлагать какие-либо значимые экономические компенсации страдающим от односторонних мер Вашингтона партнерам. Пример с Законом о сокращении инфляции (*Inflation Reduction Act*), в результате которого южнокорейские электромобили существенно теряют в конкурентоспособности на американском рынке, это хорошо показал. Американцы обещали учесть озабоченности компаний из РК, однако в реальных действиях и поправках к закону это пока не отразилось.

Сокращение экспорта полупроводников в Китай, а также снижение мировых цен на чипы под влиянием американских санкций может подстегнуть рост дефицита внешнеторгового баланса РК. В подобных условиях часть южнокорейских экспертов считают естественным и необходимым увеличение инвестиций в открытие производств в США, в т.ч. за счет переноса из КНР, поскольку корейский бизнес не может больше полагаться на китайский рынок и производственные базы⁹. В Соединенных Штатах же создаются условия для привлечения иностранных инвестиций. Администрация Байдена объявила о масштабном пакете помощи для развития полупроводниковой промышленности.

В августе 2022 г. был принят «Закон о чипах» (*CHIPS and Science Act*), предполагающий многомиллиардное государственное финансирование и льготы с целью расширения производства полупроводников на территории США. При этом получатели федеральных субсидий не смогут расширять или модернизировать свое производство передовых чипов (с техпроцессом лучше 28 нм)¹⁰ в Китае в течение 10 лет¹¹. Таким образом, Вашингтон хочет заманить крупнейших производителей на территорию США, одновременно не позволяя им содействовать прогрессу КНР в области современных полупроводников.

Какова же позиция Пекина? Китайцы называют Соединенные Штаты «главным внешним вызовом» для китайско-южнокорейских отношений и призывают своих партнеров в Сеуле не поддаваться давлению, продолжая развивать двусторонние связи «стабильно и в долгосрочной перспективе»¹². Зависимость КНР от Южной Кореи достаточно велика, т.к. 45% китайского импорта микросхем памяти приходится на РК. В подобных условиях Китай вряд ли пойдет на существенные ограничения поставок корейских полупроводников. Непрямые же меры, например ограничения на работу южнокорейских заводов в КНР, могут привести к увеличению издержек для соответствующих компаний, снижая их конкурентоспособность¹³.

Льготы и субсидии в США с целью привлечь инвестиции производителей полупроводников усиливают давление на правительство РК. Южнокорейское руководство опасается выноса отечественных производств за рубеж и предлагает свой пакет помощи, чтобы повысить конкурентоспособность страны в цепочках поставок. План правительства включает введение дополнительных налоговых льгот, чтобы стимулировать развитие научных исследований и вложения в строительство заводов по производству полупроводников в Южной Корее. Кроме того, намечается открытие образовательного центра для подготовки 150 тыс. инженеров в течение 10 лет, чтобы помочь корейским компаниям снизить за-

⁸ Park Chong-hoon. Managing market expectations will be key. *The Korea Times*. 20.10.2022. https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/10/793_338203.html (accessed 30.10.2022)

⁹ Park Jae-hyuk. Korea advised to find opportunities amid challenging US trade policies. *The Korea Times*. 26.10.2022. https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2022/10/419_338616.html (accessed 30.10.2022)

¹⁰ Самые современные чипы создаются уже по техпроцессам 3–5 нм (*нпум. авт.*).

¹¹ Song Jung-a, Christian Davies. 'Sense of crisis' has gripped South Korean chip industry, warns minister. *Financial Times*. 27.09.2022. <https://www.ft.com/content/8cb19bee-eb96-44b8-9474-bf25be979281> (accessed 30.10.2022)

¹² Song Sang-ho. Chinese ambassador calls U.S. 'biggest external challenge' to Seoul-Beijing ties. *Yonhap News Agency*. 26.10.2022. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221026008100325> (accessed 30.10.2022)

¹³ Doh Hyun-woo. Semiconductor Industry: Chip 4 to Benefit US Companies. *Business Korea*. 10.08.2022. <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=98206> (accessed 30.10.2022)

висимость от импортных материалов, комплектующих и оборудования в полупроводниковой области с 70% до 50%¹⁴.

Однако этого может оказаться недостаточно в условиях усиливающейся глобальной конкуренции и масштабных пакетов помощи со стороны правительств других стран. В отличие от законодателей США, южнокорейские парламентарии пока не могут договориться о более значительных мерах поддержки полупроводниковой промышленности своей страны. Проекты соответствующих законов (*K-Chips Acts*) всё еще находятся в Национальном собрании, а парламентский Комитет по финансам и экономике не спешит с обсуждением налоговых льгот для инвестиций в производство чипов. Местные наблюдатели считают, что депутаты, слишком занятые межпартийной борьбой, не осознают важности этого вопроса для будущего экономики страны¹⁵.

ПОЛУПРОВОДНИКИ КАК МАРКЕР СТОЯЩИХ ПЕРЕД СЕУЛОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Ситуация в области производства чипов наглядно свидетельствует об изменении глобальных условий для стратегии развития внешнеэкономических связей РК. В период холодной войны южнокорейская экономика ориентировалась на США и Японию как на своих главных торговых партнеров. После установления дипломатических отношений с Китаем в 1992 г. РК стала быстро наращивать двусторонний товарооборот с ним, а чэболи (южнокорейские мегакорпорации, такие как *Samsung, Hyundai, LG* и *SK Group*) успешно открывали в КНР свое производство, стремясь повысить конкурентоспособность на мировом рынке. В результате Поднебесная заняла место основного торгового партнера Южной Кореи, экономическая интеграция с которым стала одним из факторов роста ВВП страны.

В условиях наступления «Новой холодной войны» и нарастающего американо-китайского противостояния Сеул становится перед необходимостью выбора новой эффективной стратегии. Как отмечает Иэн Бреммер в своей статье в *Foreign Affairs*, наступило время, когда геополитика всё сильнее стала влиять на экономические расчеты, а страны будут «углублять интеграцию с друзьями» и «ослаблять зависимость от недругов» [5]. «Южнокорейская мечта» – жить спокойно и богатеть за счет развития многовекторных внешних связей – становится всё более трудноосуществимой в суровых реалиях стремительно меняющегося мира.

В подобных условиях на действия правительства РК могут оказывать влияние следующие факторы.

Во-первых, собственно экономические соображения. Вынужденная трансформация глобальных цепочек добавленной стоимости будет требовать от Сеула идти по пути диверсификации экспортных и импортных рынков, замещая «менее надежные» на более стабильные и перспективные. При этом «дрейф от Китая» не сможет быть быстрым, учитывая высокий уровень торговой зависимости стран друг от друга. В частности, перенос производства чипов из Китая в США или даже в саму РК потребует огромных инвестиций, учитывая разницу в уровне цен и зарплат в них по сравнению с КНР. Неизбежный рост издержек на фоне и без того обостряющейся глобальной конкуренции между производителями полупроводников лишь обострит для РК проблему обеспечения конкурентоспособности этой важнейшей для экономики страны отрасли.

Во-вторых, это прошлый опыт взаимодействия с США и Китаем по вопросам, ущемляющим экономические интересы Сеула. Южные корейцы на переговорах традиционно стараются минимизировать ущерб для своих производителей, быстро приспосабливаясь к новым условиям торговли. Здесь как пример можно привести модификацию Соглашения о свободной торговле между РК и США (*KORUS FTA*) по инициативе администрации президента Трампа в 2018 г. [6] Несмотря на внесенные под давлением США поправки, существенно снизить дефицит в торговле с РК Вашингтону не удалось: в 2017 г. он составил почти \$18 млрд, в 2019 г. сократился до \$11,5 млрд, а в 2021 г. увеличился до \$22,7 млрд¹⁶. Таким образом, несмотря на ухудшение условий из-за пересмотра *KORUS FTA*, корейцы смогли быстро приспособиться и вновь нарастить экспорт в США.

¹⁴ Jung Suk-ye. South Korea to Make Huge Investment in Semiconductor Industry. *Business Korea*. 22.07.2022. <http://businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=97099> (accessed 30.10.2022)

¹⁵ A perfect storm is coming. *Korea Joongang Daily*. 02.11.2022. <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/11/02/opinion/editorials/perfect-storm-economy-chips/20221102192554065.html?detailWord=> (accessed 04.11.2022)

¹⁶ Bilateral trade between Korea, Republic of and United States of America. *ITC Trade Map*. <https://www.trademap.org> (accessed 05.11.2022)

Другой пример – реакция Пекина на действия РК, если они напрямую противоречат национальным интересам Китая. Достаточно вспомнить 2016 г., когда Пекин ввел против Сеула ряд экономических мер в ответ на решение о размещении американской системы противоракетной обороны *THAAD*. По некоторым оценкам, эти неформальные санкции стоили южнокорейской экономике около \$9 млрд, поскольку ряд фирм из РК были вынуждены покинуть Китай, а количество туристов из КНР в Южную Корею сократилось более чем в 2 раза¹⁷. При этом, поскольку меры носили неофициальный характер, то противодействовать им правительству РК было очень тяжело. В полупроводниковом контексте нельзя забывать о ключевой роли Китая в поставках некоторых видов стратегического сырья (прежде всего, редкоземельных металлов) для производства чипов¹⁸, а также о программе КНР по развитию собственного производства микросхем.

Третий фактор – внутривластная ситуация в Южной Корее. Пришедший к власти в 2022 г. президент Юн Сок Ёль является открытым сторонником укрепления союза с США, а также улучшения отношений с Японией. Во время визита в Сеул в мае 2022 г. президент Байден заявил, что альянс США с Южной Кореей «отходит от чисто военного, превращаясь также в экономический, технологический, торговый», а Юн дополнил высказывание американского коллеги словами о выходе союза на «качественно новый уровень» (см.: [14]). Подобные заверения вкупе с желанием Сеула активнее встраиваться в создаваемые Вашингтоном в Индо-Тихоокеанском регионе структуры (включая *Quad*, если поступит приглашение) свидетельствуют о стратегическом стремлении РК к еще более тесному сотрудничеству с США [7].

В конце 2017 г. руководство РК завершило Пекин в т.н. «трех нет»: нет дополнительному размещению *THAAD* на Корейском полуострове, нет участию в региональной системе противоракетной обороны США и нет участию в трехстороннем военном союзе с США и Японией [8]. Однако при нынешнем руководстве в Сеуле подобные гарантии вряд ли можно считать неизменными, учитывая возобновление совместных военных учений США и РК в регионе в 2022 г., а также попытки президента Юна улучшить отношения с Японией. Кроме того, по данным опросов, в южнокорейском обществе нарастают антикитайские настроения, которые при желании могут быть использованы противниками сотрудничества с Поднебесной [8].

Четвертый фактор – военно-политическая ситуация на Корейском полуострове. Её обострение естественным образом толкает Сеул в сторону Вашингтона, заставляя жертвовать экономическими интересами в пользу соображений безопасности. Осенью 2022 г. межкорейские отношения оказались на новой нижней планке. Возобновление американско-южнокорейских военных учений, на которые Пхеньян отвечал ракетными пусками, вновь поставило регион на грань вооруженного столкновения.

Что же может предпринять РК в условиях нарастания американско-китайского противостояния?

Основной целью правительства, вероятно, будет защита наиболее значимых интересов страны, а также попытка минимизировать ущерб от усиливающихся попыток Вашингтона экономически изолировать Китай. Как отмечают российские корееведы К.В.Асмолов и А.В.Соловьев, частью современной политической идентичности РК является «асимметричный альянс с США, в котором Сеул жертвует частью суверенитета для обеспечения своей безопасности» [9]. Каких-либо подвижек в данном вопросе вряд ли стоит ожидать, даже если к власти в РК придут представители оппозиционных сил.

Учитывая совокупность факторов, влияющих на принятие решений в Сеуле, Южная Корея, вероятно, сделает выбор в пользу углубления экономической интеграции с Соединенными Штатами и ослабления зависимости от КНР. При этом в условиях накапливающихся кризисных явлений в экономике РК и надвигающейся глобальной рецессии правительством страны будут приниматься меры по минимизации ущерба.

В ситуации с полупроводниками Сеул, вероятно, будет пытаться выторговать у США отдельные льготы или исключительные условия для своих компаний. Уже полученная отсрочка на 1 год для южнокорейских заводов в Китае является примером такого послабления. В мае 2022 г. РК и США создали рабочую группу под названием Диалог по цепочкам поставок и торговым вопросам (*Supply Chain and Commercial Dialogue*). Первой задачей этого нового механизма стало обсуждение мер экспортного кон-

¹⁷ Kim Yoo-chul. Seoul will ask Beijing to end 'THAAD retaliation'. *The Korea Times*. 28.11.2019. https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/11/356_279493.html (accessed 08.11.2022)

¹⁸ Chris Devonshire-Ellis. US Chip Sanctions on China: Analysis and Implications China Briefing. 13.10.2022. <https://www.china-briefing.com/news/us-chip-sanctions-on-china-analysis-and-implications/> (accessed 03.11.2022)

троля, введенных в отношении России после начала специальной военной операции на Украине [10]. Однако уже в ноябре 2022 г. на заседании Диалога южнокорейская сторона подняла вопрос о влиянии ограничений Вашингтона в отношении экспорта полупроводникового оборудования в Китай на экономику РК¹⁹. В дальнейшем Сеул продолжит использовать все имеющиеся возможности для лоббирования торговых интересов своих компаний.

В долгосрочной же перспективе южнокорейским ТНК придется перестраивать свое участие в глобальных производственных цепочках под влиянием американского курса на сдерживание Китая. Для бизнеса РК ключевым фактором является стабильность цепочек поставок, что будет вынуждать его следовать за поставщиками технологий и оборудования. Южнокорейские исследовательские институты ожидают дальнейшего укрепления доминирующих позиций развитых стран на мировом рынке высокотехнологичных товаров и рекомендуют правительству активно включаться в новые форматы экономических взаимоотношений во главе с США, включая «полупроводниковый альянс» [11].

Усилия по диверсификации торгово-инвестиционных партнерств РК предпринимает еще с 2000-х гг. В рамках следования стратегии «Китай плюс один» южнокорейские компании активизировали вложения в страны АСЕАН. В результате, например, для Ханоя Южная Корея стала главным инвестиционным партнером [12]. При этом Вьетнам прочно закрепился в списке ключевых торговых партнеров РК. Следующим направлением, важность которого будет только расти, имеет все шансы стать Индия, чье участие в глобальных цепочках добавленной стоимости пока еще не очень велико. В ноябре 2022 г. после трехлетнего перерыва Сеул возобновил переговоры с Нью-Дели о пересмотре действующего торгового соглашения между двумя странами. Одна из целей РК – создание условий для увеличения инвестиций в Индию²⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала XXI в. тесное экономическое сотрудничество с КНР было значимым фактором развития экономики РК. Инвестиции крупных компаний в создание высокотехнологичных производств в Китае способствовали росту международной конкурентоспособности и эффективности корейского бизнеса [13]. Однако в начале 2020-х гг. РК была поставлена перед необходимостью корректировки внешнеэкономической стратегии под влиянием геополитических факторов. Над экономическими расчетами начинают превалировать политические соображения, вынуждающие страну перестраивать сформировавшиеся производственно-сбытовые цепочки под влиянием санкционных ограничений третьих стран. При этом возможности лавирования между интересами США и КНР априори ограничены в силу приоритетности для Сеула военного союза с Вашингтоном.

В целом в формирующейся конфликтной конфигурации нового мирового порядка РК практически безальтернативно уходит в «американский блок», но будет пытаться занять в нём свое место, которое обеспечило бы ей возможности для экономического развития за счет наращивания экспорта, расширения связей с «партнерами по коалиции» и не вовлеченными в конфликт странами.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Blank S. 2020. The Coming Chip Wars. <https://steveblank.com/2020/06/18/the-coming-chip-wars-of-the-21st-century/> (accessed 27.10.2022)
2. Shin Soo-Yong, Shin Sung-Ho. 2021. Analysis of Korean Import and Export in the Semiconductor Industry: A Global Supply Chain Perspective. *Journal of Korea Trade*. Vol. 25, № 6, pp. 78–104.
3. Bateman J. 2022. Biden Is Now All-In on Taking Out China. <https://foreignpolicy.com/2022/10/12/biden-china-semiconductor-chips-exports-decouple/> (accessed 04.11.2022)
4. Суслина С.С., Самсонова В.Г. Единение против напасти. *Россия в глобальной политике*. 2021, т. 19, № 1, с. 201–211.

¹⁹ S.Korea, U.S. discuss impacts of semiconductor export controls on China. *Yonhap News Agency*. 08.11.2022. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20221108002900320> (accessed 09.11.2022)

²⁰ Korea, India to resume talks on upgrading trade pact. *Korea Joongang Daily*. 03.11.2022. <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/11/03/business/industry/korea-india-trade-pact/20221103104818814.html> (accessed 10.11.2022)

- Suslina S.S., Samsonova V.G. 2021. Unity against Adversity. *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. № 1. Pp. 201–211. (In Russ.)
5. Bremmer I. 2022. Globalization Isn't Dead. The World Is More Fragmented, but Interdependence Still Rules. <https://www.foreignaffairs.com/world/globalization-isnt-dead> (accessed 30.10.2022)
 6. Бочарникова М.В. Соглашение Южной Кореи и США о свободной торговле (KORUS FTA) в 2006–2019 гг. и его влияние на альянс Южная Корея – США. *Вестник Томского государственного университета*. 2021, № 466, с. 88–93.
Bocharnikova M.V. 2021. South Korea-US Free Trade Agreement (KORUS FTA) in 2006–2019 and its Impact on the South Korea-US Alliance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 466, pp. 88–93. (In Russ.)
 7. Lee Seungjoo. 2022. South Korea ventures into its Indo-Pacific strategy. <https://www.eastasiaforum.org/2022/07/11/south-korea-ventures-into-its-indo-pacific-strategy/> (accessed 09.11.2022)
 8. Асмолов К.В. О причинах роста антикитайских настроений в Южной Кореи. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2022, № 27, с. 254–267.
Asmolov K.V. 2022. On the Reasons for the Growth of anti-Chinese Sentiment in South Korea. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue 27, pp. 254–267. (In Russ.)
 9. Асмолов К.В., Соловьев А.В. Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? *Международная аналитика*. 2021, т. 12(2), с. 49–73. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73.
Asmolov K.V., Soloviev A.V. 2021. Strategic Autonomy for ROK: Intellectual Pipe Dream or Political Reality? *Journal of International Analytics*. 12(2), pp. 49–73. (In Russ.)
 10. Readout of Secretary Raimondo's Meeting with Korean Minister of Trade, Industry and Energy Lee Chang-yang. *U.S. Department of Commerce*. 21.05.2022. <https://www.commerce.gov/news/press-releases/2022/05/readout-secretary-raimondos-meeting-korean-minister-trade-industry-and> (accessed 09.11.2022)
 11. Jeong Hyung-Gon. 2022. The U.S.-China Battle for Semiconductor Supremacy and Reshaping of Global Supply Chain. *KIEP World Economy Update*. Vol. 12, № 44.
 12. Tien Nguyen Hoang. 2020. Analysis of Korea's international trade and investment activities in Vietnam. *Journal of Advanced Research in Engineering & Management*. № 5, pp. 7–11.
 13. Korgun I.A., Zuev V.N. 2020. Trade Policy and National Economic Interests in Korea. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, № 2, pp. 169–183.
 14. Кирьянов О. США и Южная Корея сплотились в ходе визита Байдена в Сеул. *News.ru*. 23.05.2022. <https://news.ru/asia/ssha-i-yuzhnaya-koreya-splotilis-v-hode-vizita-bajdena-v-seul/> (accessed 09.11.2022)
Kiryanov O. US and South Korea rallied during the trip of J.Biden in Seoul. *News.ru*. 23.05.2022. (In Russ.). <https://news.ru/asia/ssha-i-yuzhnaya-koreya-splotilis-v-hode-vizita-bajdena-v-seul/> (accessed 09.11.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр корейских исследований, ученый секретарь, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Liudmila V. Zakharova, PhD (Economics), Leading Researcher, Center for Korean Studies, Academic Secretary, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 28.11.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 10.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 22.04.2023

DOI: 10.31857/S032150750025688-8

Международная парламентская конференция «Россия – Африка»

Панцерев К.А.^{a,b}, Старостенко В.А.^{a,c}, 2023

^a Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID: 0000-0002-2164-9525; k.pantserev@spbu.ru

^c v.starostenko@spbu.ru

Резюме. 19–20 марта 2023 г. в Москве состоялась Международная парламентская конференция «Россия – Африка». В ней приняли участие члены парламентских делегаций более чем из 40 африканских стран, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, представители бизнеса и академического сообщества. На состоявшейся 19 марта серии круглых столов обсуждались актуальные вопросы межпарламентского сотрудничества в науке и образовании, поиска совместных ответов на экономические вызовы, обеспечения безопасности и борьбы с западным неокOLONIALИЗМОМ. 20 марта прошло пленарное заседание на тему «Россия – Африка в многополярном мире», на котором выступил президент России В.В.Путин.

На конференции были определены ключевые проблемы, в совокупности препятствующие дальнейшему социально-экономическому развитию африканских стран, и предложены возможные пути их решения. Представители российских научно-исследовательских и образовательных организаций выразили готовность к совместной работе с африканскими партнерами по решению общих задач.

Ключевые слова: развитие парламентаризма, Россия, Африка, российско-африканское сотрудничество, образование, наука, устойчивое развитие

Для цитирования: Панцерев К.А., Старостенко В.А. Международная парламентская конференция «Россия – Африка». *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 44–47. DOI: 10.31857/S032150750025688-8

The International Parliament Conference "Russia – Africa"

Konstantin A. Pantserev^{a,b}, Vladimir A. Starostenko^{a,c}, 2023

^a Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

^b ORCID: 0000-0003-3446-8886; k.pantserev@spbu.ru

^c v.starostenko@spbu.ru

Abstract. On March 19–20, 2023 an International Parliament Conference "Russia – Africa" was held in Moscow. Members of parliaments of over 40 African countries as well as deputies of the State Duma, members of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation and representatives of the business and academic community participated in this conference. Within the Conference, several round tables were organized on March 19 where the most crucial issues were discussed on the inter-parliamentary cooperation in the field of science and education, the search of the joint solution on economic challenges, different security issues and the resistance to the Western neocolonialism. On March 20, the plenary session entitled "Russia – Africa in the Multipolar World" took place with the participation of Vladimir Putin, the President of Russia.

The Conference not only identified major problems that impede the further sustainable social and economic growth of African countries but also proposed possible ways to solve them. Representatives of the business and academic community expressed their readiness to work together with their African partners to solve common tasks.

Keywords: development of parliamentarism, Russia, Africa, Russian-African cooperation, education, science, sustainable development

For citation: Pantserev K.A., Starostenko V.A. The International Parliament Conference "Russia – Africa". *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 44–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025688-8

19–20 марта 2023 г. в Москве состоялась Международная парламентская конференция «Россия – Африка». В ней приняли участие члены парламентских делегаций более чем из 40 африканских стран,

депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, представители бизнеса и академического сообщества.

19 марта прошли тематические круглые столы, на которых парламентарии, представители бизнеса и науки обсудили насущные проблемы, волнующие африканцев в первую очередь: развитие науки и образования, поиск совместных ответов на экономические вызовы, проблемы безопасности и борьба с западным неокOLONIALИЗМОМ. 20 марта состоялось пленарное заседание на тему «Россия – Африка в многополярном мире», на котором выступил президент России В.В.Путин.

Наибольший интерес участников конференции вызвал Круглый стол № 1 «Парламентское сопровождение сотрудничества в области науки и образования», поскольку подготовка квалифицированных кадров может гарантировать обеспечение устойчивого социально-экономического роста для любого государства.

Модераторами круглого стола были первый заместитель Председателя Госдумы **И.И.Мельников**, директор Института Африки РАН **И.О.Абрамова** и директор Института стран Азии и Африки МГУ **А.А.Маслов**.

И.И.Мельников в приветственном слове указал, что СССР имел богатый опыт сотрудничества с африканскими странами, в т.ч. в области подготовки кадров. После распада Советского Союза в отношениях с африканскими странами наступила стагнация. Однако с началом нового тысячелетия Россия постепенно стала возвращать утраченные позиции на континенте, о чем может свидетельствовать хотя бы то, что за последние 13 лет число африканских студентов, обучающихся в России, выросло в 3 раза. И.И.Мельников призвал членов парламентских делегаций подумать, как можно вывести сотрудничество в образовании на новый уровень, какие есть проблемы в этом вопросе.

И.О.Абрамова отметила, что ни одна из африканских стран, несмотря на беспрецедентное давление со стороны США и их союзников, не присоединилась к антироссийским санкциям. Россия это очень ценит и предлагает странам Африки совместными усилиями строить справедливый и развитый мир.

А.А.Маслов сказал, что сейчас образование и наука – наиболее значимые направления сотрудничества России и Африки. Для решения проблем в сфере образования, прежде всего, нужно преодолеть постколониальный синдром ориентации на западные технологии. К сожалению, российская африканистика еще не вышла на желаемый уровень. В частности, в России сейчас лишь 3 вуза готовят специалистов по Африке, но при этом в некоторых школах стали преподавать суахили и амхарский, что вселяет оптимизм.

Заместитель министра науки и высшего образования **К.А.Могилевский** в своем выступлении отметил, что Россия крайне заинтересована сделать так, чтобы образование было доступным для африканцев. Сегодня в российских вузах учится 35 000 студентов из Африки, между Россией и африканскими странами действует 31 межправительственное соглашение в сфере образования. Чтобы образование в России стало более доступным для студентов из Африки, был создан Российско-африканский сетевой университет, в работе которого участвуют российские вузы. Ректор МГУ В.А.Садовничий выступил с инициативой создания Союза ректоров Россия-Африка.

Первый заместитель министра просвещения **А.В.Бугаев** отметил, что сотрудничество между Россией и Африкой по линии Министерства просвещения приобретает новый импульс. В частности, Россия планирует открыть 27 Центров изучения русского языка в Африке и филиалы российских организаций в сфере среднего профессионального образования, а российские детские образовательные лагеря, такие как «Орлёнок» и «Океан», будут рады видеть среди своих гостей детей из африканских стран. Особый акцент В.В.Бугаев сделал на онлайн портал дистанционного образования «Российская электронная школа», который может служить удобной площадкой для доступа африканских школьников к российским образовательным ресурсам.

Заместитель председателя Национальной ассамблеи Мадагаскара **Оноре Расолонджатово** подчеркнул важность участия представителей сферы образования и научного сообщества в принятии политических решений, что повысило бы качество работы законодательной власти. Сегодня, к сожалению, крайне мало работников образования и науки представлено в национальных парламентах. Тем не менее правительство Мадагаскара придает большое значение развитию в стране научных исследований, на которые оно выделило 5 млрд малагасийских ариари.

Д.В.Каманин, начальник Отдела международных связей Объединенного института ядерных исследований, сказал, что институт уже активно развивает сотрудничество с ЮАР и Египтом и в целом

очень заинтересован в расширении своего присутствия на Африканском континенте. Он особо подчеркнул, что предлагается не помощь, а именно равноправное сотрудничество.

Оха Аси, член Палаты депутатов Египта, указала, что отношения между Россией и Египтом имеют давнюю историю: СССР оказывал поддержку национально-освободительному движению в странах Африки, помогал многим африканским странам строить государственные институты и реализовывать крупные и значимые для континента инфраструктурные проекты, в СССР учились тысячи студентов из Африки. Африканцы никогда этого не забудут.

А.А.Варфоломеев, Начальник управления Президиума РАН, еще раз подчеркнул, что Африка должна выступать самостоятельным субъектом научного сотрудничества. По линии Российской академии наук активно развивается сотрудничество с Эфиопией в сфере биологических исследований. Другое перспективное направление совместных научных исследований – водопользование и охрана водных ресурсов.

К.Хавнерсаргану, депутат Национальной ассамблеи Мозамбика, отметил огромное значение сотрудничества между Россией и странами Африки в области высшего образования, прежде всего, в подготовке высококвалифицированных кадров для горнодобывающей, нефтедобывающей промышленности и сельского хозяйства.

В.Ю.Смоленский, заместитель руководителя Роспотребнадзора, указал, что одно из приоритетных направлений сотрудничества между Россией и странами Африки – борьба с эпидемиями и инфекционными заболеваниями. В последнее время Россия организовала более 60 экспедиций в Африку для мониторинга эпидемиологической ситуации в регионе, поставила в африканские страны большое количество тест-систем для выявления различных инфекционных заболеваний, в т.ч. *COVID-19*. Кроме того, Россия разворачивает в странах Африки мобильные лаборатории, оснащенные самым современным российским оборудованием. В целом, подводя итог, В.Ю.Смоленский указал на следующие важные принципы, которыми руководствуется Россия в сфере сотрудничества с африканскими странами:

- суверенитет стран Африки в области биобезопасности;
- наращивание собственного научно-технологического потенциала и развитие системы подготовки кадров;
- передача современных технологий странам Африки.

В продолжение медицинской тематики выступил **В.В.Тарасов**, директор Института фармации и трансляционной медицины Первого московского государственного медицинского университета им. И.М.Сеченова, который указал, что здоровье граждан – одна из ключевых задач любого государства, а эпидемия *COVID-19* продемонстрировала, насколько важен собственный научный потенциал и задел, чтобы государство могло максимально быстро реагировать на глобальные вызовы в сфере здравоохранения. Россия готова предложить странам Африки разработки лекарственных препаратов и помощь в подготовке квалифицированных кадров.

Несколько выделялся на фоне других выступлений доклад **А.В.Камлер**, которая представляла не парламентскую делегацию, не исполнительный орган власти, не крупный бизнес, а технологический стартап, малое инновационное предприятие, готовое выйти на африканский рынок со своей продукцией – технологией обработки текстиля специальным составом, способным убить более 90% бактерий и, таким образом, препятствовать распространению внутрибольничных инфекций.

П.И.Попко, член Постоянной комиссии по международным делам Парламента Белоруссии, отметил важность развития человеческого капитала. С его точки зрения, для любого государства крайне важно научиться готовить людей, способных управлять технологиями.

У.Кокбар, депутат Национального собрания Того, сказал, что он, как и его страна, всецело поддерживает сотрудничество между Россией и странами Африки в области науки и образования, технологий и искусственного интеллекта. Он подчеркнул, что информационно-коммуникационные технологии должны способствовать развитию наших стран, в т.ч. в сфере образования. Прежде всего, следует наладить обмен технологиями и оказывать поддержку студентам и молодежи.

Я.П.Лобачевский, академик, секретарь Отделения сельскохозяйственных наук РАН, подчеркнул, что Россия заинтересована в передаче современных технологий африканским странам, но важно, чтобы это была улица с двусторонним движением. Это необходимо, чтобы был не односторонний трансфер технологий, а именно взаимобмен технологиями и исследованиями с целью достижения общих результатов и решения общих проблем. А проблем у африканских стран в агропромышленной сфере дей-

ствительно много. Это проблемы борьбы с эрозией почв, доступа к водным ресурсам, борьбы с эпидемиями животных и др.

Яхья Санянг, депутат Национальной ассамблеи Гамбии, отметил крайнюю важность того, что российские университеты стремятся проводить свои научные исследования в Африке. Он подчеркнул, что Африка любит Россию, поскольку Россия не принимала участия в колонизации континента. По мнению Я.Санянга, странам Африки и России следует совместно работать над передачей знаний и технологий, поэтому нужно, чтобы университеты были не только образовательными, но и научными центрами.

Р.В.Горбунов, Директор Федерального исследовательского центра «Институт биологии южных морей имени А.О.Ковалевского» РАН, сказал, что Институт активно сотрудничает с Гвинеей, где во времена СССР был создан океанографический центр, и с Джибути в сфере развития аквакультуры. А с Зимбабве активно развивается сотрудничество в области изучения почвенного покрова. Р.В.Горбунов отметил, что в Африке Россия сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны европейских научных центров. Непременным условием активизации российско-африканского сотрудничества в науке Р.В.Горбунов считает актуализацию межправительственных соглашений, развитие грантовой поддержки для проведения совместных научных исследований, создание совместных обсерваторий по изучению климата.

В завершение круглого стола выступили представители Санкт-Петербургского государственного университета – проректор по цифровой трансформации и информационной безопасности **В.А.Старостенко** и профессор **К.А.Панцерев**, отметившие, что одной из ключевых проблем для африканских стран остается подготовка кадров высшей квалификации. Согласно официальным данным в Африке менее трети детей получают базовое начальное образование и всего 5% – высшее. Помочь в решении проблемы подготовки кадров могут онлайн курсы, которые делают доступным высшее образование из любой точки мира. Африканские страны признают данное обстоятельство. В частности, Африканский виртуальный университет, лидер в сфере онлайн образования в Африке, в 2016 г. запустил онлайн-портал *Massive Open Online Course (MOOC)*, где разместил большой набор онлайн-курсов, направленных на освоение компетенций в самых разных областях.

Санкт-Петербургский государственный университет как ведущий научно-образовательный центр России и лидер в сфере онлайн-образования готов предложить своим африканским партнерам следующие направления сотрудничества:

1. Использование онлайн-курсов СПбГУ для внедрения в образовательный процесс в африканских университетах в качестве самостоятельных дисциплин либо части той или иной образовательной программы.
2. Совместная разработка образовательных онлайн-продуктов.
3. Создание образовательных онлайн-продуктов по запросу африканских университетов с нуля.

Помимо этого, было объявлено о запланированном создании онлайн-курса СПбГУ по изучению суахили для начинающих.

Таким образом, на заседании круглого стола были не только определены ключевые проблемы, с которыми страны Африки сталкиваются в сфере науки и образования, но и предложены возможные пути их решения, а представители российских научно-исследовательских и образовательных организаций выразили готовность к совместной работе со своими африканскими партнерами в сфере решения общих задач.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Панцерев Константин Арсеньевич, доктор политических наук, доцент, профессор Кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Konstantin A. Pantserev, Dr.Sc. (Political Science), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Старостенко Владимир Андреевич, проректор по цифровой трансформации и информационной безопасности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Vladimir A. Starostenko, Vice-Rector for Digital Transformation and Information Security, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.04.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 15.05.2023

DOI: 10.31857/S032150750025681-1

Russia's Planned Naval Logistics Base on the Red Sea: Regional Security Implications

© Tatyana S. Denisova^{a,c}, Sergey V. Kostelyanets^{a,b,d}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^b HSE University, Moscow, Russia

^c ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^d ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. In 2020, it was announced that Russia signed an agreement with Sudan on the establishment of a naval centre on the Red Sea. While the agreement still has not been ratified by Sudan's legislative body, which has not been formed, in February 2023 Sudan's military authorities declared their support for the construction of the Russian naval facility after having reviewed terms of the treaty, which has made the implementation of the project most probable to date.

Over the past decade, Moscow has repeatedly demonstrated its desire to obtain naval facilities in the region; this has arguably become a central theme of Russian negotiations with littoral countries. The paper will argue that Russia's naval presence in the Red Sea and adjacent areas serves the interest of littoral and neighbouring countries in light of Moscow's historic and contemporary interests, approaches and objectives in the region. The fact that regional powers have already engaged in what has been conceptualized as 'strategic hedging' – a geopolitical strategy by which states pursue policies that are in their national interests while not openly antagonizing 'the hegemon' – is likely to offer Russia a corresponding window of opportunity.

Keywords: Africa, Russia, Sudan, Red Sea, strategic hedging, naval logistics centre, naval base

Acknowledgment. This paper has been prepared in the framework of the project of the Russian Science Foundation, № 21-18-00123 and was originally presented at '2022 Gulf Research Meeting' held by University of Cambridge on 14–16 July 2022.

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Russia's Planned Naval Logistics Base on the Red Sea: Regional Security Implications. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 48–55. DOI: 10.31857/S032150750025681-1

Проект создания военно-морского объекта России на Красном море: региональный аспект

© Денисова Т.С.^{a,c}, Костелянец С.В.^{a,b,d}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^c ORCID ID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^d ORCID ID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. В 2020 г. между Россией и Республикой Судан было подписано соглашение о создании в г. Порт-Судан, расположенном на побережье Красного моря, пункта материально-технического обслуживания (ПМТО) Военно-морского флота (ВМФ) РФ. Договоренность до сих пор не реализована, но в феврале 2023 г. военные власти Судана заявили о состоявшемся пересмотре обеими сторонами условий соглашения и о своей поддержке проекта, который, таким образом, приблизился к стадии его осуществления. В статье утверждается, что создание ПМТО послужит достижению интересов как Москвы, так и государств красноморского бассейна.

Ключевые слова: Африка, Россия, Судан, Красное море, стратегическое хеджирование, пункт материально-технического обслуживания, военно-морская база

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-18-00123 «Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических интересов России» и первоначально была представлена на ежегодной конференции «*Gulf Research Meeting*», Кембриджский университет, 14–16 июля 2022 г.

Для цитирования: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Russia's Planned Naval Logistics Base on the Red Sea: Regional Security Implications. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 48–55. DOI: 10.31857/S032150750025681-1

INTRODUCTION

In November 2020, it was announced that Russia would sign an agreement with Sudan on the establishment of a naval logistics centre in Port Sudan on the Red Sea. While the news came unexpected for many analysts, the idea of a Russian base in this African country was first aired three years earlier by Sudanese President Omar al-Bashir during his visit to Moscow in November 2017. At the time al-Bashir appealed to President Vladimir Putin to protect Sudan from the aggressive actions of the U.S. and relayed his nation's willingness to host Russian naval facilities, which apparently would thwart Washington's ambitions.

The ouster of al-Bashir in a military coup in April 2019 seemed to have derailed the Russian-Sudanese agreement, on the one hand, but, on the other hand, opened up new opportunities for Russia: Sudan's international isolation, opportunistic foreign policy and socioeconomic difficulties had been hampering the development of bilateral ties, so the overthrow of al-Bashir conferred the possibility of partnering with a potentially more appealing regime (see: [1]). The agreement was eventually signed in December 2020, but was effectively put on hold due to disagreements within Sudan's regime and Western pressure. However, in February 2023 it was announced that Sudan's new authorities gave 'green light' for the construction of the Russian naval facility¹, which has made the implementation of the project most probable to date. In April 2023, a new internal armed conflict in Sudan once again raised the level of uncertainty about the future of the Russian-Sudanese agreement, yet Sudan's ambassador to Moscow has since reiterated his country's commitment to the deal².

For Moscow, a base on the Red Sea would serve as the point of entry to the Indian Ocean; it would also fit well with the priorities defined in key Russian policy papers, for instance, Russia's 2017 Naval Doctrine, which stipulates the need to maintain the presence of the Russian Navy in 'practically any area of the World Ocean'.³ Accordingly, the tasks of the Navy in the region would include not only the protection of maritime transports from pirates, but also forward power projection, as well as obstruction of attempts to inspect or detain Russian civilian vessels. The establishment of a naval centre in Port Sudan would mean the resumption (after 30 years of absence) of the Russian military presence in Africa and on the Red Sea and would significantly raise Moscow's profile in the Northwest Indian Ocean. It would also facilitate Russia's access to the heart of the continent – Central Africa, in particular the Central African Republic [2, p. 25], and naturally strengthen Russian influence in Sudan itself.

Over the past decade, Moscow has repeatedly demonstrated its desire to resume naval military presence on the Red Sea or in the Gulf of Aden, having discussed options with the respective governments of Yemen, Djibouti, Eritrea, Somaliland and Sudan. The establishment of a Russian military facility in the region would undoubtedly have complex consequences at multiple – global, regional and country – levels. The present study will focus primarily on the analysis of regional security implications of the opening of a Russian naval logistics base in Port Sudan, lightly touching upon the geopolitical context of rising tensions between Moscow and the West, which have been accentuated on account of the start of Russia's special military operation in Ukraine and the introduction of unprecedented Western sanctions against Russia; the authors will also evaluate the historical and contemporary positions of Moscow with regard to naval operations and basing in the wider maritime region.

In terms of the regional implications, it will be argued that Russia's growing naval presence in the Red Sea and adjacent areas is likely to facilitate deeper cooperation with Gulf countries, in particular, the United Arab Emirates, which, as has been aptly noted, has already become Moscow's 'ideational' partner [3], as well as with Egypt. These and other regional powers have already engaged in what has been conceptualized as 'strategic hedging' – a geopolitical strategy by which states pursue policies that are in their national interests while not openly antagonizing 'the hegemon' [4] – and are likely to benefit from the diversification of maritime security providers in the region; besides, non-state actors, such as pirates and terrorists, will face a more robust response from the international community.

¹ <https://sudantribune.com/article270741> (accessed 03.02.2023)

² <https://www.interfax.ru/world/901118> (accessed 12.04.2023)

³ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707200015> (accessed 03.02.2023)

On the other hand, the marked escalation of military, political and economic competition in the Red Sea and in the Gulf of Aden has led to the emergence of a kind of geopolitical 'funnel' on this important sea trade route, drawing more and more outside powers into its 'whirlpool', which could have a destabilizing effect on the region in the long run, and a Russian naval centre could add fuel to the fire.

THE RED SEA: THE STRATEGIC AND SECURITY DIMENSION

The geopolitical and geoeconomic role of the oceans has been increasing throughout the history of mankind. The oceans offer the cheapest and most efficient corridors for the shipment of both goods and troops; they cover 70% of the Earth's surface, providing convenient access to global markets to at least 40% of the global population that resides within hundred kilometers from the coast. Around 90% of traded goods in the world are carried over the oceans, and 75% of them pass through vulnerable maritime choke points. Of the planet's 8 most important choke points, two – the Suez Canal and the Bab el-Mandeb Strait – lead to and from the Red Sea [5]. Today, the Red Sea accounts for approximately 12% of global seaborne trade, with the annual transit through the region valued at over \$700 bln [6].

The Spanish-American War of 1898, the Russo-Japanese War of 1904–1905, the First World War, the Second World War, as well as other smaller conflicts demonstrated not only the crucial value of the Red Sea route for the transportation of troops and relocation of naval units, but also the key role of powers that controlled ports on the Red Sea. Since the 1950s, the role of the route has been further augmented by the dramatic increase in transportation of oil from Arab countries to the West. More recently, in 2015, the launch of the New Suez Canal doubled the capacity of the route; the commencement of the construction coincided with the unveiling of China's 21st Century Maritime Silk Road project, which further raised the importance of the maritime artery.

The growing attractiveness of the region to global and regional powers has been paralleled with political destabilization in littoral countries. Some of the relevant markers of destabilization have included the ongoing war in Yemen and the accompanying strengthening of separatism in its southern provinces; the insurgency in Ethiopia's Tigray region, which also directly involves Eritrea; border clashes between Sudan and Ethiopia; tensions over the division of the Nile waters between Egypt, Sudan and Ethiopia, etc. Besides, Somalia still remains a de facto failed state, while both Sudan and Ethiopia underwent regime change in 2018–2019 against the background of mass protests.

Political instability in the Red Sea region also manifests itself in the emerging power vacuum that gets filled by a variety of armed groups, including terrorist and criminal organizations, which threaten the security of littoral states and foreign maritime transit. Immediate threats to maritime security in the area include Houthi missile attacks against ships of the Saudi-led Arab coalition in Yemen and against Saudi Arabia's infrastructure; covert attacks by Israel on Iranian vessels and vice versa; smuggling of migrants, weapons and other illicit goods; and terrorism. It is improbable that countries of the region will be able to manage these threats without the support of developed countries (see: [7]).

At the global level, the escalating tensions between the US and its allies, on the one hand, and China and Russia, on the other, are poised to become a major factor that influences maritime security in the Red Sea. While Beijing and Moscow strive to ensure free and untroublesome exchange of goods with their partners, the Western alliance is set to maintain its monopoly as the controller of international trade and regular imposer of economic sanctions.

Under the circumstances, Russia, which has a history of involvement in the Red Sea region and which is once again laying a claim to be an influential actor on the world arena, cannot but try to gain a foothold in the area to boost its global and regional profile, which invites research on the accompanying security implications. These implications are likely to become a product of interaction between Russia's interests and approaches and those of other Red Sea actors, which requires us to look into historical and contemporary Russian agenda in this part of the world.

AN ASSESSMENT OF RUSSIA'S HISTORIC INTERESTS AND INVOLVEMENT IN THE RED SEA REGION

It would be important to draw some conclusions from the history of Russia's engagement with the Red Sea littorals, which could be instrumental to the analysis of regional security implications of the establishment of a

Russian naval installation in the area. First, from the very beginning Russia neither desired 'master-slave' relations with Red Sea peoples nor planned a colonization of Red Sea shores, but rather looked for allies against European competitors and especially Turkey.

Abyssinia, which shared Orthodox Christianity with the Tsardom of Russia and the subsequent Russian Empire, became the natural magnet for Russian political and military interest in the region. In the second half of the 17th century, the first attempt was made to establish diplomatic contacts between Russia and Ethiopia. Curiously, this diplomatic initiative was brandished by the famous Saxon scientist Job Ludolf, the author of the book *Historia Aethiopica*, who proposed that the Russian Tsar made Ethiopia his ally in the 1672–1681 war against the Ottoman Empire. The proposal was timely as the Russian government at that time was trying to forge an anti-Turkish coalition, while the Ethiopians resented the Ottoman occupation of the Kingdom of Medri Bahri in modern-day Eritrea [8]. However, the death of Tsar Alexei Mikhailovich (1629–1676) who supported this diplomatic initiative, took away the momentum from Russian-Ethiopian relations [9].

The interest of the Russian government in the Red Sea area resumed after the opening of the Suez Canal in 1869. For St. Petersburg, the significance of the route was determined not so much by the need to trade with Asian countries or control overseas colonies, but by the absence of proper land communications with the Russian Far East: the Trans-Siberian Railway was to be completed only in 1904.

In the late 1880s, Russia stood a chance of establishing permanent presence on the Red Sea, owing to a private initiative by the self-proclaimed Cossack ataman Nikolai Ashinov. However, as demonstrated by the 1888 incident at Sagallo (modern-day Djibouti) when the Russian government disowned Ashinov and his Cossacks, establishing a colony on the Red Sea was not defined as an important policy goal in St. Petersburg. Rather, Russia aimed at assisting the Ethiopians with gaining sea access, which would allow setting up a facility in their territory. Addis Ababa, however, failed to mobilize its potential vis-à-vis coastal tribes supported by European powers and mostly stood on the defensive, while Russia had neither intention nor resources to intervene on behalf of Ethiopia militarily.

Nevertheless, St. Petersburg still sought to put pressure on unfriendly powers – the British and the Italians – by strengthening 'brotherly' Orthodox Ethiopia. During the First Italo-Ethiopian War (1895–1896), Russia sent a small team of advisers and volunteers and supplied rifles and cartridges to assist the Ethiopians. Russian support helped Addis Ababa win a war against Italy and remain the only African state not to be subjected to colonization.

During this period one could observe two different Russian approaches to the region: while the Foreign Ministry regarded activities in Abyssinia as part of a diplomatic game with Western powers, the Russian General Staff looked for a convenient port on the Red Sea for ship resupply and repairs. The development of ports in the Russian Far East set a new challenge for St. Petersburg, which now needed coaling stations on the route between Russia proper and Vladivostok. In the late 19th century, the rapprochement with the French, who granted Russia access to their naval facilities around the world, largely resolved the matter [10].

The defeat in the Russo-Japanese War stripped Russia of the status of a major naval power for half a century. The logic of the Cold War, however, required the USSR to establish global naval presence and corresponding naval facilities to circumvent the 'Rimland' largely controlled by the US and its allies. Relying on ideological ties and security assistance, since the 1960s Moscow established a string of bases that enabled it to carry out long-term naval missions in the World Ocean.

The collapse of the USSR in 1991 led to the unilateral withdrawal of Soviet personnel from the overwhelming majority of overseas military installations. The pro-Western stance of Russia and the catastrophic economic situation in the 1990s precluded any Russian initiatives to establish naval presence abroad, even though two overseas naval bases (in Syria's Tartus and in Vietnam's Cam Ranh, the latter until 2001) remained in use. The intensification of geopolitical competition over the past decade has prompted Russia to reconsider its strategic policies, including the Naval Doctrine, and once again look for footholds in the World Ocean to increase its defensive potential vis-à-vis Western powers.

PROSPECTS OF THE RUSSIAN MILITARY DEPLOYMENT ON THE RED SEA IN THE POST-SOVIET PERIOD

The competition between the USSR and the US in the Red Sea region continued with varying success until the early 1990s, when Russia forfeited its naval presence in the Indian Ocean after the evacuation of the base

in Ethiopia in 1991 [11]. Since the late 2000s, and especially after the cooling of relations with the West, Moscow has sought to restore its global naval presence. These geopolitical developments also coincided with the rise in piracy threat off the Somali coast. While Russia did not join any international anti-piracy coalitions, it independently deployed warships to the region to protect international maritime shipping. Since February 2008, there have been over 15 incidents of piracy in the Gulf of Aden that affected crew members of Russian nationality and at least two Russian vessels underwent attacks by pirates, so the challenge to Russia's interests was real. In 2010, the destroyer *Marshal Shaposhnikov* freed a Russian tanker that had been captured by Somali pirates. In 2011–2017, the Russian Navy escorted 695 ships through the maritime zone and also prevented the capture of several foreign transports.⁴ Countering piracy has become another Russian foreign policy goal in the Indian Ocean, which in light of escalating geopolitical tensions required independent access to naval facilities in the region.

In 2013, Russia reinstated the permanent ship formation of the Russian Navy in the Mediterranean Sea, which had been defunct since 1992, so the quest for bases has become even more justified. In 2012–2014, Russia probed opportunities for leasing a parcel of land to build a base in Djibouti in the Horn of Africa, but reportedly the Americans managed to head off the arrangement.⁵

Despite mounting US pressure on littoral countries, since 2016 Russia has received several offers for hosting a military base in the Northwest Indian Ocean. In August 2016, Yemen's ex-President Ali Abdullah Saleh declared that Yemen was ready to grant Russia access to air and naval bases.⁶ While this barely qualified as an official invitation, it nevertheless reflected the positive view toward Russian military presence on part of some regional elites. In the summer of 2017, a delegation from Somaliland visited Russia and offered to lease land to Moscow that could be used for building a naval facility. The delegates offered land not far from Berbera, where the Soviet Union had had a naval installation in 1974–1977. However, the country sought recognition of its independence in exchange for military cooperation, which would not contribute to the advancement of Russia's influence in the Horn of Africa, where many countries face problems with separatism and irredentism.

Another proposal, as already mentioned, came from Sudan's President al-Bashir in 2017. This proposal in many respects surpassed others: Sudan was a recognized member of the UN and al-Bashir at the time was still its legitimate leader despite the warrant for his arrest issued by the International Criminal Court. Sudan was also a major regional economy, a large consumer of Russian weapons and occupied a strategic position at the crossroads of North, East and Central Africa.

Finally, there was a basing offer from Eritrea in 2022, which Russia has apparently chosen to dismiss in view of the Sudan variant⁷, but which may still be on the table. The Eritrean port of Assab, which had recently been abandoned by the Emirati military, presents a viable option and at one time was considered by the Soviet Navy.

REGIONAL SECURITY IMPLICATIONS OF RUSSIAN MILITARY PRESENCE ON THE RED SEA: AN ASSESSMENT

Russia's return to the Middle East, the most visible symbol of which has been the establishment of two military bases in Syria, has been substantiated by establishing bilateral strategic partnerships with some of the key countries in the area – Egypt and the UAE, which are also some of the most important security actors on the Red Sea. In early 2019, just before the coup against al-Bashir, Sudan's ambassador to Russia confirmed his country's commitment to developing a strategic partnership with Russia.⁸ Moscow has also been developing security dialogue with Israel and Jordan, as well as energy dialogue with Saudi Arabia, which is its close but difficult partner at OPEC Plus.

Further south, Russia has sought to establish contacts with all parties to the conflict in Yemen, including southern separatists. Russia also maintains warm diplomatic relations with Eritrea, which became one of the few African countries to consistently vote in favor of Russia's position on Ukraine at the UN General Assembly. Relations with Djibouti and Somalia remain rather limited but also lack any serious disagreements. Be-

⁴ http://morflot.gov.ru/deyatelnost/transportnaya_bezopasnost/uchastie_mmrf_v_adenskom_zalive.html (accessed 03.02.2023)

⁵ <https://www.nytimes.com/2017/02/25/world/africa/us-djibouti-chinese-naval-base.html> (accessed 03.02.2023)

⁶ <https://www.reuters.com/article/us-yemen-security-idUSKCN10W0S2> (accessed 07.02.2023)

⁷ <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/eritrea-supporting-russia-stay-power> (accessed 22.02.2023)

⁸ <https://ria.ru/20180418/1518901915.html> (accessed 03.02.2023)

yond the littoral states, one should mention intensifying Ethiopia-Russia relations, with Addis Ababa poised to become an important buyer of Russian arms. Ethiopia also sent one thousand naval officers to Russia for training, reflecting its desire to launch a navy⁹.

Generally positive relations between Russia and the countries of the region allow us to claim that the establishment of Russian permanent military presence on the Red Sea is likely to benefit most regional actors, who have seen Moscow perform a delicate balancing act between a number of competing parties in the Middle East and neighboring regions and mediate several armed conflicts; Russia is also viewed as a supplier of reliable weaponry and a provider of security, which could help hedge the risks of American unpredictability and China's economic domination in the area and simultaneously diminish local threats of terrorism, transnational crime and piracy. Accordingly, we may refer to the theory of strategic hedging [4] to help explain why Red Sea littoral states could see their overall security increase as a result of Russia's naval deployment in the region. As per theory, the transition from unipolarity to multipolarity greatly increases risks of war and destabilization, which weaker states attempt to mitigate through establishing closer relations with other potential global poles of power while avoiding entering formal alliances with them and consequently antagonizing the hegemon.

Indeed, regional powers such as Saudi Arabia, Egypt and the UAE, as well as smaller states, have been improving their capabilities and minimizing their vulnerabilities through a variety of means, including positive military balancing, the latter entailing such activities as increasing arms imports, conducting joint exercises and concluding defense agreements, sending military personnel abroad for training, etc. Perhaps, a key difference of this recent trend has been the diversification of partners, with the same countries becoming consumers of security products and services from the West, China, Russia, etc. This to an extent reflects the notion that unipolarity has come to an end if not globally then in certain regions, and above all in the Middle East. Arab and African allies of Western countries can no longer afford exclusive security relations with the West because the limits of the latter's influence are now conspicuous in Syria, Iran, Iraq, Libya, Yemen, Afghanistan, Ukraine and elsewhere.

Russia's strong counterterrorism and counter-piracy agenda, the prioritization of national sovereignty and anti-Western rhetoric under the circumstances fall on fertile ground, and even Moscow's relative economic weakness may be considered an advantage as it may complement other international partners rather than enter into the fierce competition for local markets. Russian military presence in the region could help reduce the vacuum of maritime security along its shores and also decrease the likelihood of inter-state wars and interventions. Whilst the deployments of Egyptian troops in Sudan or Eritrea were seen as provocation by Ethiopia, the UAE used its bases in Eritrea and Somalia to attack the Houthis, and Emirati activities on Socotra Island are seen by some as an infringement of the sovereignty of Yemen, Russian presence would have no such destabilizing repercussions on the regional level as it would not upset the balance of power among the Red Sea littorals.

On the global level, where the strategic hedging theory is also applicable, Russia's foray in the Red Sea could be viewed with both suspicion and interest by China, which is the largest foreign investor in the area. China has become Russia's direct competitor in Africa not only in arms sales, but also in the provision of security by private military companies, which in recent years have emerged as Moscow's foreign policy instrument. However, as long as the tensions between Beijing and Washington keep growing, China would be interested in deflecting Western attention from its own military build-up toward Russian naval activities or even consider threatening the West with closer military cooperation with Moscow [12, p. 104].

Undoubtedly, the US, France and most of the other key NATO countries view Russia as a spoiler on the Red Sea. While any prospect Russian naval presence would be small in comparison to the combined NATO assets in the region, it would enter their strategic calculations and limit their freedom of action. The example of Syria has shown that a Russian military deployment may effectively block a Western intervention. The appearance of anti-access and area denial (A2/AD) weapon systems on the shores of the Red Sea, as it has already happened on the Syrian coast, would directly challenge the US hegemony in this strategically important part of the world. As the balance of power in the world continues to change in favor of China and the conflict between Russia and the West pushes Moscow closer toward Beijing, Washington is increasingly concerned with the potential strengthening of China-Russia partnership in Africa and the Middle East.

⁹ <https://worldview.stratfor.com/situation-report/ethiopia-army-sends-1000-officers-russia-naval-training-report-says> (accessed 09.02.2023)

On the continental level, while the African Union (AU) generally opposes the construction of foreign military bases on the continent, it has been the Soviet and Russian tradition to establish logistics support points rather than bases; the apparent message has been that bases are typically used for controlling territory, but support points simply serve the navy that is tasked with global containment and not local conquest. In addition, the AU has largely ignored the considerable military build-up on the Red Sea by other international actors. Besides, Russia's history of involvement in Africa on behalf of liberation movements and its strong support of decolonization agenda appeals to Africa's intellectuals and some of political elites.

Thus it may be argued that Russian naval presence on the Red Sea may become a stabilizing factor in the region, not only contributing to military operations against local violent non-state actors, such as pirates and terrorists, but also benefiting regional powers, most of which are seeking to strengthen their sovereignty and international agency through the diversification of security partners as part of their strategic hedging approaches, as well as facilitating the preservation of the balance of power at the global level.

CONCLUSION

Despite the armed conflict in Ukraine, the establishment of Russia's naval presence in the Red Sea region has remained high on Moscow's agenda, reflecting favorable regional circumstances, with a number of regional heavyweights engaged in strategic hedging to maximize their national interests. In addition, Moscow's geo-strategic and geoeconomic interests viewed against the backdrop of intensifying global tensions and sanction risks dictate the need to set up 'pit-stops' for the Russian navy on key maritime arteries and intensify naval diplomacy, while Russia's vocal international counterterrorism and counter-piracy efforts would best be buttressed by power projection capability in the Indian Ocean.

Historical ties with Red Sea littoral countries (including the former littoral – Ethiopia) contribute to the choice of the region as the site of a Russian naval centre; we have already witnessed closer naval cooperation with Addis Ababa, reminiscent of the situation in the late 19th century. Eritrea, which over the past few years has become a close ally of Ethiopia, may be seen as Russia's next best choice for naval basing – if the Sudan variant fails.

As of spring 2023, the agreement on the establishment of a Russian naval logistics centre in Port Sudan is awaiting ratification¹⁰; Sudan's military authorities apparently renegotiated the 2020 deal and approved the project. However, the conflict between rival factions within the military government – the Sudanese Armed Forces and the paramilitary Rapid Support Forces, which erupted on 15 April 2023, may still threaten the implementation of the agreement. First, any internal politico-military destabilization is detrimental to such sensitive issue as the establishment of a foreign military base. Second, whichever party to this conflict prevails, it will lack international and domestic legitimacy and face a severe humanitarian and economic crisis, which will probably make it more dependent on the West and thus more susceptible to Western pressure to cut ties with Russia.

In any case, Moscow clearly aims at becoming a key security provider in the wider region through the conclusion of strategic partnerships, conduct of joint exercises, arms and technology transfers, military training, counterterrorism and counter-piracy operations, and also through the establishment of military facilities. In addition, Russia has been performing a delicate balancing act between a number of conflicting actors in the MENA and neighboring regions, making it a suitable partner in strategic hedging activities for many littoral countries.

At the same time, Russia evidently lacks an articulate long-term foreign policy toward the region, in stark contrast with China's latent power strategy for the Red Sea, which represents an effective combination of development assistance, investment, security cooperation [13], as well as the underlying ideology of 'common destiny' of mankind. Moscow's foreign policy narrative – the prioritization of national sovereignty, anti-Western rhetoric, in particular the opposition to externally imposed regime change, and combating terrorism and violent extremism – serve the purpose of preserving the status quo and incumbent regimes, but do not necessarily outline long-lasting strategic prospects for partnering countries.

However, the logic of strategic hedging, which calls for the diversification of political, economic and security ties by second- and third-tier countries, offers Russia an opportunity to occupy a considerable niche in the

¹⁰ <https://tass.com/world/1575271> (accessed 22.02.2023)

regional security arrangement, which is likely to manifest itself in the eventual establishment of a naval facility in the Northwest Indian Ocean.

REFERENCES

1. Kostelyanets S.V. 2019. Russia-Sudan Relations in the Early 21st Century: A Lost Opportunity or the Foundation for a New Beginning? *Asia and Africa Today*. № 9. Pp. 56–62. DOI: 10.31857/S032150750006275-4
2. Денисова Т.С., Костелянец С.В. ЦАР: динамика конфликта. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 6. С. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750005161-9
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2019. The Central African Republic: conflict dynamics. *Asia and Africa Today*. № 6. Pp. 24–31. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005161-9
3. Ramani S. 2020. Russia and the UAE: an ideational partnership. *Middle East Policy*. Vol. 27, № 1, pp. 125–140. DOI: 10.1111/mepo.12479
4. Salman M., Geeraerts G. 2015. Strategic Hedging and Balancing Model under the Unipolarity. *Midwest Political Science Association*. Vol. 19. https://www.researchgate.net/profile/Mohammad-Salman-9/publication/275654677_Strategic_Hedging_and_Balancing_Model_under_the_Unipolarity/links/554352380cf23ff716838da2/Strategic-Hedging-and-Balancing-Model-under-the-Unipolarity.pdf (accessed 15.02.2023)
5. Weitz R. 2018. Strategic Maritime Chokepoints: Perspectives from the Global Shipping and Port Sectors. In: *Eurasia's Maritime Rise and Global Security*. Ed. by Gresh G.F. Berlin: Springer. 311 p. Pp. 17–29.
6. Narbone L., Widdershoven C. 2021. The Red Sea link: geo-economic projections, shifting alliances, and the threats to maritime trade flows. European University Institute. DOI: 10.2870/866338
7. Костелянец С.В. Терроризм в северо-восточной и восточной Африке. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 2, с. 118–125.
Kostelyanets S.V. 2017. Terrorism in Northeast and East Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2, pp. 118–125. Moscow. (In Russ.)
8. Yakobson S. 1963. The Soviet Union and Ethiopia: A Case of Traditional Behavior. *The Review of Politics*. Vol. 25, № 3, pp. 329–342.
9. Denisova T.S. 2021. The First Russian Religious Missions to Ethiopia. *Politics and Religion*. Vol. 15, № 1, pp. 49–64.
10. Хренков А.В. О государственных интересах России в районе Красноморья и Африканского Рога. *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 7, с. 24–26.
Khrenkov A.V. 2005. On the State Interests of Russia in the Region of the Red Sea and the Horn of Africa. *Asia and Africa today*. № 7, pp. 24–26. (In Russ.)
11. Kostelyanets S.V., Okeke O.A.A. 2018. Russia and the Global Competition for Africa: the Military Dimension. *Vostok (Oriens)*. № 6, pp. 184–198. DOI: 10.31857/S086919080002877-1
12. Salman M., Geeraerts G. 2015. Strategic Hedging and China's Economic Policy in the Middle East. *China Report*. Vol. 51, № 2, pp. 102–120. DOI: 10.1177/000944551557044
13. Sun D., Zoubir Y.H. 2020. Securing China's 'Latent Power': The Dragon's Anchorage in Djibouti. *Journal of Contemporary China*. Vol. 30, № 130, pp. 677–692. DOI: 10.1080/10670564.2020.1852734

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия; старший научный сотрудник, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia; Senior Researcher, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 22.04.2023

Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Part 2¹

© Ткаченко А.А.^{a,b}, Ткаченко К.А.^{a,c}, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Резюме. Арабский Восток, включая страны Северной Африки – Арабский Магриб и Египет, в последние десятилетия, главным образом в 2000-е гг., претерпевают существенные, качественные изменения.

В странах Арабского Востока с середины XX в. ускорилось промышленное развитие, доминирующие позиции в экономике занял государственный сектор, в целом возросло государственное регулирование хозяйственной жизни. Усилилось влияние государства на все ключевые сферы общественно-политической жизни – формирование соответствующих структур и институтов трех ветвей власти, культуру, включая систему образования и науки, здравоохранение и т.д.

Процессы обновления, трансформации получили дополнительный импульс в результате беспрецедентных политических потрясений, произошедших в регионе на рубеже первого и второго десятилетий XXI в., ускорения глобализации, включая формирование единого мирового информационного пространства, цифровизации.

Статья посвящена, главным образом, анализу основных факторов, влияющих на формирование нового социального облика государств Северной Африки.

Ключевые слова: Северная Африка, глобализация, модернизация, технологический переход, социальный транзит, социальные общности, нации, этносы, конфессии

Для цитирования: Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Страны Северной Африки в XXI веке: формирующийся новый социальный облик. Часть 2. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 56–64. DOI: 10.31857/S032150750025684-4

North African Countries in XXI Century: The Processes of Formation of a New Social Appearance. Part 2

© Alexander A. Tkachenko^{a,b}, Konstantin A. Tkachenko^{a,c}, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

^b ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko @inafr.ru

^c ORCID ID: 0000-0002-5307-8263; konst86@gmail.com

Abstract. The countries of North Africa, which are currently at different stages of social transit, have been undergoing significant, qualitative changes in recent decades, mainly in the 2000s.

The evolution of the social image of the Arab States has become one of the most important consequences of the ongoing large-scale transformations in this region and, more broadly, in the globalized world. Geopolitical and geoeconomic parameters/features of the object of the study - the North African countries with their hundreds of tribes and clans predetermine significant differences in the nature and dynamics of transformation and development of selected states. This is due to significant differences in historical-cultural development, ethnic and confessional composition within a large group of countries, and their population. This group includes numerous states that differ in natural and geographic environment and have a rich historic background with its particular case in each country.

Today there exists a rather mixed picture of positions that selected countries of the region hold in the “world ranking” of the level and dynamics of economic development, quality of human capital, scale of poverty, framework conditions for investment, demographic factor, urbanization, environmental protection, etc. All of this directly affects implementation of renovation/modernization concept - the key mega trend of social development of the region in recent decades. On the whole, for the past 50 years the shifts have been limited (but anyone could say that this is just the beginning).

¹ О к о н ч а н и е . Начало см.: *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 11. С. 43–50. DOI: 10.31857/S032150750022931-6.

This article is devoted mainly to the analysis of the factors influencing the formation of a new social image of the North African countries.

Keywords: North Africa, globalization, modernizaion, technological conversion, social transit, social communities, nations, ethnoses, confessions

For citation: Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. North African Countries in XXI Century: The Processes of Formation of a New Social Appearance. Part 2. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 56–64. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750025684-4

ВВЕДЕНИЕ

Инвестиционный процесс – один из основных факторов, влияющих на формирование современного социального облика стран Северной Африки. Изменения в отраслевой структуре национальных экономик и, как следствие, формирование условий, необходимых для динамичного и устойчивого развития стран Северной Африки, тесно связаны с инвестиционным процессом [1, с. 56–85; 2, с. 5–7, 11–39, 40–57].

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В СВЕТЕ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: «ЗЕЛЕНый СВЕТ» ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ

В этой связи важно рассмотреть, каково положение в такой области, как инвестиции – внешние и национальные, обеспечивающие экономический рост, в целом хозяйственное развитие, решение острых социально-экономических проблем. Представление об этом дает *табл. 1*.

Таблица 1. Рейтинг стран Северной Африки по уровню ПИИ и свободе ведения бизнеса (2017–2018)
Table 1. Volume of FDI, investment freedom index (0–100), country rankings in North Africa (2017–2018)

Страна	Объем ПИИ,		Рейтинг	Доля национальных накоплений/ инвестиций в ВВП, 2017 г., %	Рейтинг, свобода ведения бизнеса	
	2018 г., \$ млрд	Всего к 2018 г., \$ млрд			Место	Рейтинг*
Алжир	1,201	25,7	84	35,5	150	30
Египет	7,391	94,5	38	9,5	68	65
Мавритания	0,588	...	107	24,8	126	50
Марокко	2,680	51,7	62	29,5	72	65
Судан	1,065	...	90	9,4	172	5
Тунис	0,810	37,3	99	9,4	136	45
Джибути	0,165	1,8	142	...	81	60

* Рейтинг определялся по 175 странам.

Составлено по: The World Bank: Foreign Direct Investment 2018; World Development Indicators. Economy. 4.11; The World Factbook. 2021. cia.gov/the_world_factbook/economy/ (accessed 04.08.2022); Investment freedom index. 2022. P. 4. https://theglobaleconomy.com/rankings/herit_investment_freedom/ (accessed 08.06.2022)

Анализ показателей, характеризующих отдельные аспекты положения с иностранными и местными, национальными инвестициями, позволяет прийти к следующим выводам:

– Относительно узкий круг государств региона СА – 7 из общего числа в 23 страны – привлек инвестиции из-за рубежа в ощутимом, по меркам региона, объеме (свыше \$1 млрд), причем только 2 из них – Египет, Марокко – смогли приблизиться к планке \$2,5–3 млрд или превзойти её.

– Сложившаяся картина дополнена таким важным показателем, как инвестиционный рейтинг каждой из представленных в таблице стран Северной Африки. Они в основном невысокие или весьма низкие. Лишь Египет и Марокко располагаются среди стран мира в середине списка по степени свободы ведения бизнеса. При этом только Египет обладает относительно более развитой и диверсифицированной отраслевой структурой экономики, что является необходимым условием формирования стабильно и динамично развивающейся экономики, позволяющей удовлетворительно решать накопившиеся за де-

сятилетия (с середины XX в.) социальные проблемы. Среди них – становление национального предпринимательства (основы формирующихся более современной экономики и гражданского общества) в сочетании с сокращением масштабов безработицы, преодолением социальных болезней – тотальной коррупции, разбалансированной социально-экономической структуры общества и т.п.

– Обращает на себя внимание ситуация в таких странах, как Алжир и Тунис, располагающих ресурсами, вполне достаточными для «рывка» в группу стран мира с устойчиво и динамично развивающейся экономикой.

– Привлекает внимание ситуация с иностранными инвестициями в Тунисе. Эта страна на рубеже XX и XXI вв. рассматривалась экспертами как наиболее вероятный претендент на вхождение в группу «ближневосточных тигров» (по аналогии с известной четверкой «азиатских тигров»). Однако пока взлет Туниса не состоялся. Под напором «арабской весны» – «жасминовой революции» – рухнул в одночасье режим диктаторского стиля правления и деградации общественной атмосферы в этой мусульманской полуевропейской арабской стране. Тунис на крутом повороте истории остался без надежных «ветрил и рулей» – не нашлось той общественно-политической силы, которая могла бы надежно принять на себя ответственность за руководство давно назревшими сложнейшими преобразованиями, преодоление вызовов XXI в.

Подобная ситуация сложилась после первой волны «арабской весны» и в Египте, Ливии. Этим во многом объясняется слабость инвестиционного поля – скромные объемы притока внешних капиталов, низкая доля внутренних накоплений. Тунис в этих условиях полагается на обещанную и уже предоставленную крупную помощь со стороны ЕС, международных финансовых организаций. Но одной внешней помощью не обойтись, безальтернативно собственное участие тунисского общества, вызревающих структур гражданского общества – той почвы, на которой может произойти перелом ситуации к стабильному прогрессу.

Ключевым показателем общественного прогресса, достигнутого в каждой из рассматриваемых стран, является уровень подушевого дохода – одного из наиболее важных аспектов рассматриваемой темы, о чем свидетельствуют данные *табл. 2*.

Таблица 2. Рейтинг стран Северной Африки по объему ВВП на душу населения в 2020 г.
Table 2. Ranking North Africa countries by volume of GDP and by GDP per capita (2020)

Страна	Объем ВВП (по ППС), \$ млрд	Рейтинг по объему ВВП	ВВП на душу населения (по ППС), \$ тыс.	Рейтинг по объему ВВП на душу населения
Алжир	468,4	42	15,0	109
Джибути	5,4	174	3,4	185
Египет	1223	20	12,6	124
Ливия	70,6	101	9,6	141
Мавритания	23,2	147	4,5	173
Марокко	259,4	60	8,6	147
Судан	176,4	71	4,3	174
Тунис	115,0	82	11,9	131

Составлено по: The World Bank. Gross National Income per Capita 2019. <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (accessed 01.07.2022); The World Factbook 2021; <https://theworldonly.org/gni-per-capita-atlas-method-current-us/> (accessed 13.07.2017)

Большинство стран Арабского Магриба – Алжир, Марокко, Тунис, Ливия, а также Египет образуют группу, относящуюся к государствам с относительно невысоким по мировым, но средним по всей совокупности развивающихся стран душевым ВВП (ДВВП). В каждой из них он находится в пределах \$9–15 тыс. Лишь 2 страны – Судан и Мавритания, относящиеся к географическому району Северной Африки, имеют низкий уровень ДВВП (от \$2 тыс. примерно до \$4 тыс.). Для сравнения: в других странах региона Северной Африки – Эфиопии, Эритрее, Сомали и Джибути – данный показатель критически низкий, хотя в Эфиопии и Джибути он имеет на протяжении 2000-х гг. более или менее устойчивую тенденцию к росту.

Наряду с достигнутым уровнем ВВП, его динамика, представленная в *табл. 3*, среди всей суммы факторов наиболее существенным образом влияет на эволюцию социального облика стран региона, т.к. они в основном определяют сложившееся материальное положение и, соответственно, возможности развития личности на ближайшую и видимую перспективу.

Таблица 3. Динамика ВВП в странах Северной Африке в 2000–2020 гг., %
Table 3. Growth of GDP in North Africa (2000–2020), %

Страна	Среднегодовые темпы роста ВВП, %	
	2000–2010 гг.	2010–2020 гг.
Алжир	3,9	2,3
Египет	5,1	3,8
Мавритания	4,8	4,1
Марокко	4,9	2,9
Ливия	5,5	-1,5
Судан	4,9	-0,7
Тунис	4,5	1,3

Источник: World Bank. World Development Indicators 2022. <https://www.wdi.worldbank.org/table/4.1> (accessed 19.07.2022)

Следует подчеркнуть качественную сторону происходящей эволюции: отмеченный рост данного показателя произошел вследствие многогранного развития национальных экономик, главным образом прогресса в модернизации отраслевой структуры в совокупности с другими факторами – развитием национальной науки и культуры (системы образования всех ступеней и форм, СМИ, различных видов искусств, научных центров), обновлением политической жизни и т.д. Важнейшие среди них – рост жизненного уровня, сглаживание ряда характерных черт такого социального недуга, как нищета, вопиющая бедность и др.

Однако наряду с ними действуют и контрфакторы, особенности в странах с жестким авторитарным характером власти, и, как следствие, низкой или неадекватной вызовам времени степени её ответственности и транспарентности. Характерные черты последней – сочетание низкой или невысокой эффективности управления на различных уровнях власти. Отмечаются консервация или даже разрастание масштабов социальных болезней, сохраняющаяся тенденция безграничной концентрации власти, разномасштабные непреодоленные конфликты, неконтролируемый рост миграционных потоков и др.

В итоге общество, государства получают некий социальный «продукт» скорее цивилизационной трансформации, а не развития (*выделено авторами*), обладающий весьма противоречивыми, контрастирующими друг с другом характерными чертами: численный рост дипломированной молодежи, с одной стороны, и, с другой, беспрецедентно высокий уровень безработицы среди них; тотальная коррупция, с одной стороны, и с другой – многопартийная система и осуждающие её «карманный» характер многочисленных СМИ; растущий численно слой вполне материально обеспеченных граждан и беспрецедентные социальные контрасты, обогащение плодящейся «бюрократической буржуазии» и т.д. Перечень примеров оксюморона можно продолжить.

Существенным преимуществом первой группы, особенно Египта, Алжира, а также (с некоторыми оговорками) Марокко, является весомый объем совокупного ВВП. Он открывает возможность реализовать задачу общенационального значения – поддерживать инвестиционный процесс в стратегически важных сферах/отраслях крупными инвестициями из местных государственных и частных источников, а также формировать более привлекательный инвестиционный имидж страны [2, с. 5–7, 11–39, 40–57; 3, с. 44–50]. Без этого невозможно формирование современной саморазвивающейся национальной экономики и, соответственно, современного общества с социальным «наполнением» – общественными стратами, современными социальными институтами, политическими партиями, государственными структурами и т.д., реально более или менее эффективно работающими.

Именно в этих условиях вызревают, хотя и по-разному, такие адекватные ему социальные субъекты, как крупный бизнес, наиболее массовое среднее и малое предпринимательство – один из «локомоти-

вов» экономического развития – с присущими им хозяйственными, политическими, социальными институтами, правовыми нормами и соответствующими им структурами, и в конечном счете появляются и постепенно укореняются элементы, основы гражданского общества.

Такой непростой и противоречивый процесс, происходивший на рубеже XIX–XX вв. в странах ныне развитой демократии на протяжении нескольких (3–5) поколений, во второй половине XX в. при существенно более благоприятных условиях завершался на протяжении уже 1–2 поколений, в частности, в странах Юго-Восточной Азии (в группе «азиатских тигров»).

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИЛИ (И) ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Очевидно то, что в странах Северной Африки и шире – Ближнего Востока – цивилизационный прогресс идет, но при этом весьма неровно – на одних направлениях более динамично, чем на других, со многими локальными/страновыми особенностями. Одной из них, наиболее существенной, является то, что вызревание современного социума опережает экономический прогресс и вместе с тем обгоняет обновление политического поля. В результате формируются довольно острые социально-политические коллизии: возрастает конфликт между политической культурой элит, в особенности молодежной её части, и степенью зрелости политических институтов и политико-государственной практики.

Индекс развития человеческого потенциала, рейтинг стран региона по данному показателю прямо указывают на образовавшийся разрыв между уровнем социально-экономического развития и возросшим, опережающим его уровнем культуры со всеми вытекающими из этого последствиями. На эти последствия точно указывают и волны «арабской весны», длительные периоды внутривнутриполитической нестабильности, проявившиеся в текущие десятилетия с беспрецедентной в истории этих стран силой.

Представление об этом дают данные по ИРЧП (*The Human Development Index*) – интегрального показателя, суммирующего, по сути, важнейшие итоги развития экономики, социальной и политической сфер². Средневзвешенный индекс развития человеческого потенциала по промышленно развитым странам составил 0,8. По странам Северной Африки немногим более полувека назад этот показатель соответствовал величинам в 0,4–0,5. В начале третьего десятилетия XXI в. он вырос до 0,665.

Это свидетельствует о некотором прогрессе в развитии «человеческого потенциала» в странах этого региона. О перспективах его дальнейшего роста говорят нынешние величины ИРЧП в отдельных капиталоизбыточных государствах с высоким уровнем дохода на душу населения (Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, ОАЭ). В них он даже несколько превышает средневзвешенный индекс развития человеческого потенциала по промышленно развитым странам, что дает основания и аргументы для оценки перспектив прогресса в эволюции социального облика формирующейся четверки «арабских тигров».

Отмечается активный рост предпринимательства в традиционных отраслях – в торговле, сельском хозяйстве и фабричной промышленности, а также в современных – нефтегазовой, нефтехимии, банковской сфере и индустрии туризма, строительстве и операциях с недвижимостью, интернет-экономике, цифровых коммуникациях, медицине. Эти процессы опираются на развитие образования всех уровней, научно-исследовательских центров, работающих на реальную экономику, – «станового хребта» устойчивой, саморазвивающейся инновационной экономики [4]. Показателями, дающими представление о динамике этих процессов, служат доля расходов на образование и число патентов³, зарегистрированных в рассматриваемых странах, а также рост числа высших учебных заведений, научно-исследовательских центров [3].

В группу стран с наиболее высокой долей расходов на образование входят Тунис, Алжир, Египет, Марокко. Этот показатель в названных странах даже превышает мировой уровень в 3,9% и свидетельствует о характере, векторе развития в рамках общемирового цивилизационного прогресса. Низкие показатели в Судане и Ливии – следствие торможения из-за продолжительного вооруженного гражданского противостояния, системного кризиса, переживаемого этими странами на протяжении десятилетий. Одним из самых слабых мест во всем цивилизационном развитии рассматриваемых стран пока остается формирование национальных систем научных исследований. Тем не менее данные о количестве за-

² World Population Review. Developed Countries List. UN. NY. 2021.

³ World Development Indicators. 2022. NY. UN. Education Expenditures 4.2; The World Factbook. World Bank. 2020. Patent applications. <https://data.worldbank.org/indicator/IP.PAT.RESD/> (accessed 07.06.2021)

регистрированных патентов указывают на определенный прогресс в этой одной из наиболее значимых социально-экономических сфер.

Сопоставление числа зарегистрированных патентов с данными других государств показывает степень разрыва. Для сравнения: во Франции в 2020 г. был зарегистрирован 12 771 патент, в Германии – 42 260, в Японии – 327 248, в Южной Корее – 180 477, в России – 23 759. Однако то обстоятельство, что в ряде стран (2020 г.) их немалое число: в Египте – 978, Ираке – 635, Марокко – 250, Алжире – 163, Тунисе – 180, вкупе с высокими показателями расходов на образование, ростом в последние десятилетия числа университетов, научно-исследовательских центров и, следовательно, высококвалифицированного персонала, занятого в них, дает положительную перспективу формирования научно-технического потенциала и соответствующего социального слоя. Данная оценка находит свое подтверждение и в динамике роста грамотности населения в североафриканских странах⁴.

Показатели доли расходов на здравоохранение, прежде всего на санитарную, и средней продолжительности жизни в рассматриваемых странах в известной мере суммируют, отражают степень цивилизационного прогресса, прежде всего экономического развития, роста ДВП, диверсификации национальных экономик. В немалом числе стран растущее число обеспеченных жителей из самых разных социальных слоев и групп могут себе позволить поднять долю расходов на социальные нужды – на образование, медицину и т.д., следствием чего является заметное увеличение средней продолжительности жизни (см. табл. 4).

Таблица 4. Доля расходов на здравоохранение и средняя продолжительность жизни в странах Северной Африки в конце второго десятилетия XXI в.

Table 4. North African countries' ranking by health spending (percent of GDP, average life expectancy), 2019

Страна	Рейтинг стран по уровню расходов на здравоохранение в 2019 г.*	Доля расходов на здравоохранение в ВВП в 2019 г., %	Средняя продолжительность жизни, 2019 г. Рейтинг	Средняя продолжительность жизни, 2019 г., кол-во лет
Алжир	91	6,24	63	70,88
Египет	126	4,74	116	71,99
Ливия	109	72,91
Мавритания	164	3,30	204	65,22
Марокко	114	5,31	68	76,68
Судан	130	4,57	193	67,12
Тунис	74	6,96	66	76,70

* Данные за 2019 г. по 181 стране мира. Средний показатель доли расходов на здравоохранение по всем странам равнялся 6,52. Средняя продолжительность жизни по 190 странам (2019 г.) составила 72,86 лет.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК СТРАН СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Чтобы точнее представить себе произошедшие в последние десятилетия изменения в социальном облике стран региона Северной Африки, обратимся к соответствующим данным, их динамике по региону и, для сравнения, по Африке в целом.

Общая численность экономически активного населения континента за период 1980–2000 гг. выросла в 1,8 раза, его доля в африканском населении составила около 40%. Следует отметить медленную динамику изменения отраслевой занятости населения в этот период: в сельском хозяйстве было занято более 2/3 экономически активного населения, в промышленности – около 10%, причем половина из них работала на предприятиях обрабатывающей промышленности, в сфере услуг – примерно четверть всей численности занятых.

Северная Африка отличалась самой низкой долей экономически активного населения среди регионов континента – около 25%. В отдельных странах этот показатель был существенно ниже ввиду того,

⁴ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. <https://countrymeters.info/> (accessed 18.08.2022)

что большинство женщин трудилось в собственном домашнем хозяйстве и в официальной статистике занятости не учитывалось, в частности, в Египте и Ливии.

Во второй половине XX в. под влиянием процессов урбанизации и промышленного развития, оттока сельского населения в города доля занятых сельским трудом несколько сократилась, соответственно начал расти удельный вес занятых в промышленности и сфере услуг. Рост национального частного предпринимательства во всех сферах экономики рассматриваемых стран, появление и развитие современных отраслей своим следствием имели почти удвоение за два последних десятилетия XX в. численности работающих по найму – примерно до 56 млн, что соответствует пятой части всего экономически активного населения.

К началу третьего десятилетия XXI в. численность работающих по найму в странах Северной Африки увеличилась до 40% самодеятельного населения. Около 25–30% всех занятых по найму приходилась на сельское хозяйство. До 40–45% трудилось по найму в сфере услуг, главным образом в малом бизнесе, 25–30% – в строительстве, промышленности и на транспорте.

В сельском хозяйстве численно преобладают мелкие и средние землевладельцы (до 90%), владеющие в разных странах от 30 до 50% и более всей обрабатываемой земли. Связи с рынком в разном формате и в разных масштабах усиливаются, растет доля производимой в этом секторе товарной продукции. В текущем столетии продолжался процесс концентрации земельной собственности. Постепенно росло применение удобрений, инсектицидов, других материалов и более современных орудий труда, доступ к которым частично обеспечивался через сельскохозяйственные снабженческо-сбытовые кооперативы. Средние и крупные земельные собственники переходили на предпринимательский тип ведения хозяйства с использованием более современных агротехнических приемов, наемной рабочей силы.

Растущее предпринимательство всё более опирается на современные рыночные формы хозяйствования, на, хотя всё еще относительно редкие, но численно растущие научно-исследовательские структуры сельскохозяйственного профиля – центры и институты, специалистов.

В рассматриваемый период происходит «вымывание» слоя мелких и мельчайших хозяйств, которые не в состоянии конкурировать с сегментом современных предпринимательских хозяйств, агропромышленных комплексов. Вместе с тем растущее численно предпринимательство всё еще тяготеет к вложению капиталов в торговлю, недвижимость, сферу услуг, а не в промышленное или сельскохозяйственное производство.

По данным Всемирного банка, госсектор сохраняет ключевые позиции в экономике, хотя разброс по странам его доли в ВВП значителен – от 40 до 70% и более. Соответственно, это влияло на численный рост т.н. бюрократической буржуазии. С учетом того, что в госсекторе и смешанном секторе существенно преобладали крупные и средние компании и фирмы с соответствующими объемами производства, доля занятых в них в структуре самодеятельного населения была кратно меньше доли производимого в них ВВП, а именно, 10–15% по разным странам (см. *табл. 3*, статья первая).

В целом на сегмент малых и средних хозяйств в начале 2000-х гг. в отдельных странах приходилось от 10–15% до 20–30% производимого ВВП. Спустя два десятилетия, несмотря на численный рост мелких и средних хозяйств в 2–3 раза, кардинально картина не изменилась при устойчивой тенденции, с одной стороны, к росту объемов производства в этом сегменте экономики и, с другой – к сокращению его доли в ВВП.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОСЛЕДСТВИЯ ДИНАМИКИ И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК

Переписи населения стран региона показывают стойкую религиозную приверженность исламу.

Религиозный состав населения Туниса в начале третьего десятилетия XXI в. таков: 99,6% – исповедуют ислам, 0,2% – христиане, 0,2% – атеисты и «нерелигиозные»⁵.

В Египте на рубеже второго и третьего десятилетия 94,5% – исповедуют ислам, 5,5% – христиане (копты и др.)⁶. В Алжире, Ливии и Марокко картина примерно та же⁷. Однако степень и характер при-

⁵ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Tunisia. https://countrymeters.info/ru/Tunisia#age_structure (accessed 23.07.22)

⁶ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Morocco. <https://countrymeters.info/ru/Morocco/> (accessed 18.08.2022). <http://www.hyno.ru/tom4/1140.html> (accessed 15.09.2022)

верженности существенно меняются. Крайние формы радикализма переживают кризис, чему немало свидетельств, ширится ареал умеренного ислама. Сказываются, в частности, рост грамотности во всех странах региона (в Египте грамотность среди взрослого населения заметно возросла и достигла 75%, среди молодежи превысила 95%⁸), формирование единого информационного поля, миграционные процессы, взаимное проникновение, взаимовлияние культур и цивилизаций, происходящая глобализация и близкие к ним факторы.

Но при этом усилился радикализм, переходящий в экстремизм, сравнительно немногочисленных, но исключительно активных групп, деятельность которых к тому же приобретает транснациональный характер. Всё это оказывает влияние на феномен новейшего времени – политический ислам, который всё более приобретает латентный, транснациональный, мерцающий/пульсирующий характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в статье статистические данные за последние 2–3 десятилетия, анализ тенденций социально-экономического развития и в целом хода цивилизационного прогресса в рассматриваемых странах дают основания и аргументы для оценки характера и динамики происходящих и прогнозируемых социальных сдвигов, которые на этапе транзита переживают страны региона.

То обстоятельство, что мир, включая исследуемый регион Северной Африки, вступил в полосу своего исторического развития, которая отличается беспрецедентно высокой степенью неопределенности, никоим образом не обесценивает такие оценки и суждения. Ключевые среди них следующие:

– традиционные слои общества претерпели значительные количественные изменения на протяжении рассматриваемого периода – несколько десятилетий – жизни одного поколения. При этом они претерпевают качественные изменения, определяемые не только происходящей сменой технологического способа производства, отраслевой структуры национальных экономик и т.д. [5, с. 54–61], но и трансформацией, обновлением производственных отношений;

– новизну социальному облику придают целый ряд социальных общностей, групп, появившихся под влиянием экономического развития в его глобальном, региональном и локальном измерениях: быстро выросший слой «белых воротничков» – представителей свободных профессий, технократов в основных отраслях экономики, пересекающаяся с ними т.н. бюрократическая буржуазия, связанная с государственным и смешанным сектором, в т.ч. с участием иностранного капитала;

– особую новизну формирующемуся социальному облику придает переформатирование политического ландшафта – заметная смена традиционных партий и общественных движений, которые на этапе «арабской весны» утратили полностью или в значительной мере свое общественное значение, уступив место новым политическим объединениям. Данный процесс опирается как на происходящий в этих странах «демографический переход» – рост наиболее пассионарной группы, молодежной, развитие всех уровней образования, так и на такие последствия глобализации, как формирование единого информационного пространства, связанный с ним рост политической культуры, волна урбанизации – городской среды, являющейся центром политической активности, и др.;

– отличительной чертой происходящих процессов социально-политического обновления/модернизации является возросшая роль и влияние на формирование общества сложившегося единого информационного пространства, большей свободы в выражении мнения, в утверждении гендерного равенства, в защите прав человека, в конечном счете – в формировании отдельных элементов и структур, институтов гражданского общества. Эти процессы изначально возникли извне, из экономически развитых демократий, но, возникнув, они постепенно «обрастали» локальными особенностями, сложившимися под влиянием специфики исламского общества.

Если согласиться с тем, что глобализация инициирует обновление/модернизацию экономики, социально-политической сферы цивилизационной Периферии и процесс этот в основном необратим (хотя и могут быть нередкие исключения), надо признать, что обретение нового социального облика странами Северной Африки и шире – Арабского Востока, каким бы ни был сложным, противоречивым, своеобраз-

⁷ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Algeria. <https://countrymeters.info/ru/Algeria/> (accessed 18.08.2022)

⁸ UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Egypt. <https://countrymeters.info/ru/Egypt/> (accessed 12.09.2022)

разным в каждой из стран этот процесс, движение, эволюция, трансформация происходят примерно в тех же направлениях, что и в современных развитых государствах на определенном этапе их исторического развития.

Давая обобщающую оценку африканского общества начала XXI в., академик А.М.Васильев определял его как «многомерное», патронажно-клиентельное, сочетающее патриархальные традиционные элементы с современными (см.: [7; 8]). К этой оценке, отражающей наиболее характерные черты также и современного общества стран Северной Африки и шире, можно добавить – архаика постепенно уступает обновлению, неистово и не без (временного) успеха в отдельных важных аспектах сопротивляясь социальной модернизации, порой искривляя и прерывая (временно) цивилизационный прогресс.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Мельянцев В.А., Матионина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы). М. 2019. 192 с.
Melyantsev V.A., Matiunina L.H. 2019. Essays of Macroeconomic and Financial Development of the Countries of East and West (1980–2010s). Moscow. 192 p.
2. Модернизация в странах Северной Африки: возможности и препятствия. М. 2022. 160 с.
Modernization in North African Countries: Possibilities and Obstacles. Moscow. 2022. 160 p.
3. Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Формы и направления повышения инклюзивности научно-технологического потенциала в североафриканском регионе. Научно-технологический потенциал современной Африки. М., ИАФР РАН, 2022.
Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. 2022. Building scientific and technological capacity in North African countries and enhancing its inclusiveness. Scientific and technological potential of modern Africa. Pp. 44–50. Moscow. (In Russ.)
4. Sustainable Development Goals. 17 Goals to transform our world. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 31.07.2021)
5. Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л. Социальная политика. Социальная структура. Рабочий класс: поиск новых векторов дифференциации. *Социологические исследования*. 2018, № 10.
Andreeva U.V., Lukanova E.L. 2018. Social policy. Social structure. Working class: search for new vectors of differences. *Sociology Studies*. № 18. Pp. 54–61. Moscow. (In Russ.)
6. Ближний Восток и Северная Африка: процессы модернизации и международная безопасность. М., 2016. ИАФР РАН. С. 47–185.
The Middle East and North Africa: the Problem of Modernization and International Security. Moscow. 2016. Pp. 47–185.
7. Васильев А.М. Африка – падчерица глобализации. М. 2003.
Vassiliev A.M. 2003. Africa – stepdaughter of globalization. Moscow. (In Russ.)
8. Васильев А.М. Африка и вызовы XXI века. М. 2012.
Vassiliev A.M. 2012. Africa and Challenges of XXI century. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Leading Researcher, Head, Center for North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ткаченко Константин Александрович, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Konstantin A. Tkachenko, PhD (Economics), Researcher, Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 21.04.2023

DOI: 10.31857/S032150750025686-6

Африканская политика Франции в 2017–2023 годах

© Филиппов В.Р.^a, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0501-8528; fvr1957@mail.ru

Резюме. В статье названы причины процесса деградации французской модели неокOLONIALИЗМА. К их числу автор относит разрушение ливийской государственности, вторжение исламистов в Сахель, террористическую деятельность «Аль-Каиды в странах исламского Магриба», провозглашение государства туарегов Азавад, операцию французских войск «Бархан».

По мнению автора, неспособность французов противостоять исламским террористам спровоцировала недовольство граждан ЦАР, Мали и Буркина-Фасо. В результате путчей в этих государствах от власти были отстранены профранцузские политические элиты и установились режимы, ориентированные на Москву. Для защиты населения и обучения вооруженных сил этих республик были приглашены бойцы российской ЧВК «Вагнер». Российские военные погасили наиболее острые конфликты в Сахеле, что привело к росту популярности России, с одной стороны, к разочарованию в возможности французских военных эффективно противостоять террористам – с другой. Это стало причиной падения авторитета Э.Макрона в африканских странах.

Ключевые слова: Африка, Буркина-Фасо, Мали, ЦАР, Россия, Франция, операция «Бархан», ЧВК «Вагнер», военный переворот, путч, Путин, Макрон

Для цитирования: Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 65–73. DOI: 10.31857/S032150750025686-6

African Policy of France in 2017–2023

© Vasily R. Filippov^a, 2023

^a Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0501-8528; fvr1957@mail.ru

Abstract. The geopolitical transformations of modern times marked the beginning of the end of French dominance in Western and Central Tropical Africa. The article names the main determinants of the process of degradation of the French model of neo-colonialism. Among these, the author refers to the destruction of Libyan statehood, the ensuing invasion of militants of Islamist associations into the territory of the Sahel and the consolidation of Islamists into the Al-Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM) unit, the uprising of the Tuareg in northern Mali and the proclamation of the unrecognized state of Azawad in the Sahel, the operation of the French troops “Barkhane” in the territory of the countries of the military-political bloc G5S. According to the author, the failure of operation “Barkhane”, the inability of the French troops to effectively resist Islamic terrorists provoked discontent among the citizens of the CAR, Mali and Burkina Faso. In these African states, coups d'état took place, as a result of which puppet pro-French political elites were removed from power and regimes oriented towards Moscow were established.

Keywords: Africa, Burkina Faso, Mali, Central African Republic, Russia, France, operation “Barkhane”, PMC “Wagner”, military coup, Putin, Macron

For citation: Filippov V.R. African Policy of France in 2017–2023. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 65–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025686-6

ВВЕДЕНИЕ

В 1957 г. будущий президент Франции, а тогда министр юстиции Франсуа Миттеран написал: «Без Африки не будет истории Франции в 21 веке» [1]. Этой истиной руководствовались все президенты Пятой республики – от Шарля де Голля до Эммануэля Макрона. И каждый из них стремился в меру своего таланта сделать всё, чтобы вдохнуть новую жизнь в военно-политическую систему «Франсафрик».

Начало распада этого детища генерала де Голля пришлось на правление восьмого президента Пятой республики Э.Макрона. И не потому, что он менее своих предшественников радует о процветании Французской Республики. Дело в геополитических сдвигах, деформирующих сложившееся в послевоенное время мироустройство. Эти трансформации обусловили начало конца доминирования Франции в Западной и Центральной Африке.

НАЧАЛО РАСПАДА «ФРАНСАФРИК»

19 марта 2011 г. страны Североатлантического альянса начали бомбардировки Ливии. Первыми территорию этой африканской страны начали утюжить французские «Рафали». 20 октября ВВС НАТО нанесли удар по автоколонне, в которой был автомобиль Муамара Каддафи, после чего боевики захватили его в плен и жестоко расправились с лидером Джамахирии. Это убийство вызвало ликование в Париже и Вашингтоне. В результате немотивированной агрессии ливийская государственность была разрушена. Напомню, что Каддафи в значительной степени контролировал ситуацию в государствах Сахары и Сахеля. После его убийства из стран Центральной Азии и Афганистана в Африку хлынули группировки радикальных исламистов, бандитов, террористов всех мастей. Государства Западной и Центральной Африки оказались не способны противиться этой угрозе.

Племена туарегов заявили о своих притязаниях на африканский уран. Они объявили о создании (непризнанного. – *В.Ф.*) «Исламского государства Азавад» после чего начали теснить правительственные войска Республики Мали с северных территорий этого государства. Это создавало угрозу интересам Франции, которая многие годы скупала ценное сырье по заниженным ценам. Собственные залежи урановых руд истощились во Франции еще на рубеже тысячелетий, и ядерная энергетика страны развивалась за счет урановых месторождений африканских государств (см. подробно: [2]).

Сепаратизм туарегов и активность исламистов ставили под сомнение доминирование Франции в её бывших колониях, что и стало причиной интервенции французских войск в Мали. В 2013 г. началась кампания французского экспедиционного корпуса «Сервал». В 2014 г. она распространилась на Мавританию, Буркина-Фасо, Нигер и Чад, получив название «Бархан». Одновременно с этой операцией Франция была вынуждена продолжать операцию «Сангарис» в Центральноафриканской Республике, инициированную в 2013 г. Ф.Олландом. Это была попытка сохранить военно-политическое влияние в охваченной гражданской войной стране. Но Франции не хватило ресурсов для войны на два фронта и в 2016 г. Олланд приказал вывести войска с территории ЦАР. Операция «Сангарис» бесславно завершилась, а «война всех против всех» в ЦАР продолжилась.

Разуверившись в способности французам повлиять на ситуацию, президент Фостен-Арканж Туадера пришел к выводу о необходимости смены внешнеполитических ориентаций. В октябре 2017 г. в Сочи состоялась его встреча с министром иностранных дел РФ С.Лавровым. Её результатом стало соглашение о военном сотрудничестве между Москвой и Банги. Э.Макрон поначалу отнесся к этому спокойно: в Париже сочли за благо использовать «русских» для умиротворения «французской» вотчины, ничуть не опасаясь долгосрочных последствий этого решения.

В январе 2018 г. случилось то, что журналисты назвали «русским нашествием». Военный борт из России доставил в Банги кадровых офицеров ГРУ и бойцов частной военной компании (ЧВК) «Вагнер» [3]. Российские военные за год добились того, что французы не смогли сделать за многие годы. Ситуация в ЦАР была стабилизирована, наиболее острые конфликты погашены. Значение описанных событий трудно переоценить: был создан прецедент, который показал африканцам, что неокOLONIALИЗМУ Франции можно противостоять. В декабре 2022 г. ЦАР покинул последний французский солдат¹.

Политический кризис 2020–2021 гг. в Мали стал продолжением процесса деградации системы «Франсафрик». Два военных переворота, организованные в республике офицерами армии Мали, которые непосредственно перед этим прошли переподготовку в России, закончились отстранением от вла-

¹ <https://ouest-france.fr/monde/centrafrique/les-derniers-soldats-francais-ont-quitte-la-centrafrique-57b03f26-7c9a-11ed-9ce8-d142ab264f7c#:~:text=Les%20derniers%20militaires%20fran%C3%A7ais%20d%C3%A9ploy%C3%A9s,de%20la%20mission%20logistique%20MISLOG> (accessed 21.09.2022)

сти президента Ибрагима Бубакара Кейты. Э.Макрон оказался неспособен выполнить данное им в 2017 г. обещание «сильной военной рукой» защитить креатуру Елисейского дворца. Улица единодушно поддержала восставших военных: малийцы устали от коррупции чиновников и от неспособности властей противостоять агрессии исламских террористов. Но главное – пришло понимание того, что Франция в Сахеле не борется с исламским экстремизмом, а защищает собственные экономические и политические предпочтения. После непродолжительного периода политической турбулентности в стране в мае 2021 г. Конституционный суд Мали объявил полковника Ассими Гоиту Баба Сиссе временным президентом страны. Малийцы массово поддержали нового главу государства и в большинстве своем выступили за расширение военного сотрудничества с Россией.

По понятным причинам в Париже крайне негативно восприняли изменение политической ситуации в Мали.

3 июня 2021 г. президент Франции квалифицировал как «ошибку» и «плохую юриспруденцию» решение Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) о признании полковника Гоиты главой малийского государства [4]. Макрон анонсировал завершение операции «Бархан» и вывод войск с территории Мали (см. подробнее: [5]). Столь же поспешно был выведен из Сахеля наспех сколоченный по инициативе Макрона европейский спецназ «Такуба», так и не успев отличиться на малийской земле хоть чем-то полезным². 17 февраля 2022 г. Париж объявил о том, что Пятая республика и её партнеры приняли решение о скоординированном выводе войск с территории Мали. Франция, дескать, «не видит смысла в дальнейшей борьбе против террористов в западноафриканском государстве из-за грубого нарушения международных соглашений местными властями»³.

В ноябре 2022 г. Великобритания объявила, что выводит свои войска, входящие в состав миротворческой миссии ООН МИНУСМА, на 6 месяцев раньше, чем планировалось, под предлогом того, что правительство Мали не хочет сотрудничать с Великобританией. Тогда же официальный представитель правительства Германии Ш.Хебестрайт объявил, что «Германия выведет вооруженные силы Бундесвера из состава миротворческой миссии ООН к середине 2024 г.»⁴.

Свято место пусто не бывает. В декабре 2021 г. началось развертывание в Мали ЧВК «Вагнер» – событие, которое вызвало взрыв негодования на Западе. Забыв о том, как многие годы действовала в Сахеле Франция, теперь проправительственные французские журналисты утверждают, что «деятельность “Вагнера” в Мали позволяет малийским политическим лидерам защищать режим от переворота в обмен на финансовые и минеральные концессии» [6].

Новым ударом по позициям Франции в Западной Африке стали военные перевороты 2022 г. в Буркина-Фасо. Путч, случившийся 23 января 2022 г., привел к аресту президента Рока М.Каборе: ему инкриминировали неспособность противостоять агрессии джихадистов и небрежение к нуждам армии. Так же, как в ЦАР и Мали, граждане страны поддержали военных (см. [7]).

Однако на январских демонстрациях журналисты еще не отмечали особой агрессии по отношению к Франции: жители столицы ограничились лишь пожеланием французам предоставить буркинабе возможность самим решать свою судьбу. Но уже на этих уличных акциях были зафиксированы случаи сожжения французских флагов и символов. Напротив, над толпой были заметны флаги России и портреты В.Путина.

2 октября случился новый переворот, власть захватили военные во главе с капитаном Ибрагимом Траоре⁵. И вновь причиной переворота стала неспособность власти противостоять радикальным исламистам. Улица поддержала военных. Как только военные объявили о смене власти в стране, горожане направились к посольству Франции и попытались поджечь его, на крыше здания вместо французского флага был водружен российский триколор [8].

Таким образом, за первую пятилетку правления Э.Макрона в зоне французского влияния в Тропической Африке возникла серьезная брешь, три государства продемонстрировали явное нежелание терпеть назойливую заботу Пятой республики о своем будущем. В других странах этого региона также всё более очевидным становилось неприятие африканской политики Франции.

² <https://www.france24.com/en/africa/20220701-eu-s-takuba-force-quits-junta-controlled-mali> (accessed 23.12.2022)

³ См.: <https://regnum.ru/news/polit/3508820.html> (accessed 23.04.2022)

⁴ <https://sputniknews.com/20221123/germany-to-pull-troops-from-un-mali-mission-by-mid-2024-1104570494.html> (accessed 22.01.2023)

⁵ <https://www.dw.com/fr/burkina-investiture-capitaine-traor%C3%A9-putsch/a-63522750> (accessed 22.01.2023)

ПОЧЕМУ ЭТО СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ?

Происходящее не стало откровением для политической элиты Франции. Еще в апреле 2020 г. в связи с распространением *COVID-19* в Африке эксперты парижского Центра анализа, прогнозирования и стратегии (*CAPS*) направили французскому президенту доклад «Эффект панголина: грядущий шторм в Африке». Его авторы призвали Э.Макрона готовиться к «длительной дестабилизации» в Африке в условиях «предстоящего кризиса обществ и государств». Известные французские дипломаты высказывали опасения в том, что грядущий кризис может уничтожить «хрупкие режимы» в Сахеле и Центральной Африке. Они сочли, что коронавирус может стать «политическим вирусом, который... покажет неспособность этих государств защитить свое население». Аналитики *CAPS* указывали на особую уязвимость «некоторых экономически слабых и политически нестабильных франкоязычных стран, менее надежных и структурированных, чем другие». Эксперты предупредили, что «сравнение определенных государств, чья государственная политика терпит неудачу, с другими африканскими странами, обладающими более прочными властными институтами (например, Руанда или Сенегал), было бы “неблагоприятно” для первых». «Эффект сравнения», по мнению известных политиков, мог стать дополнительным конфликтогенным фактором и привести к смене политических элит. Эксперты МИД Франции предположили, что прямым следствием грядущих экономических и политических катаклизмов станет «жесткая конкуренция за передел геополитического и экономического пространства на Африканском континенте»⁶.

Как показали события последних лет и месяцев, концептуальные положения, содержащиеся в этом документе, оказались пророческими. Французские и франкоязычные африканские масс-медиа изобилуют материалами, которые так или иначе комментируют неудачи Пятой республики на Черном континенте. Эксперты вынуждены признать, что «в нескольких франкоязычных африканских странах Москва пользуется растущей поддержкой населения, в то время как Франция... подвергается там все более резкой критике»⁷.

Еще совсем недавно бывшие колонии Франции были прочно привязаны к бывшей метрополии кабальными экономическими соглашениями. Коррупцированные политические элиты и не стремились к обретению фактической независимости, расплачиваясь за собственную безопасность экономическими интересами своих стран. Пятая республика беззастенчиво грабила богатые ресурсами суверенные государства, которые были лишены возможности продавать богатства своих недр по реальным ценам. Но за последнее десятилетие «рельефно обозначился процесс перераспределения в глобальных масштабах силы и влияния, укрепления новых полюсов формирующейся полицентричной международной системы» [9].

На Черном континенте эти геополитические сдвиги были связаны, прежде всего, со стремительным вторжением Китая в экономику африканских государств и с возвращением России в те африканские страны, которые были связаны политическими и экономическими отношениями с СССР. Рассуждая об изменениях политического ландшафта Африки, многие западные обозреватели отмечают, что «Москва сделала себя необходимой в таких странах, как Судан, Ангола, Мозамбик и Нигерия. Тесные отношения существуют у неё также с Эфиопией и Зимбабве» [10]. Всё чаще говорят о «дуге российского влияния», которая протянулась из Судана в Анголу, от Хартума до Луанды через Банги и Киншасу [11]. Известный французский политолог Арно Дюбьен заметил, что «сегодня Россия пытается превратить старые узы идеологической дружбы в геэкономическое влияние» [12].

Мобилизуя лозунги борьбы с колониализмом, Россия возвращается на Черный континент не только с контрактами, но и с бойцами ЧВК. Запад вообще, и Франция в особенности, оказались не готовы к возвращению России в Африку. Пожелавший остаться неназванным чиновник из структур ООН констатировал: «Все они (страны Запада. – В.Ф.) встревожены, они не знают, что делать. Они не ожидали прихода русских!»⁸.

⁶ <https://regnum.ru/news/polit/3042077.html> (accessed 23.04.2022)

⁷ Burkina Faso: le putschiste Ibrahim Traoré investi président de la transition. <https://fr.africanews.com/2022/10/21/burkina-faso-le-putschiste-ibrahim-traore-investi-president-de-la-transition/> (accessed 23.10.2021)

⁸ <http://www.letchadanthropus-tribune.com/tchad-centrafrique-au-porte-du-tchad-bangui-flirte-avec-les-veillees-expansionnistes-de-poutine> (accessed 22.01.2023)

Экономическая экспансия Китая в Африку стала фактом уже в начале тысячелетия, но особенно заметной она стала в последние 10 лет. Если 20 лет назад перемены в Африке мало отражались на Китае, то сейчас «в силу растущей вовлеченности Китая в дела Африки события на континенте непосредственно затрагивают его интересы» (см. подробнее: [13]). КНР уже установила тесные связи с такими странами, как Кот-д’Ивуар, Сенегал, Нигерия и Габон. В настоящее время быстро развивается сотрудничество с Египтом, Кенией, Эфиопией, Джибути, Суданом и другими странами континента. Китайские компании наращивают свое присутствие в строительном секторе и добывающей промышленности этих стран, а китайские инвесторы финансируют африканские проекты, прежде всего, в сфере энергетики и логистики (см. подробнее: [14]).

Есть основания думать, что Россия и Китай смогут договориться о совместных действиях на просторах Черного континента. Так, например, после размещения бойцов «Вагнера» в ЦАР российские и китайские компании при поддержке Москвы и Пекина быстро начали добычу алмазов в Бриа и в районе Берберати. Противостоять такому союзу трудно. Политолог Петр Акопов (РИА Новости) справедливо отметил, что такой альянс представляет серьезную угрозу для «старых» колониальных стран: «Китайские инвестиции и инфраструктурные проекты в связке с российской военно-технической помощью, подготовкой кадров, военспецами и экономическими проектами – это уже непробиваемая стена»⁹.

Нужно помнить, что сейчас за африканской «шахматной доской» расположились и новые, быстро набирающие вес игроки, такие как Турция, Саудовская Аравия, Индия, Бразилия, Япония, Южная Корея. Это позволяет африканским элитам диверсифицировать свои экономические предпочтения и, соответственно, политические и военные симпатии. Они ведут себя как разборчивые невесты, стремясь получить максимальные выгоды от конкурентной борьбы партнеров за африканские ресурсы.

Такой сценарий меньше всего радует Белый дом.

Еще совсем недавно американцев вполне устраивало то, что роль жандарма во франкоязычной Африке выполняла Франция. В Пентагоне даже радовались тому, что львиную долю сил и средств, необходимых для удержания африканцев под эгидой «коллективного Запада», вынуждены были обеспечивать французы.

В 2020 г. американское издание *The New York Times* сообщило, что глава Пентагона Марк Эспер рассматривает возможность сокращения или полного вывода американских войск из стран Субсахарской Африки. Стало известно, что он приказал АФРИКОМу подготовить план вывода войск из Сахеля. Согласно этому плану, США должны были покинуть свою военную базу в Нигере, а также прекратить поддержку Франции в борьбе с исламистами в Мали, Нигере и Буркина-Фасо. 13 января 2020 г. на встрече с коллегами по НАТО в Брюсселе председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Марк Милли подтвердил информацию о том, что Белый дом рассматривает возможность масштабного сокращения военного присутствия в Тропической Африке. Э.Макрон тогда назвал это «плохой новостью» [15].

Впрочем, с началом пандемии *COVID-19* последовало разъяснение. «Мы скорректируем присутствие в Африке», – сказал М.Эспер¹⁰. Он не стал уточнять, как именно будет реализована такая корректировка, но пояснил, что реализация её будет осуществляться в рамках конкуренции с Россией и Китаем.

В ноябре 2020 г. в Белый дом пришел новый хозяин, а у него были свои планы на будущее взаимоотношений с африканскими странами. Джо Байден не намерен без боя сдавать позиции США на Черном континенте. СВО РФ на Донбассе привела к резкой поляризации отношений на мировой арене и изменению баланса сил на Африканском континенте. Очевидно, что ситуация на Украине отвлечет силы и средства России от участия в противостоянии с Пятой республикой в Западной Африке и, скорее всего, приведет к усилению позиций США в этом регионе. Но это не должно внушать особые надежды Парижу: американцы меньше всего будут думать об интересах французов в зоне их прежнего и теперь утраченного доминирования. Можно предположить, что назойливые телефонные звонки Э.Макрона В.Путину были обусловлены в том числе стремлением договориться об учете интересов Франции в Западной и Центральной Африке в обмен на лоббирование интересов России и смягчение позиции Запада относительно СВО РФ на Украине.

⁹ <https://ria.ru/20221215/afrika-1838778765.html> (accessed 12.01.2023)

¹⁰ <https://ria.ru/20200130/1564079491.html> (accessed 23.04.2022)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ МАКРОНА

Э.Макрон пришел в Елисейский дворец в то время, когда кризис африканской политики Франции стал очевиден не только для дипломатов и экспертов, но и для французских обывателей. Серьезные трудности военной операции в Сахеле и Центральной Африке всё более откровенно обсуждались во французских масс-медиа и оказывали сильное влияние на общественное мнение. Оказавшись в 2017 г. на вершине политического Олимпа, Э.Макрон в первые же дни своего президентского правления посетил группировку французских войск в Мали и Нигере, где он заявил о намерении следовать заветам его наставника Ф.Олланда и продолжать политику «сильной руки» на Черном континенте. И это несмотря на то, что на встрече с офицерами экспедиционного корпуса в Сахеле он услышал самые неутешительные прогнозы относительно продолжения военной активности в Западной и Центральной Африке. Но тогда еще Макрон был уверен в силе французского оружия. Казус, связанный если не с применением силы, то с серьезной угрозой её применения, был вызван острым политическим кризисом 2017 г. в Того. Вопреки стремлению граждан этого государства избавиться от полувековой диктатуры семейного клана Гнассингбе, Макрон сделал всё возможное, чтобы сохранить власть коррумпированной тоголезской политической «элиты» и удержать её в русле французской политики.

События в Габонской республике, имевшие место в начале 2019 г., несколько подпортили имидж Макрона как «миролюбивого политика нового поколения» и дали повод говорить о рецидиве французского неокOLONIALИЗМА. Когда 5 офицеров национальной гвардии Габона по телевидению обратились к соотечественникам с призывом воспротивиться диктатуре семейного клана Бонго, французские военные, на постоянной основе расквартированные в стране, подавили мятеж в зародыше.

Однако боевой задор президента Франции быстро иссяк. Неудачи операции «Бархан», всё более негативное отношение африканцев к французским военным привели его к мысли о необходимости искать пути умиротворения бывших колоний на поприще дипломатии. Уже во время своего первого африканского турне Макрон попытался убедить молодых африканцев в том, что он политик нового поколения, что теперь отношения Пятой республики с суверенными африканскими странами будут строиться на основах взаимовыгодного сотрудничества. Но африканцы скептически воспринимали уверения в дружбе и обещания изменить саму суть африканской политики бывшей метрополии. Когда же Макрон сталкивался с неприятием его политической демагогии, он впадал в амбиции и вел себя высокомерно. Особенно провальным был его визит в Буркина-Фасо. Даже французские обозреватели вынуждены были признать, что по отношению к президенту Р.М.Каборе президент Франции вел себя как «колониальный чиновник, упившийся абсента»¹¹.

Осознав необходимость изменения парадигмы общения с африканскими элитами, Макрон решил прибегнуть к использованию аргумента «мягкой силы», пытался апеллировать к преимуществам пространства франкофонии, использования ресурса французского языка как ретранслятора мировой культуры. В изменившихся условиях, когда африканские элиты получили возможность выбора экономических и политических партнеров, они продемонстрировали готовность сотрудничать с Пятой республикой только в тех случаях, когда видели в этом сотрудничестве прямую материальную выгоду для своих стран. А в условиях экономического кризиса, связанного с пандемией и последствиями антироссийских санкций, непрекращающихся социальных протестов во Франции Макрон очень мало мог предложить для демонстрации полезности дружеских отношений с Пятой республикой.

Неудачи африканской дипломатии Э.Макрона слишком очевидны; он и сам понимает, что авторитет его страны на Черном континенте стремительно падает. Именно это обусловило его интерес к бывшим английским колониям, которые до сей поры не входили в сферу интересов Парижа. Президент Франции посетил Гану, Нигерию и Кению. В Найроби он сделал весьма показательное заявление: «У нас нет прошлого и, следовательно, никаких обязательств в этом регионе (в Восточной Африке. – В.Ф.), в этой стране (в Кении. – В.Ф.). Естественно, что Франция будет рассматриваться здесь как партнер, возможно, в большей степени, чем где-либо еще в Африке»¹². Имплицитно в этой фразе присутствовало признание неудач африканской политики Елисейского дворца.

¹¹ Бовдунов А. «В неокOLONIALИЗМ стили»: готова ли Франция к перезагрузке отношений с бывшими владениями в Африке. <https://russian.rt.com/world/article/455657-makron-afrika-vizit-vystuplenie-es> (accessed 11.01.2023)

¹² https://lemonde.fr/politique/article/2019/03/12/emmanuel-macron-veut-une-place-en-afrique-de-l-est-a-cote-des-chinois_5434673_823448.html (accessed 12.01.2023)

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. АФРИКАНСКОЕ ТУРНЕ МАКРОНА 2023 ГОДА

В начале марта 2023 г. Э.Макрон вновь отправился в Африку. Накануне этой поездки он сделал важное заявление. Выступая в Елисейском дворце 27 февраля, президент Франции объявил о своем намерении существенно сократить присутствие французских военных на Африканском континенте. «Изменения начнутся в ближайшие месяцы с заметного уменьшения контингента наших вооруженных сил и увеличения численности солдат наших африканских партнеров на наших базах в Африке», – сказал он и анонсировал «активизацию усилий Франции в сфере подготовки и снабжения оборудованием африканских партнеров». (По официальным данным на 1 марта 2023 г., более 3000 французских солдат возвращены в Сенегале, Кот-д’Ивуаре, Габоне и Джибути. Еще 3000 находятся в регионе Сахеля, в т.ч. в Нигере и Чаде¹³.)

Глава Пятой республики объявил, что «Африка не является площадкой для конкуренции» и что он не намерен «конкурировать с теми, кто прибывает в Африку со своими армиями и наемниками»¹⁴. Заявление эти были важны для Елисейского дворца в канун визитов на высшем уровне в страны Центральной и Южной Африки. Дипломатический провал турне 2022 г. требовал нового идеологического и политического обоснования мартовских 2023 г. встреч и обещаний.

На этот раз за пять дней Макрон посетил Габон, Анголу и Демократическую Республику Конго. Эти визиты проходили в логике заявленной накануне его африканского турне 2022 г. «новой парадигмы» африканской политики. После неудач прошлых 5 лет эксперты «сочли эту поездку Макрона в Африку *крайней мерой* (здесь и далее курсив мой. – В.Ф.) Парижа» на фоне того, что «страна стремительно теряет влияние на континенте, а сам Макрон *не понимает Африку*»¹⁵. На этом фоне присмиревший Макрон и сам декларировал, что «Парижу необходимо проявить *глубокую скромность* в отношении с континентом и перейти от логики помощи к логике инвестирования»¹⁶. Только вот в сложившейся в настоящее время геополитической ситуации инвестировать Франции практически нечего.

Габон. В Габоне президент Франции в который уже раз заявил, что эпоха «Франсафрик» осталась в прошлом, и посоветовал на то, что «Франции приписывают намерения, которых у неё больше нет»¹⁷. Однако декларации такого рода сейчас воспринимаются африканцами как насмешка. Дело в том, что в 2007 г. Николя Саркози обещал пересмотреть африканскую политику и выразил уверенность в том, что Франция больше не будет играть на континенте роль жандарма. Политолог Кристоф Буабувье констатировал тогда: «Саркози обещал порвать сети “Франсафрик”, сотканые его предшественниками»¹⁸. В 2012 г. Ф.Олланд, выступая перед депутатами Национального собрания Сенегала, говорил о том, что впредь Париж будет дискутировать с африканскими государствами на равных, а практика неокOLONIALИЗМА уйдет в прошлое. «Времена того, что называли “Франсафрик”, прошли», – заявил он¹⁹.

Следуя традиции отречься от политики «Франсафрик», Э.Макрон в 2017 г. объявил, что «хочет забыть о колониальном прошлом африканских стран и начать отношения с ними с чистого листа»²⁰. Комментируя электоральные обещания Макрона, директор Французского агентства развития Жан-Мишель Северино тогда заявил, что есть достижения предыдущего правительства, которые новый президент со-

¹³ Macron arrives in Gabon to begin tour of Central Africa. https://www.lemonde.fr/en/le-monde-africa/article/2023/03/01/macron-arrive-in-gabon-as-he-begins-tour-of-central-africa_6017859_124.html

¹⁴ Macron annonce une nouvelle réduction des effectifs militaires en Afrique. https://www.lepoint.fr/politique/macron-annonce-une-nouvelle-reduction-des-effectifs-militaires-en-afrique-27-02-2023-2510243_20.php (accessed 29.03.2023)

¹⁵ Эксперт считает поездку Макрона в Африку крайней мерой Парижа. <https://ria.ru/20230302/frantsiya-1855321366.html?in=t>

¹⁶ Le «nouveau» discours africain d’Emmanuel Macron: entre humilité et autosatisfaction. <https://www.jeuneafrique.com/1422033/politique/le-nouveau-discours-africain-demmanuel-macron-entre-humilite-et-autosatisfaction/> (accessed 02.04.2023)

¹⁷ Emmanuel Macron au Gabon : l’ère de la « Françafrique est révolue », déclare le président français. https://lemonde.fr/afrique/article/2023/03/02/emmanuel-macron-a-commence-sa-tournee-africaine-sur-le-theme-de-la-protection-des-forets-au-gabon_6163848_3212.html

¹⁸ Boisbouvier C. 50 years later, Françafrique is alive and well. <http://en.rfi.fr/afrique/20100216-50-years-later-francafrique-alive-and-well> (accessed 29.03.2023)

¹⁹ Олланд: Африка – будущее мировой экономики. <http://www.vz.ru/news/2012/10/13/602344.html> (accessed 29.03.2023)

²⁰ Burkina Faso. Une grenade pour l’arrivée de Macron à Ouagadougou // Le journal numérique. 2017, 28 novembre.

хранит, такие как, например, *отказ* от теневой политики «Франсафрик»²¹. По этому поводу политолог Тьерри Виркулон заметил, что декларации Макрона в 2023 г. ничего не добавляют к давно сказанному: «Франсафрик давно не существует. Это своего рода пугало, которое президент ставит перед собой, чтобы заставить людей поверить в то, что его позиция отличается новизной, тогда как он не делает и не говорит ничего нового»²².

Демократическая Республика Конго. Визит Макрона в эту страну был еще менее удачным. (Отмечу, что он проходил на фоне массовых митингов, на которых конголезцы протестовали против визита Макрона в их страну²³.) Это, видимо, задело самолюбие французского лидера, который потерял самообладание и «принял позу и тон», которые вызвали раздражение президента Феликса Чисекеди. Макрон объявил, что «не Франция виновата в том, что конголезцы не смогли восстановить ни военный, ни силовой, ни административный суверенитет своей страны». Обиженный конголезец призвал французского гостя посмотреть на его народ по-другому, «не патерналистским взглядом, думая, что вы всегда лучше знаете, что для нас нужно». Президент ДРК заметил, что неуместный «французский патернализм» делает Францию «вечным преподавателем уроков по отношению к континенту и его лидерам»²⁴.

Ангола. Макрон посетил также Анголу, бывшую португальскую колонию, которая прежде не входила в сферу внимания Франции. Этот визит вызвал в экспертном сообществе недоумение. В Луанде Макрон высказал пожелание, чтобы Ангола стала крупным партнером Франции в Африке. Тьерри Виркулон прокомментировал это таким образом: «Страна входит в пятерку самых крупных должников в Африке, и большая часть её долга принадлежит Китаю. Я не понимаю, как Ангола могла бы заплатить Франции, это экономическая загадка». (Эксперт заметил, что это относится также и к ДРК, «у которой нет денег и которая вкладывает то небольшое, что у неё есть, в свою армию, которая воюет в восточном Конго».) Оценивая итоги последнего африканского вояжа 2023 г. президента Франции Тьерри Виркулон пессимистично заметил: «Макрон не должен скоро вернуться в Африку. Причин возвращаться туда уже не так много»²⁵.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Yves-Justice Dj. 2016. L'Afrique a-t-elle encore une importance stratégique pour la France au XXIe siècle? *Géoeconomie*. № 5 (№ 82.). Pp. 99–107.
2. Filippov V.R. 2015. Uranium Factor in France's Foreign Policy Towards Africa. *Sententia. European Journal of humanities and social sciences*. № 2. Pp. 171–185.
3. Ourdan R. Soldats, mercenaires et conseillers russes se multiplient dans la capitale centrafricaine. https://www.lemonde.fr/afrique/article/2018/04/23/la-russie-installe-peu-a-peu-sa-presence-dans-la-capitale-centrafricaine_5289462_3212.html#VxQVAP1AySbmjvED.99 (accessed 23.04.2018)
4. Coutausse J.-C. Fin de l'opération "Barkhane", dons de vaccins, haine en ligne: les points essentiels de la conférence de presse d'Emmanuel Macron. *Le Monde*. 2021, 10 juin.
5. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8
Filippov V.R. 2022. Operation "Barkhane": an inglorious end? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018297-8
6. Doxsee C., Bermudez J. Tracking the Arrival of Russia's Wagner Group in Mali. <https://www.csis.org/analysis/tracking-arrival-russias-wagner-group-mali> (accessed 12.04.2022)
7. Сигов Ю. Откуда российские флаги в Буркина-Фасо. https://www.ng.ru/kartblansh/2022-10-05/8_8557_kb.html (accessed 22.01.2023)

²¹ Châtelot Ch., Bensimon C. Les premiers pas du président Macron en Afrique. http://www.lemonde.fr/afrique/article/2017/05/19/les-premiers-pas-du-president-macron-en-afrique_5130291_3212.html (accessed 29.03.2023)

²² Rousseau L. Emmanuel Macron en Afrique: pourquoi son voyage a été autant critique. <https://www.ladepeche.fr/2023/03/07/emmanuel-macron-en-afrique-pourquoi-son-voyage-a-ete-vise-par-autant-de-critiques-11041648.php> (accessed 29.04.2023)

²³ «L'âge de la Françafrique est révolu», assure Emmanuel Macron. <https://www.jeuneafrique.com/1423424/politique/lage-de-la-francafrique-est-revolu-assure-emmanuel-macron/> (accessed 29.04.2023)

²⁴ Rousseau L. Emmanuel Macron en Afrique: pourquoi son voyage a été autant critique. <https://www.ladepeche.fr/2023/03/07/BOOK-REVIEW-emmanuel-macron-en-afrique-pourquoi-son-voyage-a-ete-vise-par-autant-de-critiques-11041648.php>

²⁵ Rousseau L. Emmanuel Macron en Afrique: pourquoi son voyage a été autant critique. <https://www.ladepeche.fr/2023/03/07/emmanuel-macron-en-afrique-pourquoi-son-voyage-a-ete-vise-par-autant-de-critiques-11041648.php> (accessed 29.03.2023)

- Sigov Y. Where do Russian flags come from in Burkina Faso. (In Russ.). https://www.ng.ru/kartblansh/2022-10-05/8_8557_kb.html (accessed 22.01.2023)
8. Филиппов В.Р. Буркина-Фасо: путч 2022 г. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 40–47.
Filippov V.R. 2022. Burkina Faso: putsch of 2022. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020974-3
 9. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 7. С. 3.
Fituni L.L., Abramova I.O. 2012. Patterns of formation and change of models of world economic development. *World Economy and International Relations*. № 7, p. 3. Moscow. (In Russ.)
 10. Signer D. Wie Russland afrikanische Krisenländer infiltriert. <https://www.nzz.ch/international/wie-russland-afrikanische-krisenlaender-infiltriert-ld.1389297> (accessed 12.06.2021)
 11. Dietrich T. En Centrafrique, un parfum de guerre froide. <https://www.lopinion.fr/edition/international/en-centrafrique-parfum-guerre-froide-156731> (accessed 12.04.2020)
 12. Dubien A. La Russie s'intéresse également à la nouvelle Afrique. http://afrique.lepoint.fr/economie/arnaud-dubien-la-russie-s-interesse-egalement-a-la-nouvelle-afrique-page-2-25-10-2017-2167405_2258.php (accessed 11.04.2020)
 13. Африка: современные стратегии экономического развития / Под ред. Абрамовой И.О., Морозенской Е.В. М.: ИАФР РАН. 2016. 432 с.
2016. Africa: Modern Strategies for Economic Development / Eds. Abramova I.O., Morozenskaya E.V. Moscow. 432 p. (In Russ.)
 14. Фитуни Л.Л. Африка: ресурсные войны XXI века. М.: ИАФР РАН. 2012. 248 с.
Fituni L.L. 2012. Africa: resource wars of the 21st century. Moscow. 248 p. (In Russ.)
 15. См. подробно: Филиппов В.Р. «Плохая новость для Эммануэля Макрона». *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 4. С. 4–12. DOI:10.31857/S032150750009087-7
Filippov V.R. 2020. “Bad news for Emmanuel Macron”. *Asia and Africa today*. № 4. Pp. 4–12. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750009087-7

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Филиппов Василий Рудольфович, доктор исторических наук, Центр изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Vasily R. Filippov, Dr.Sc. (History), Center for Tropical African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 26.04.2023

DOI: 10.31857/S032150750025706-8

Феномен нации и его трансформация в постколониальном мире

© Хохолькова Н.Е.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5165-1925; khokholkova@gmail.com

Рецензия на книгу: **Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте** (М.: Издательский дом ЯСК, 2022). 400 с. ISBN 978-5-907498-42-6

Ключевые слова: Азия, Африка, множественность модернов, нация, нациестроительство, мир-системный анализ

Для цитирования: Хохолькова Н.Е. Феномен нации и его трансформация в постколониальном мире. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 74–76. DOI: 10.31857/S032150750025706-8

The Phenomenon of the Nation and Its Transformation in the Post-Colonial World

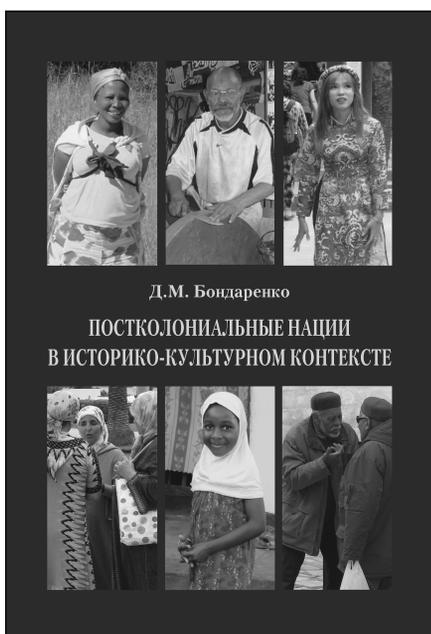
© Nadezhda E. Khokholkova^а, 2023

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5165-1925; khokholkova@gmail.com

Review of the book: **Bondarenko D.M. Post-Colonial Nations in the Historical and Cultural Context** (Moscow, 2022. 400 p.) (In Russ.). ISBN 978-5-907498-42-6

Keywords: Asia, Africa, multiple modernities, nation, nation-building, world-system analysis

For citation: Khokholkova N.E. The Phenomenon of the Nation and Its Transformation in the Post-Colonial World. *Asia and Africa today*. 2023, № 5. Pp. 74–76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025706-8

В условиях уплотнения исторического времени – увеличения количества, разнообразия и скорости глобальных и локальных трансформаций в его единицу – исследование процессов формирования и модернизации национальных государств и идентичностей приобретает всё большую актуальность. Непрерывно изменяясь изнутри, нации продолжают оказывать влияние на самые разные стороны общественного развития – они остаются важными субъектами международного права, политики, экономики, культуры. Вслед за трансформациями отдельных национальных сообществ происходит переосмысление подходов к их изучению.

Вторая половина XX в. ознаменовалась появлением нескольких десятков государств, освободившихся от колониальной зависимости. Подавляющее большинство молодых признанных суверенными стран образовалось в афро-азиатском регионе. Проблемы построения и объединения нации приобрели для каждой из них особое значение, которое из-за целого ряда исторических и региональных особенностей, обусловленных в том числе и сложным синтезом традиционного и колониального наследия, во многом сохраняется и по сей день.

Книга члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора *Д.М.Бондаренко* «**Постколониальные нации в историко-культурном контексте**» (М., 2022) посвящена проблеме формирования наций в странах Азии и Африки, находившихся в колониальной зависимости от западных государств в период со второй половины XIX в. до второй половины XX в. и получивших независимый статус не ранее 1945 г. Однако автор не ограничивает себя строгими географическими рамками, демонстрируя взаимосвязанность и резонанс крупных историко-культурных процессов. Постколониальный мир, по мнению Д.М. Бондаренко, – «весь современный мир, потому что деколонизация второй половины 1940-х – 1960-х гг. имела для глобального Севера едва ли меньшие трансформирующие последствия, чем для глобального Юга» (с. 13). Представленное исследование имеет фундаментальный характер как ввиду масштаба охваченных проблем и комплексности их описания, так и в силу нетривиальности авторского подхода.

В понимании автора, нация – «надэтническая общность людей, верящих в свое единство (т.е. в общую для них национальную идентичность)...» (с. 15), оформившаяся как феномен в период модерна (Нового времени). Главная идея монографии состоит в демонстрации исторической изменчивости концепта и сущности нации, особенно в зависимости от темпорального и регионального измерений. Современные нации Д.М.Бондаренко рассматривает сквозь призму теории множественных модернов, согласно которой мир представляется как совокупность связанных разнообразий, «федерация локальных цивилизаций модерна» (с. 42). Автор акцентирует внимание на исторических условиях формирования и модернизации наций.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения, обширного списка литературы и краткой англоязычной аннотации (*Summary*).

В **первой главе** «*Феномен нации и эпоха модерна (Нового времени)*» исследователь подробно охарактеризовал тематические и концептуальные границы труда, а также дал контекстуальное пояснение основным смысловым категориям, в числе которых не только «нация» и её производные, но и «гражданское общество», «демократия», «модерн», «секулярность», «религиозность», «иерархичность». Сопоставления значений указанных понятий с хронотопом и избранной теоретической рамкой позволили автору прийти к выводам о всеобъемлющей современности («В современную эпоху нет “несовременных” культур» [с. 44]) и её множественности, обусловленной различиями в «социальном творчестве культур мира на тему модерна» (с. 40). В заключении первой главы Д.М.Бондаренко выдвинул тезис о «глубинной социоисторической связи» (с. 46) между национализмом и колониализмом, более полно раскрытый далее.

Вторая глава «*Колониализм – постколониализм – нации*» посвящена анализу законов, механизмов и практик построения национальных государств в колониальный и постколониальный периоды. «Фундаментальные различия в предпосылках, условиях и процессах сложения наций» (с. 47) детерминированы различиями между историческими ситуациями, в которых в одно и то же время оказались Запад, Азия и Африка. Классические национальные государства, изобретенные западным модерном, представляли собой модель развития для других (незападных) модернов. Однако способы и результаты воспроизводства этой модели в странах афро-азиатского региона зависели от специфики конкретной «колониальной ситуации» и ряда факторов. Среди них автор книги выделил сохранение и трансформацию доколониальных институтов, в частности общины «как базовой формы социально-экономической организации» (с. 49), (поли)этничность, коллективную историческую память, уровень образования, укрепление среднего класса и т.д. Д.М.Бондаренко отметил, что в постколониальных странах процессы формирования нации происходили инверсивно – «...в постколониальном мире национальные государства провозглашались и утверждались в отсутствие наций, но при убежденности лидеров новых суверенных государств в абсолютной необходимости их скорейшего формирования...» (с. 58), а доминирование того или иного фактора нередко приводило к дисбалансам и фрагментациям в обществе, к этнократизации или неотрадиционализации политических режимов.

В **третьей главе** «*Постколониальные нации в историко-культурном контексте: три примера*» ключевые историко-культурные аспекты формирования наций рассматриваются на примере трех африканских государств: Танзании, Замбии и Уганды. Выбор обусловлен не только опытом полевых исследований автора и тем, что страны образуют своего рода «географический кластер» (с. 150), но и исторической общностью условий и особенностей процессов нациестроительства. Анализируя как внутренние, так и внешние обстоятельства формирования национальных государств в субсахарской

Африке, ученый приводит иллюстрации влияния обозначенных в предыдущей главе факторов на их становление. Д.М.Бондаренко аргументированно демонстрирует, как при достаточно схожих «стартовых позициях» вышеуказанные государства пришли к разным результатам. Справедливо утверждая, что Танзания по сравнению с Замбией и Угандой в частности и с другими странами Африки южнее Сахары в целом максимально приблизилась к появлению нации в её классическом виде, исследователь подробно анализирует причины подобных успехов. Наиболее существенную интегрирующую роль, по его мнению, сыграла культура суахили, воспринимаемая танзанийцами как «автохтонная – однозначно африканская» (с. 153). Тем не менее, согласно заключениям Д.М.Бондаренко, сегодняшнее отсутствие единой культурной платформы для построения устойчивого национального государства не лишает такие государства, как Замбия и Уганда, перспектив гармоничного и эффективного развития в будущем.

Четвертая глава «Сложение наций в постколониальных странах в историко-культурном контексте нашего времени» предлагает читателю развернутое объяснение заявленного во вводной части тезиса о сущностной трансформации феномена нации в условиях постколониальной современности. Согласно замечанию автора, в настоящее время суть нации усложняется – «из общности, основывающейся на культурном единстве её членов, она превращается в общность мультикультурную, покоящуюся на иных основаниях» (с. 217). За исключением причастного оборота, косвенно допускающего, что нация может пребывать в состоянии покоя (хотя автор неоднократно подчеркивал, что рассматривает нацию как явление, существующее в динамике), данное утверждение выглядит убедительным. Диверсификация социума, выраженная в том числе и в множественности идентичностей тех, кто его образует, транснационализация культуры и технологий (прежде всего коммуникационных) ведут к изменению облика и характера национального государства.

Монография Д.М.Бондаренко вносит существенный вклад в разработку теории нации и мировой истории наций. На её страницах представлена завершённая, целостная, методологически состоятельная, хоть и не всегда четко структурированная авторская концепция формирования и модернизации постколониальных наций. В ней нашли отражение исторические и современные, глобальные и локальные проблемы. В числе несомненных достоинств монографии обширная источниковая и историографическая база исследования, включившая в себя немалое количество работ, написанных учеными из Африки и Азии.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, в первую очередь, для историков, антропологов, политологов, социологов, африканистов и востоковедов, а также студентов гуманитарных специальностей. Усложнение социальных и культурных систем ставит перед академическим сообществом множество вопросов: что собой представляет современная нация? в чём состоят особенности и перспективы нациестроительства в постколониальных странах? ведут ли развивающиеся мультикультурные процессы к исчезновению национального государства? Исследование Д.М.Бондаренко не только способствует их более корректному и конкретному формулированию, но и предлагает весьма оригинальные и определенные ответы на некоторые из них.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хохолькова Надежда Евгеньевна, кандидат исторических наук, ст.н.с., Центр истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Nadezhda E. Khokholkova, PhD (History), Senior Researcher, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.01.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.03.2023

Принята к публикации
(Accepted) 23.04.2023

DOI: 10.31857/S032150750025685-5

История российско-эфиопских отношений до 1917 года

© Ткаченко А.А.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

Рецензия на книгу: *Хренков А.В. Россия и Эфиопия: история отношений от Петра I до Николая II* (М., 2022) 208 с. ISBN 978-5-6045955-7-2

Ключевые слова: Россия, Эфиопия, Африка, международные отношения, колониальные войны, Великобритания, Франция, Италия

Для цитирования: Ткаченко А.А. История российско-эфиопских отношений до 1917 года. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 77–79. DOI: 10.31857/S032150750025685-5

The History of Russian-Ethiopian Relations before 1917

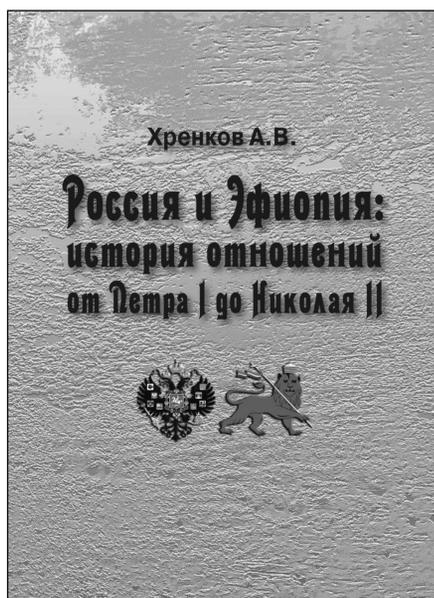
© Alexander A. Tkachenko^а, 2023

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

Review of the book: *Khrenkov A. Russia and Ethiopia: The History of Relations from Peter I to Nikolai II* (Moscow, 2022) 208 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6045955-7-2

Keywords: Russia, Ethiopia, international relations, colonial wars, Great Britain, France, Italia

For citation: The History of Russian-Ethiopian Relations before 1917. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 77–79. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750025685-5

Рецензируемая книга – «**Россия и Эфиопия: история отношений от Петра I до Николая II**» (М., 2022) стоит в ряду работ российских исследователей-африканистов, посвященных изучению истории российско-эфиопских отношений. Представленный в ней обширный фактический материал и аналитические оценки автора охватывают период с начала XVIII в. по 1917 г.

Автор книги А.В.Хренков, в начале 1990-х гг. – участник совместной российско-эфиопской научной экспедиции, впоследствии в течение нескольких лет совмещал научную деятельность с дипломатической работой в качестве 2-го секретаря посольства РФ в Эфиопии. Длительное пребывание в Эфиопии позволило не только собрать бесценный материал в ходе полевых исследований, но и тщательно изучить имеющиеся в России и Эфиопии архивные документы, касающиеся истории отношений между двумя странами.

Автор предпринял попытку, опираясь на обширный фактический материал, содержащийся в российских архивах и других источниках, осмыслить причины, по которым Петр I «искал надежные пути в Эфиопию» с целью установить первые контакты с эфиопскими властями, а затем и наладить разносторонние межгосударственные отношения, «прорубив окно» не только в Африку, но и в страны Южной Азии, «на юг» в целом.

С попытки Петра I начинается **первая глава** книги, названная «*Предыстория русско-эфиопских отношений*». Первые контакты пролегли через частные инициативы – деятельность Порфирия Успенского, казачьего атамана Н.И.Ашинова, экспедиции В.Ф.Машкова, Н.С.Леонтьева и др. В этот период в истории русско-эфиопских отношений тесно переплелись инициативы государственные и личные, идейная увлеченность и авантюризм, корыстолюбие и бессребреничество. Одни сопровождались очевидными успехами, другие – не менее очевидными неудачами и провалами.

Российские власти не форсировали процесс дипломатического признания и полномасштабного наполнения отношений. Тому были достаточно веские причины, которые автор показал выпукло и аргументированно. Российские и эфиопские власти с помощью разноформатных дипломатических миссий пытались лучше понять интересы партнеров, а затем, опираясь на более четко осознанный интерес, принять те меры, которые бы наилучшим образом послужили как каждой из сторон, так и общим целям.

Целенаправленные усилия, опиравшиеся на накопленные знания о партнере, а также проявленный военный и геополитический потенциал Эфиопии, высшим достижением которой стала победа над итальянским экспедиционным корпусом при Адуа в 1896 г., сформировали ту основу, которая позволила существенно продвинуть русско-эфиопские связи, установить дипломатические отношения.

Во **второй главе** «*Установление официальных дипломатических отношений между Россией и Эфиопией*» центральное место отведено анализу деятельности первой российской дипломатической миссии в Эфиопии, которую возглавил П.М.Власов. Ему пришлось не только разбираться в многочисленных хитросплетениях, связанных с политическим курсом крупнейших европейских держав в Африке, и, в частности, в Эфиопии (независимость которой подвергалась испытанию), но и препятствовать деятельности авантюристов и политических мошенников, стремившихся втянуть Россию в заведомо провальные «проекты». Некоторые из них сыграли заметную, хотя и противоречивую роль в становлении двусторонних отношений России и Эфиопии. А.В.Хренков подробно рассмотрел подобного рода «инициативы», которые неизбежно грозили России крупными имиджевыми и финансовыми потерями, нанесли бы значительный урон русско-эфиопским отношениям. Вместе с тем царское правительство предоставило Эфиопии посильную помощь как в гуманитарной, так и в военно-технической сфере, а также оказало значительное и разнообразное советническое содействие. Особенно позитивно в широких кругах населения Эфиопии ценили подвижническую деятельность российских медиков.

Третья глава «*Русско-эфиопские отношения в 1903–1906 гг.*» посвящена довольно непростому периоду, начало которого связано с учреждением в Эфиопии постоянной дипломатической миссии во главе с министром-резидентом К.Н.Лишиным. В целом двусторонние русско-эфиопские связи, несмотря на изменчивость политической конъюнктуры, сохраняли те положительные наработки, которые сложились при П.М.Власове. Позитивные результаты выразились в продолжении работы русского госпиталя, геологоразведочной и консультационной деятельности, дружественном стиле в контактах. Однако на них не могли не отразиться те неудачи и осложнения, с которыми Россия столкнулась в результате поражения в русско-японской войне, отсутствие прогресса в реализации запросов эфиопской стороны на предоставление крупной финансовой помощи, учреждении русско-эфиопского банка, заключении военно-политического союза и т.д.

Заключительная **четвертая глава** «*Русско-эфиопские отношения в 1907–1917 гг.*» отражает наметившийся в этот период спад в двустороннем сотрудничестве. Автором выявлены и определены причины этого спада – нараставший в России политический и экономический кризис начала XX в., революция 1905–1907 гг. и др. Негативно сказались и перемены, происходившие во властных кругах Эфиопии.

В краткой рецензии, разумеется, невозможно охватить все многочисленные сюжеты истории русско-эфиопских отношений. Но они со знанием дела освещены в книге. Исследование А.В.Хренкова читается с интересом, его оценки заставляют читателя задуматься над непростой, полной захватывающих событий историей международных отношений через призму отношений двух крупных государств, каковыми являются Россия и Эфиопия, ряда других мировых держав, в том числе колониальных империй – Великобритании, Франции, Италии и шире.

Обширна библиография рецензируемой книги. Она включает 40 источников, в том числе российские архивные документы, сами по себе представляющие несомненный интерес. Автор провел серьезное научное исследование, опирающееся на первоисточники. В материалах, основанных на подлинных документах, приводятся свидетельства вклада русских дипломатов, военных, врачей, геологов и религиозных деятелей в российско-эфиопские отношения.

Монография, несомненно, привлечет внимание и интерес дипломатов, африканистов – историков, политологов и других специалистов-эфиопистов, всех, кто интересуется историей государства Российского, Африкой, Эфиопией – одной из крупнейших стран Черного континента, в которой расположена штаб-квартира Африканского союза.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ткаченко Александр Алексеевич, к.э.н., вед.н.с.,
заведующий Центром изучения стран Северной Аф-
рики и Африканского Рога, Институт Африки РАН,
Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Leading
Researcher, Head, Center for North Africa and African
Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Aca-
demy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 27.02.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 04.04.2023

Принята к публикации
(Accepted) 28.04.2023